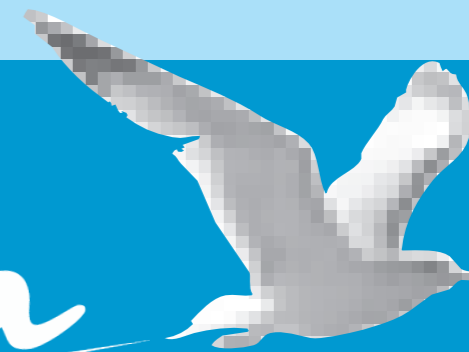

Подписной индекс журнала *Двина*
83751

Электронная почта: dvinalit@atnet.ru

Интернет-сайт: <http://writers.aonb.ru/>

Двина

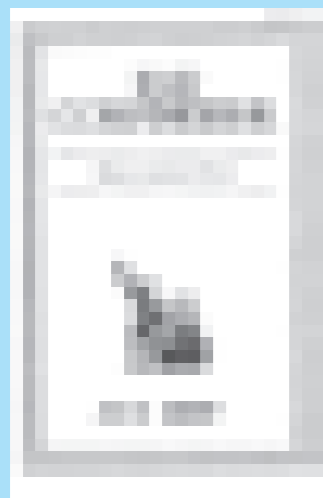
2007 • № 4(28)

Русский Север — в Москве

Под рубрикой «На земле Ломоносова» журнал «Наш современник» (№ 8 за 2007 г.) опубликовал большую подборку произведений архангельских поэтов и прозаиков.

Открывают номер стихи **Александра Логинова** (Каргополь) «Вот — я, вот — Север...». В поэтической рубрике — произведения **Елены Кузьминой** «И печален любой просёлок», **Инэля Яшиной** «Поднимусь над гребнями молвы», **Василия**

Матонина «Тишина на Севере. Покой...». Архангельскую прозу представляют рассказ **Александра Антипина** (Мезень) «Прялка», миниатюры **Сергея Мурашова** (Вельский район) «В войну» и отрывки из романа **Михаила Попова** «Свиток».

- До конца 2007 года и в начале 2008-го журнал «Наш современник» планирует, в частности, опубликовать:
 - материалы к юбилею **Василия Белова**;
 - книгу **Сергея Куняева** «Николай Клюев»;
 - последнюю поэму **Николая Клюева** «Кремль», написанную в ссылке;
 - стихи **Ольги Фокиной...**

Подписные индексы «НС»:
по каталогу «Роспечати» 73274,
по каталогу «Почта России» 12625.

ИЗ ПОЧТЫ

Свежий номер — уже в работе

Большое спасибо за публикацию в журнале двух сочинений. Их авторы — уже выпускники, **Нина Бойко** — студентка втуза, а **Женя Онегин** сейчас приехал в отпуск из армии и по моему приглашению сегодня провёл классный час. А служит он в президентском полку. Журнал стал неожиданным, волнующим и очень приятным сюрпризом для него.

Я познакомилась с материалами 3-го номера и уже использовала на уроках русского языка в 7 и 8-м классах статью **Е. Ш. Галимовой** и доклад **Владимира Личутина**. Много других интересных публикаций. Спасибо! Изящно новое оформление обложки.

Марина Николаевна ДРЯХЛИЦЫНА
6 сентября 2007 г. г. Северодвинск

Господи,
укрепи
Россию!

90 лет Октябрьской революции

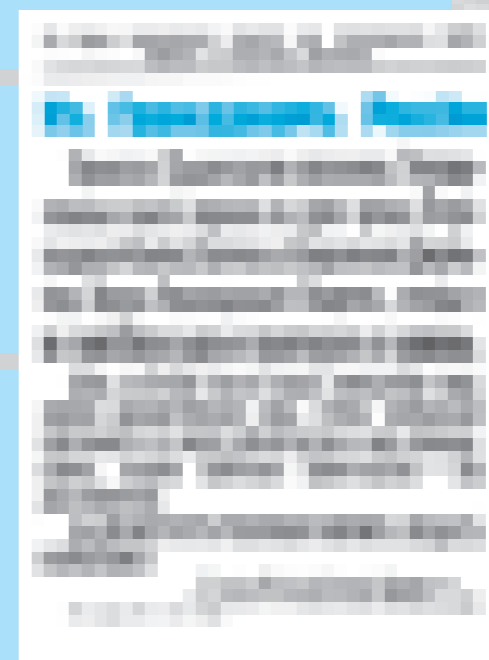
«**ВЛАСТЬ — НАРОДУ!**» —
лозунг того года

Как выбирали
в Думу
100 лет назад, или

«Какое,
милые, у нас
тысячелетие
на дворе?»

**Соловки
как зеркало
сегодняшней
России**

Без флота державы нет!

РОДИНА МОЯ...

Август 2007 года. Разорённое северное селение. Какое? Где? Как называется?

А какая разница? В таком плачевном состоянии находятся десятки и сотни деревень и сёл Подвигья, Поонежья, поселения на Мезени и Печоре. Любой горожанин, имеющий деревенские корни, подтвердит это.

И как насмешка (или усмешка времени) — новенький, посреди разрухи, беспроволочный телефон. Для чего он поставлен и кому по нему говорить? Деревне — с Москвой? Навсегда ушедшим — с Кремлём? Так на горних верхах, куда Господь прибрал души здешних насельников, связь иная. К тому же Москва, как известно, слезам не верит и всё равно не отзовется на стенания...

(Продолжение на 2-й стр.)

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Николай ЖУРАВЛЁВ

* * *

В который раз надежда и отчаянье —
Ревнивые соперницы, опять
Моей души нарушили молчание,
Чтоб оживить её или распять.
Как день и ночь, то солнышком, то теменью
Они меня пытаются на излом.
Безвременье, безвременье, безвременье —
Доверье, опоясанное злом.
Презрение сменяется гонением,
Терпение само себя крушит.
Но всё-таки я чувю оживление
Распятой, но не сломанной души.
Когда среди сплошного одичания,
Где здравый смысл немислимо понять,
Моя душа выходит из молчания,
И я пою — то должен устоять.
И прошлое, и будущее — наши.
Зачем же в устремлениях своих
Мы всё черним в свершениях вчерашних
И громко отрекаемся от них?
Ужели нам не служат наученьем
Закаянные прошлые года,
Что всякий путь черненья-очернения —
Жестокая дорога в никуда?
Ведь было же (терзает душу совесть!)
Когда мы в одержимости своей
С «дурманами религии» боролись,
А рушили культуру до корней.
И падали светлицы и соборы
(Ломать — не строить! Лучший — кто лютей!).
И выбили погромщики опоры
Из-под себя, из-под своих детей.
И вот опять крушители воззвали:
«Долой, что было сделано до нас!»
Скажите, «архитекторы развалин»,
Когда наступит созиданья час?
Уже мы пели, надрывая души,
С азартом ожиданья перемен:
«Весь мир насилья мы разрушим...»
А что построили взамен?

1991

Литературный календарь-2008

• Январь

9 — 95 лет назад родился **Евгений Степанович Коковин**, широкую известность которому принесла повесть «Детство в Соломбале».

16 — 10 лет назад не стало **Алексея Григорьевича Трапезникова**, замечательного певца Нёноксы и всей Поморской земли. Он автор нескольких поэтических сборников.

18 — 85 лет исполнилось бы **Евгению Фёдоровичу Богданову**, уроженцу Каргопольского района, писателю-фронтовику.

• Февраль

16 — 110 лет назад родился **Илья Яковлевич Бражнин**. Событиям в Архангельске перед революцией, Гражданской войне и интервенции на Севере посвящены его романы «Моё поколение», «Друзья встречаются».

• Март

1 — 115 лет назад родилась нижнепечорская сказительница **Маремьяна Романовна Голубкова**.

9 — 105 лет назад родился на шенкурской земле **Иван Никанорович Молчанов**, один из поэтов первого комсомольского поколения.

13 — золотой юбилей у поэтессы **Надежды Валентиновны Князевой**, члена Союза писателей России.

20 — 70 лет со дня рождения **Валентина Алексеевича Устинова**. В 1965 году приехал в Архангельск, был собкором «Правды Севера» по Ненецкому округу. В 1968 году в Архангельске вышел его первый сборник стихов «Зелёная песня».

27 — 95 лет назад родился поэт и прозаик **Александр Яковлевич Яшин**. В 1933—1935 годах, до поступления в Литературный институт, жил в Архангельске. Здесь вышла его первая книга.

31 — 165 лет назад на Пинежье родилась сказительница **Мария Дмитриевна Кривополенова**.

* 40 лет назад в Архангельске выступал **Владимир Семёнович Высоцкий**.

• Апрель

28 — 65 лет назад под Мозырём при выполнении специального задания в немецком тылу погиб журналист и писатель **Иван Николаевич Меньшиков**. Вместе с Г. И. Суфтиным создавал в Нарьян-Маре литературное объединение.

• Май

2 — 105 лет назад появился на свет **Александр Дмитриевич Чуркин**, замечательный поэт-песенник, уроженец д. Пирогово нынешнего Плесецкого района.

14 — 25 лет назад не стало **Фёдора Александровича Абрамова**. А 50 лет назад (1958 г.) в журнале «Нева» был опубликован первый роман Ф. А. Абрамова «Братья и сёстры» — начало его эпопеи о северной деревне.

* 15 лет назад, в мае, к 10-й годовщине кончины Ф. А. Абрамова в Архангельске вышел первый номер литературно-художественного альманаха «Белый парод».

18 — 110 лет со дня рождения **Дмитрия Алексеевича Ершова** — поэта, журналиста, одного из руководителей Архангельского пролеткульта.

• Июнь

8 — 5 лет назад не стало **Олега Захаровича Думанского**, участника войны, поэта и журналиста.

• Июль

28 — 115 лет назад родился **Борис Викторович Шергин**, краснопеец Русского Севера.

• Август

27 — 60 лет поэту **Александру Александровичу Логинову**, лауреату Всероссийской премии им. Ф. А. Абрамова, кавалеру Пушкинской медали. Живёт в г. Каргополе.

С августа 1888 г. в Пинеге отбывал ссылку пролетарский писатель, один из основоположников советской литературы **Александр Серафимович (А. С. Попов)**.

31 — 70 лет публицисту и историку **Рудольфу Афанасьевичу Ханталину**.

• Сентябрь

19 — 20 лет назад не стало талантливого поэта **Юлии Вадимовны Матониной**, родившейся в Архангельске в 1963 году.

• Октябрь

7 — 70 лет исполнилось бы поэту и журналисту **Анатолию Фёдоровичу Тюхову**. С 1962 года жил и трудился в Архангельске.

* 80 лет назад, в 1928 г., приложением к Архангельской губернской газете «Волна» стала выходить страница «Литературный Север».

22 — 50 лет поэту, члену Союза писателей России **Александру Викторовичу Париеву**.

• Ноябрь

20 — 115 лет назад родилась пинежская сказительница **Анна Ивановна Гладкобородова**.

25 — 75 лет назад по направлению Всесоюзного оргкомитета Союза советских писателей в Архангельск почти на месяц приезжали из столицы прозаики Артём Весёлый, Глеб Алексеев и поэт Иван Молчанов для оказания помощи в перестройке литературной организации.

* 80 лет назад, в ноябре, начался архангельский период жизни и творчества **Аркадия Петровича Гайдара**, работавшего корреспондентом губернской газеты «Волна».

• Декабрь

16 — 75 лет исполнилось бы **Василию Николаевичу Ледкову** — поэту и прозаику земли ненецкой, лауреату Всероссийской литературной премии им. Ф. А. Абрамова.

19 — 90 лет назад родился русский поэт **Николай Иванович Тряпкин**. Несколько лет жил в Архангельской области, где и начало складываться его поэтическое дарование.

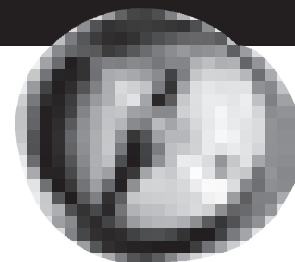
Составил Владимир ТЮПИН

Литературно-художественный
и общественно-политический
ежеквартальный журнал

Двина
2007 • № 4 (28)

Лауреат премии
ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА

Год
основания
2001

Учредители:

Управление печати и массовой информации администрации Архангельской области и Архангельское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

Главный редактор

Михаил ПОПОВ

Редакционная коллегия:

Мария АВВАКУМОВА (Москва),
Елена ГАЛИМОВА,
Александр ИПАТОВ (Северодвинск),
Елена КУЗЬМИНА,
Валерий ЛЕМЕСОВ (Уппсала, Швеция),
Александр ЛОГИНОВ (Каргополь),
Александр РОСКОВ,
Екатерина СИМОНОВА,
Виктор ТОЛКАЧЁВ,
Елена ТРОПИЧЕВА,
Ольга ФОКИНА (Вологда),
Валерий ЧУБАР,
Андрей ЧУКЛИН (Нарьян-Мар),
Инэль ЯШИНА

500 муниципальных библиотек Архангельской области получают журнал «Двина» при финансовой поддержке комитета по культуре областной администрации.

ТЕМА НОМЕРА:

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ

Олег Химаныч (*Северодвинск*):
драма русского флота

Сергей Яковлев (*Архангельск*):
улица имени... палача

Владимир Негодяев (*Холмогоры*):
деревенская картина

Елена Никитина (*Мирный*):
дорога к храму

Василий Белов (*Вологда*):
привычное дело

Юрий Пахомов (*Москва*):
мой тёзка Казаков

Иван Третьяков (*Баку*):
неоконченная война

© Архангельская писательская организация, авторы, 2007

© Редакция журнала «Двина», 2007

© М. К. Попов — обложка, макет, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

• Поэзия

- Николай Журавлёв**
«В который раз...» 2 стр. обложки
- Александр Росков**
«Украденное небо» 3
- «Тот портрет...» 10
- Александр Ширшиков**
«Береги, Россия, флот!» 39
- Эдуард Федоренко**
«Стансы к Татьяне» 47

• Проза

- Мария Сидорова**
«Паренка» (Прямая речь) 16
- Фёдор Абрамов**
«...Из истории сибирских полков» 22
- Юрий Пахомов**
«Поедем охотиться, старичок»
(к юбилею Юрия Казакова) 27
- Василий Белов**
«Привычное дело», отрывок из повести
(к юбилею писателя) 32
- Владимир Негодяев**
«Понедельник — день тяжёлый», рассказ 41
- Елена Никитина**
«Дорога к храму», рассказы 45

• Литературоведение и критика

- Иван Третьяков**
«Моя неоконченная война»
(читая прозу земляка) 23
- Александр Михайлов**
«Горькая правда» 26

• Публицистика и очерк

- «Как выбирали в Думу сто лет назад»
(автор **Сергей Яковлев**) 7
- «Предатели и клятвопреступники»
(подборка цитат) 8
- Павел Рыженко**
«Русь ещё не прощена Богом» 9
- Сергей Яковлев**
«Нарком «поезда смерти» 11
- «37-й — рикошет 17-го» (**Н. Коняев**
и **М. Коняева**, «Русский хронограф») 12
- Михаил Попов**
«Батины слёзы» 15
- Александр Зуев**
«Вечная мерзлота» (записки репрессированного) 17
- С. И. Шубин**
«Денег или совести не хватает российской
власти?» 33
- «И моряки плачут...» (автор **Олег Химаныч**) 37
- В. А. Буров**
«Боль Соловецкая» (Россия в зеркале Соловков)
с комментарием «Двины» «Ипирова победа»
(автор **Василий Матонин**) 49
- Авторы фото: А. Афонин, Ю. Бродский, В. Гайкин,
Р. Кучеров, И. Стин, А. Фирсов*

РОДИНА МОЯ...

Деревня Пертема, где я родился (а именно она представлена на 2-й странице обложки), была вотчиной Соловецкого монастыря. Зародившаяся на рубеже XV—XVI веков, т. е. примерно в те же поры, что и российская государственность, деревня моя испытывала радости и беды, подъёмы и спады, как держава в целом. Так что отчина моя и дедина в некотором роде — зеркало нашей страны.

XVII век начался в России смутой. Она терзала не только Первопрестольную, где чередой менялись самозванцы. Шайки польско-литовских татей разбойничали по берегам Двины и моей Онеги. Под деревней Пертемой на другом берегу реки лихоимцы разбили стан. До сей поры сохранилось название мыса — Литвин. То есть и через четыреста лет моя земля помнит разбойный свист, сполохи бандитских костров и гарь пожарищ. Две тысячи загубленных душ несла к Белу морю обомлевшая от крови Онега, как свидетельствует летописец.

Не миновала моих пращуров ни одна война, начиная с петровских баталий. В первую Отечественную, с Наполеоном, делали дополнительные поставки для армий, хотя, по преданиям, кое-кто и воевал. Крымская война отозвалась уже не просто отдалённым громом — на Онежский и Двинский берега Беломорья напала английская эскадра, враг стоял у ворот. Наступил век XX — и вновь войны: Японская, Первая мировая, на которую призвали и моего деда. А в годы Гражданской войны и интервенции линия фронта (Онежский фланг) проходила между Турчасовом и Пертемой, и наша изба оказалась буквально на передовой.

Словом, не было особо спокойных, тем более зажиточно-беспечных времён у моих кровников и земляков. Но это всё цветочки. Ягодки оказались впереди. Самыми трагическими в судьбе Пертемы стали последующие 30 лет. Коллективизация, кабальные крепостнические подати, три лютых пожара и Всемирная война. Деревня моя надорвалась — надселась, как у нас говорят. Остатки недобитых на войне мужиков (на три «Костылина» один «Жилин») подались от деревенской голодухи в леспромхозы, где давали паёк и зарплату, а потом — за реку, под Плесецк, где затевался космодром.

А уж доконал мою деревню известный партийный циркуляр. Одна учёная дама, похожая, кстати, на Павла I, сделала однажды заключение, что у моей вотчины нет будущего, как нет его и у сотен и тысяч других русских деревень, даром что они стояли не один век. Диагноз «неперспективная», установленный той дамочкой и её заединщиками, стал по сути приговором. Последующие 30 лет власти методично приводили его в исполнение.

Теперь моей деревни нет. Её задавила травяная дурнина, опутала, как колючая проволока, трава-железница. Зимой здесь нет ни дымка печного, ни огонька. И даже птицы не навещают эти места.

Что же стряслось? Отчего такое могло случиться? С моей дединой? С вашей отчиной, уважаемый читатель? С нашей общей большой Родиной? Пять минувших веков нам не окинуть, но XX-й оглядеть можем. Давайте перелистаем страницы отечественной истории, наше недавнее прошлое, взглянем на день сегодняшней и перед очередными выборами (которые всякий раз кажутся поворотными) хорошенько задумаемся. «Куда ж нам плыть?» — вопрошал Пушкин. Вот и нам пора спросить себя: куда?

Михаил ПОПОВ

Пролог

ЭХО
ВЕКА:СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

Александр РОСКОВ

УКРАДЕННОЕ

НЕБО

Стихотворение-
триптих

Александр Александрович Росков родился на Каргополье. Выпускник Литинститута. Член Союза писателей России. Его сборник стихов «Всё, что осталось от лета» отмечен областной премией им. Николая Рубцова. За книгу прозы «В ночь с пятницы на понедельник» он удостоен Всероссийской премии им. Фёдора Абрамова. Литературная премия ИМПЕРСКАЯ КУЛЬТУРА им. Эдуарда Володина вручена ему за книгу стихов «Родину мою оплакать...».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(XIX век. Деревня Лов-га, Каргопольский уезд, Олонецкая губерния)

...В день весенний, тёплый, светлым маем
(как от нас те годы далеки!)
церковь в честь святого Николая
миром заложили мужики.
На большие камни плотно, ровно —
плотники — сам чёрт таким не брат! —
уложили окладные брёвна,
длинные и толстые — в обхват,
окорив их, то есть сняв с них кору,
вставив под передние углы
медные монеты, на которых —
царские двуглавые орлы.
Под присмотром кряжистого деда,
опытного в плотницких делах,
с утречка артель и до обеда
главную работу провела.

Ствол сосновый — он хотя и крепкий,
но топор — он острый и стальной:
крупные — в отруб — летели щепки,
дух распространяя смоляной.
В древесину свежую, как в тесто,
мягко шли зубцы двуручных пил.
...Поп приезжий закладное место
тут же принародно освятил.
«Ну, робята, разогните спины,
славно потрудились, хорошо.
Есть зачин — он делу половина!» —
дал команду плотникам старшой.
День приметный был — Никола-вешний,
что приходит с позднею весной.
По такому случаю, конечно,
праздник люди сделали — двойной.
Загодя сварили миром пиво,
тесто развели — на пироги.
Весело гуляли и красиво
бабы в этот день и мужики.
На лужке плясали под тальянку
и в кадрили ходили много раз.
Праздник — это праздник, а не пьянка,
прежде так и было — не сейчас.
Вкруг лужка берёзы пили соки
сладкие — из глубины земли.
Над деревней в небе невысоко
плыли издалёка журавли.
...Хоть начало — делу половина,
как промолвил плотникам старшой,
путь до завершения очень длинный —
это труд тяжёлый и большой.
Ну какая техника в то время? —
знаем мы по книгам и кино:
для лошадки и бревно — берема,
коли десять метров то бревно.
Если посчитать для интереса —
чтобы храм сосновый возвести
сколько брёвен этаких из леса
надо на лошадках привезти?
До сих пор на северные церкви
ахает заезжий человек,
слава их строителей не меркнет,
нет — растёт она из века в век.
А тогда... Наверно, было любо
людям наблюдать со стороны,
как трудились плотники на срубках.
...С той закладки храма, с той весны
несколько ещё минуло весен,
прежде чем поднялся новый храм,
высоченный, из столетних сосен
купола — по четырём углам,
и ещё один — посередине —
самый главный купол. Пять крестов
встали как один в небесной сини,
как бы утверждая торжество
православной веры в сём селенье...
Здесь как раз подходит мой рассказ
к главному... За месяц до Успенья
на деревню прибыл богомаз —
делать роспись храмового «неба»
по-простому, значит — потолка,
нужные пред этим справив требы*
в городке уездном. На века
богомаз вершил свою работу
на лесах, под крышей, на жаре.
Вряд ли, что он видел у кого-то
Библию с гравюрами Доре —
Гюстав был ребёнком ещё, кстати,

в те года — здесь плагиата нет,
можно ль заподозрить в плагиате
мастера, коль выбрал он сюжет
не один из Ветхого Завета,
как потом, для Библии — француз:
сотворенье мира, тьмы и света,
Ева и Адам, терновый куст,
где Господь явился Моисею,
Авель, что был Каином убит.
Авраам ведёт толпу евреев
в землю Ханаанскую. Давид
в слёзном горе над Авессаломом,
и на колеснице — Илия,
Лот на фоне города Содома.
Смерть Самсона...

Книга Бытия
впережку с книгой Даниила,
с Книгой Ездры, Судей, Книгой Числ...
Мастера рука изобразила
(не придав сюжетам строгий смысл,
просто не расставив их по смыслу)
праотцов, и каждый — как живой.
Небо в храме будто бы повисло,
круг образовав, причём двойной,
из картин больших, ветхозаветных,
каждая размером два на два
не квадратных, а погонных метра.
«Полотно» такое мог едва
приподнять мужчина — не подросток:
для него основа из досок
сшита — из широких, гладких, плоских,
не пролезет даже волосок
в щёлку между досками — так плотно
подогнали доски мастера.
К «небу» прикреплённые «полотна»
с паперти смотрелись на ура.
Что уж это были там за краски —
знал секрет их только богомаз.
Люди восторгались: «Ой, как баско!»
(Нынче бы сказали проще — «класс!».)
...Церковь в честь Угодника Николы
вскорости была освящена
и обнесена — вокруг — частоколом,
а потом из камня-валуна
люди миром сделали ограду
вместо частокола. И берёз
насажали с той оградой рядом,
по всему периметру. Погост
утвердился сразу возле храма:
первые печальные кресты
и могилки появились прямо,
как минули летние посты
(церковь освятили на Крещенье).
В деревнях, раскиданных окрест,
жизнь иное обрела течение —
прежде к каждому празднику в уезд
люди на санях и на телегах
за пятнадцать (разве мало?) вёрст
по распути, по жаре, по снегу
правились к обедне. И погост
находился от жилья не близко,
а теперь всё стало под рукой:
в храме поминальную записку
батюшке подашь за упокой,
подойдёшь потом к родной могиле,
постоишь тихонько у креста...
Вот как раньше деда наши жили
здесь, в суровых северных местах.
Несколько раз в день на всю округу

разносили звон колокола.
Мерно, по очерченному кругу
жизнь вокруг новой церкви потекла...

* Требы — богослужения, совершаемые не ежедневно, а по их необходимости (по требованию).

ГЛАВА ВТОРАЯ

(XX век, вторая половина. Та же деревня Лов-га,
Каргопольский район, Архангельская область)

С той самой весны миновало
сто с гаком и вёсен, и лет.
От прошлого века осталось
по нескольку медных монет
в углах деревянного храма —
тех самых, с двуглавым орлом.
Уже не библейские хамы,
свои же — пустили на слом
все пять куполов, колокольню
(и скопом отправились в ад).
А в церкви — в ней вон как привольно —
колхозники сделали склад
для жита, овса и гороха,
большой — от двери до двери.
Эпоху сменила эпоха,
кумиров себе сотворив,
иконы сменив на портреты
в овечьем обличе волков.
...В свои ещё малые лета —
(мне стукнуло девять годков,
когда из деревни соседней
мы жить перебрались сюда)
я в день — помню — солнечный, летний
впервые увидел тогда
громаду безглавого храма —
четыре избы в вышину.
Потом мы с ребятами прямо
у церкви играли в войну,
за рухнувшей прячась оградой,
в траве меж осевших могил,
под пол заползали — в «засаду»
мальчишка любой проходил
под полом массивным — вприсядку.
А в мае с церковных берёз
мы брали законную взятку
берёзовым соком. Я рос —
как вся ребятня — атеистом
(хотя был в шесть лет и крещён).
Да что говорить — коммунисты
в великом фаворе ещё
тогда пребывали. Химерам
обманутый верил народ.
Я помню, меня, пионера,
один поразил эпизод:
в день летний по улице нашей,
деревней, с другого конца
шла бабка — Гуляева Маша,
горбатая — даже лица
не в силах поднять от дороги,
вся есть — вопросительный знак.
Брела, глядя прямо под ноги,
качаясь под ветром. Вдруг как
приткнулась у края канавы,
взяв в левую руку батог —
опору старушечью. Правой
креститься взялась — на восток,

на храм обезглавленный... Чудно
 мне было смотреть на неё...
 Но эта картина подспудно
 хранилась в сознание моём,
 тревожила чем-то, томила,
 я помню её и сейчас...
 Мне где-то четырнадцать было,
 когда я вошёл в первый раз
 внутрь склада (название храма
 сельчане забыли давно),
 там взрослые, с ними и мама,
 в мешки насыпали зерно.
 И там мне представились сразу,
 как только ступил в ворота,
 полотна того богомаза,
 небесная их красота:
 ни пыль от зерна и ни копоть
 до «неба» достать не смогли...
 Потом, когда стал я работать
 в совхозе, мы в этой пыли,
 по правде сказать, задыхались,
 лопатя ячмень и овёс
 (до армии мне оставались
 два года, я в здешний совхоз
 зачислен был разнорабочим).
 Мне утром давали наряд,
 я рад был, когда среди прочих
 людей попадал в этот склад:
 (он, как и положено складу,
 и ночью и днём — под замком).
 С библейской тематикой — надо
 сказать и отметить — знаком
 никто из колхозников не был,
 и в Бога не верили — все.
 Но все любовались на «небо»,
 когда, отдыхая, в овсе
 лежали, куря папиросы
 (в ходу был тогда «Беломор»),
 одним задаваясь вопросом,
 неспешный ведя разговор,
 кто там, наверху, нарисован:
 «Вот этот мужик с бородой
 у лодки — ох, лодка здорова! —
 (а это был праведник Ной)
 наверно, рыбак, если лодку
 построил. Во-он, в самом верху!»
 «А голая эта молодка
 с зелёным листочком в паху,
 в чужом, надо думать, что саде
 вон — яблочко с веточки рвёт,
 наверно, есть Ева!» «А дядя
 в телеге, что по небу прёт
 на трёх лошадях, — сто процентов
 Илья, понимаешь, пророк...»

* * *

Года пролетели моментом —
 лет тридцать... И вот он, итог
 к исходу двадцатого века:
 заброшенный склад, то есть храм
 незапертый — нет человека
 навесить замок. По углам
 пласты плесневелого жита,
 на паперти — птичий помёт:
 воронами церковь обжита.
 Лишь «неба» немеркнувший свод
 всё так же на паперти взирает

глазами святых праотцов.
 Здесь изредка люди бывают:
 в деревню из разных концов
 страны приезжает гоститься
 к родне — городская родня
 да редкий москвич из столицы
 заедет среди белого дня
 в надежде хоть плошкой разжиться —
 старинной — у местных старух.
 А чем землякам погордиться —
 моим — пред приезжими? Дух
 кондовый остался лишь в храме.
 Гостей не ведут — тащат в храм.
 Вороний помёт под ногами
 и даже прилипший к ногам
 ничто по сравнению с «небом».
 Вздыхает москвич: «Боже мой!
 Такую «картиночку» мне бы
 одну хоть на стенку домой!»
 До «неба» же метров — все двадцать
 от пола. Попробуй достать
 картины — до них не добраться
 и стати с какой доставать
 их стали бы с «неба» сельчане,
 коль гордость деревни — оно?!
 ...Музейщики не замечали
 Никольскую церковь — давно,
 ещё при Хрущёве Никите
 какой-то партийный знаток
 религий подвёл по наитью,
 обследовав «небо», итог:
 мол, Гюстав Доре, и не боле,
 мол, чистой воды плагиат.
 На Божью отпущенный волю
 сей храм, превратившийся в склад,
 районным отделом культуры
 (и как он его проглядел)?..
 как памятник архитектуры
 не числился, в общем, нигде...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

(2001 год, декабрь. Там же...)

А в России опять — время смуты,
 воровская, лихая пора.
 ...В декабре ночь — три четверти суток,
 рассветёт где-то в десять утра,
 а в три дня начинает смеркаться,
 да ещё если пасмурно днём,
 то сельчане обедать садятся
 с электричеством, то есть «с огнём»,
 выражаясь на местном наречье.
 А в четыре на улице — тьма,
 и метелица лёгкая мечет
 снег колючий на избы-дома.
 Снег по стенам шуршит и по стёклам
 закупоренных на зиму рам.
 Сквозь метелицу смотрится блёкло
 за берёзами старыми храм,
 он и виден-то там еле-еле:
 косы белых столетних берёз
 распушились и заиндевели.
 Из-за этих распущенных кос
 разглядеть можно только фрагменты
 очертаний и стен, и углов.
 ...Узких тропок неровные ленты
 вьются около тёмных домов —

от крылечка к крылечку другому.
 Спит деревня в полуночный час.
 А по ней, тёмной силой ведомый,
 пробирается крытый «КАМАЗ».
 На машину не лают собаки,
 никого во дворах — ни гу-гу.
 Лишь подфарники светят во мраке,
 рассыпая на белом снегу,
 в колеях, пятна жёлтого света,
 да урчит потихоньку мотор...
 А за сутки до ночи — до этой —
 овдовевший Шумилов Егор,
 чья изба недалёко от храма,
 что-то странное стал замечать:
 будто свет виден в храмовых рамах
 да вороны сильнее кричать
 стали вдруг над церковною крышей,
 беспокойнее сделались вдруг,
 а из церкви самой будто слышен
 шум невнятный — то скрипы, то стук.
 Их Егор уловил спозаранку,
 по нужде выходя — в туалет,
 но свалил на недельную пьянку,
 дескать — глюки, допился ты, дед,
 поминая умершую бабку,
 плачась в горе случайным гостям.
 Нет бы дедушке шапку в охапку
 да бежать с этой вестью к властям,
 это б вовремя было и мудро —
 сразу б взяли воров на испуг...
 Но в декабрьское ммурое утро
 обнаружили жители вдруг,
 что ворота у церкви открыты
 (тут же к храму сбежался народ)
 и колёсами — круто! — прорыта
 колея — аж до самых ворот,
 и уходят следы от «КАМАЗа»
 к большаку — грунтовому шоссе.
 Кто-то бросил растерянно фразу:
 «Мать твою...» И как кинулись все
 в храм, ругаясь отборно. А толку? —
 «неба» больше, естественно, нет,
 лишь на паперти висится горка
 досок ломаных... И сигарет
 тут и там — дорогие окурки,
 пук верёвок лежит у стены,
 «сникерсовые» фантики, шкурки
 от сырков, дорогой ветчины.
 Да, сработала чётко и чисто
 воровская лихая рука.
 Надо, в сущности, быть альпинистом,
 чтоб «картины» достать с потолка.
 Альпинисты, наверно, и были —
 по окуркам судить — два иль три,
 и они сутки целые жили
 и работали дружно внутри
 помещения бывшего склада,
 зная, видно, что местный-то люд —
 (ничего ему в храме не надо
 в декабре) — не появится тут.
 Что ж... Милицию вызвали сразу
 из района... Пришёл «воронок»,
 но найти только след от «КАМАЗа»
 лейтенантик зелёный и смог.
 Он три дня проходил по избушкам:
 дескать, видел ли кто-нибудь что?
 И хотя горевали старушки —
 не помог лейтенанту никто:

всё сработано чисто и чётко...
 Перегаром сивушным дыша,
 месяц пили палёную водку
 деревенские три алкаша,
 щеголяя большими деньгами
 по питейно-торговым дворам.
 Подозрение было, что в храме
 алкаши помогали вора
 на погрузке и вывозе «неба».
 Но известно у нас до сих пор:
 коль на месте захвачен ты не был,
 не замечен, не пойман — не вор!
 И хотя им грозил: либо-либо —
 жизнь иль смерть — возмущённый народ,
 алкаши были немые, как рыбы,
 те, которые бьются об лёд.
 Если б их посильней припугнули
 не в деревне, а там — ясно где...
 Да руками на «небо» махнули:
 «Хрен-то с ним!» — «следаки» в ОВеДе —
 раз не числится «небо» в реестрах,
 дело «шить» по нему ни к чему.
 ...Где пропало оно — неизвестно,
 где всплывёт? Было нужно кому
 проворачивать дело такое —
 альпинистов сюда засылать
 да машину держать под рукою?..
 Тот «КАМАЗ» не найти, не догнать.
 Если кто-то и видел «КАМАЗа»
 из окошка в ночной темноте,
 вряд ли б смог догадаться он сразу —
 «МАЗ» ли это? «УРАЛ»?.. Да и где
 номера разглядеть среди ночи...
 Как три рыбы молчат алкаши...
 А без «неба» теперь, между прочим,
 как живой человек без души,
 стала жить в новом веке деревня.
 С ночи той миновало шесть лет...
 Как всегда зеленеют деревья
 вокруг храма. Но гордости нет
 у моих земляков, больше к храму
 не приводят приезжих гостей.
 Да всё чаще случаются драмы:
 из сюда доходящих вестей
 знаю я, что Парфеев Серёга
 мать родную по пьяни убил,
 что уходит народ понемногу
 на тот свет — с каждым годом могил
 прибывает на новом погосте.
 Молодёжь в города подалась.
 Мужики ж в безысходности-злости
 на продажную новую власть
 пьют безбожно дешёвое «шило»*.
 Безработица, в семьях нужда.
 Всё, что дорого было и мило,
 улетело, его никогда
 не вернёшь, и насущного хлеба
 землякам в день не каждый видать.
 Вот что значит — остаться без «неба» —
 из деревни ушла благодать.
 Если что-то её сохраняет,
 то на царских монетах — орлы
 в углах храма... Пусть лучше не знают
 рабы Божьи про эти углы...

* «Шило» — технический спирт.

Часть I

Вторая
русская
смута

ЭХО
ВЕКА:
СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

Как выбирали в Думу сто лет назад,

или Какие выводы извлекла
российская власть из уроков
Первой русской революции

17 октября 1905 года, в момент наивысшего пика Первой русской революции, Государь-император Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Этим документом гражданам России даровались демократические свободы, гражданские права и законодательная дума.

• **Как осуществлялась избирательная система и насколько она была справедлива?**

Выборы в царскую Думу по закону от 3 июня 1907 года были не прямые, а многоступенчатые и разделялись по сословиям и различным группам населения, которые составляли так называемые курии. Их было пять: земледельческая, городской крупной буржуазии, городской мелкой буржуазии, крестьянская и рабочая.

По каждой курии отдельно избирались выборщики, которые на губернских избирательных со-

браниях уже выбирали депутатов Думы. При этом рабочие и крестьяне не имели права сразу избирать выборщиков на губернское избирательное собрание. Первоначально они избирали уполномоченных, а последние — уже выборщиков. Для крестьян устанавливалась четырехступенчатая избирательная система.

В итоге по землевладельческой курии один выборщик избирался на 230 человек, по первой городской курии (крупная буржуазия) — на 1000 человек, по второй городской (мелкая буржуазия) — на 15 600 человек; по крестьянской курии — один выборщик на 60 тысяч человек и по рабочей курии — один выборщик на 125 тысяч человек.

• **Что это значило, например, в условиях Архангельской области?**

4530 заводчиков, купцов, чиновников и иных богатеев были представлены в губернском избирательном собрании по выборам депутатов в Думу 36 выборщиками. В то же время 200 тысяч крестьян мужского пола (женщины, молодежь до 25 лет, военнослужащие были лишены права участия в выборах) имели 9 выборщиков и 18 130 рабочих — только одного выборщика.

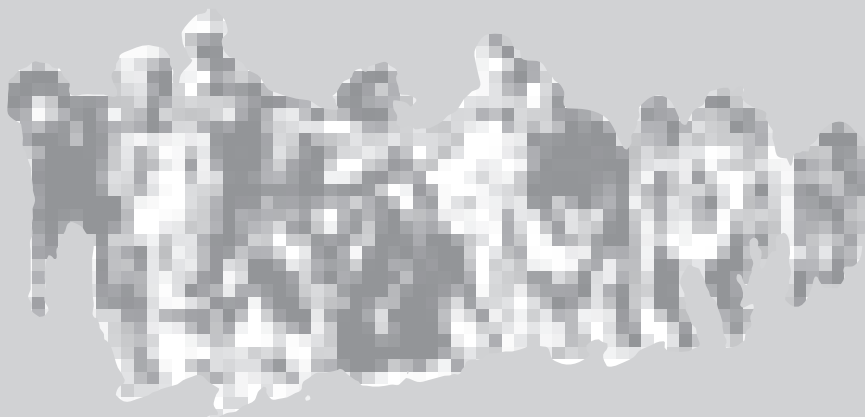
• **И как же в таком случае трудовой люд — производитель материальных ценностей, — которому были дарованы «демократические свободы» и «гражданские права», мог осуществлять оные права и свободы?**

На лесопильном заводе Суркова, считавшемся социально благополучным, зарплата управляющего составляла более 2 тысяч рублей в месяц, а получка квалифицированного рабочего около 40 рублей. Разница более чем в 50 раз. Если представить вола и перевести всё на цены, то заводчику достанутся филейные части, бедро, костец, то есть всё самое лакомое и дорогое, а рабочему — хвост да копыта. Примерно в таких же пропорциях делилась «волочья туша» Манифеста: богатеям — всё, а голытьбе — остатки.

Так, спрашивается, извлекли ли верховные власти, крупная буржуазия, заводчики и капиталисты урок из революции 1905 года?

Сергей ЯКОВЛЕВ,
член Союза журналистов России

Эх,
дубинушка,
ухнем!...

ПРЕДАТЕЛИ И КЛЯТВО- ПРЕСТУПНИКИ

Взгляд Уинстона Черчилля на события 1917 года в России и судьбу императора Николая II:

Согласно поверхностной моде нашего времени, Царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор 30 месяцев войны с Германией и Австрией должен был исправить эти легковёрные представления. Силу Российской Империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедам, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которые она оказалась способна.

Вот поля сражения Николая II. Почему не воздать Ему за это честь? Самоотверженный порыв русских армий, спасших Париж в 1914 г., преодоление мучительного бесснарядного отступления, медленное восстановление сил, брусилковские победы, вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо, разве во всём этом не было Его доли?

Вот Его сейчас сразят. Вмешивается тёмная рука, сначала облечённая безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех Его любящих предадут на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают. Его память порочат...

(Из книги биографа С. С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II»)

Оценка исследователя царствования Николая II В. С. Кобылина, данная в книге «Анатомия измены»:

«Зная о существовании и заговора, и о том, что подготовка его продолжается, генерал Алексеев не сообщил об этом ни судебным властям, как предписывали уголовные законы, ни Государю, как повелевал долг присяги» ...Этим он «облегчил Рузскому и его разговор по прямому проводу с тем же Родзянко, и изменнические убеждения Государя о необходимости отречения». «Русский был масоном, и для него присяга не имела никакого значения. Он давал другую присягу».

«...Генерал Алексеев, передавший государю, что он арестован, несёт такую же ответственность за смерть императора, как и Временное правительство, Совдеп и Советское правительство».

«Императрица была арестована по распоряжению Временного правительства. Арестовал государыню по распоряжению того же Правительства вновь назначенный командующий Петроградским военным округом генерал Л. Корнилов».

«Этому злу руками генералов был передан Русский православный царь на заклятие».

Приводить факты из этой книги, цитировать ее можно целыми страницами, убеждающими читателя, что последний русский император был предан и генералитетом, и своим собственным монархическим романовским окружением. Именно думая о них, Николай II записал в дневнике: «Измена. Трусость. Обман» ...Да и «романтик борьбы с большевизмом» адмирал Колчак, как неумолимо свидетельствуют исторические факты, был прямым ставленником Запада.

В 1916 году, видя, что у её супруга не хватает государственной воли для спасения страны, немка Александра Фёдоровна произнесла слова, которыми восхитились бы Иоанн Грозный и Петр Первый, Николай I и Иосиф Сталин: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом, сокруши всех... Я бы повесила Трепова за его дурные советы... Спокойно и с чистой совестью передо всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь, Милукова, Гучкова и Поливанова — тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена. Отчего ты не смотришь на это дело так, я право не могу понять...»

(Подборка из книги Станислава Куняева «Поэзия. Судьба. Россия». Книга 2)

Прощальный приказ Императора:

Оставшись в духовном одиночестве, Царь был вынужден отречься от престола. В последнем обращении к Армии Николай Александрович напишет: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения Моего за Себя и за сына Моего от престола Российского власть передана Временному правительству... Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия... Твёрдо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к Нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведёт Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий». Этот прощальный приказ Николай II генерал Алексеев утаил от армии и позже горько раскаивался о том, какую он роль сыграл в конце февраля — начале марта 1917 года в прологе драмы своего же Отечества.

Протопресвитер русской армии Георгий Шавельский отметил: «Блестящий русский царский трон рухнул, никем не поддержанный». Генерал Курлов писал о русском Императоре: «Кровавый Николай», как дерзала называть его подпольная пресса... не пожелал пролить ни одной капли крови любимого им народа и подписал отречение от престола в пользу своего брата...» В германском штабе ликовали: «Огромная тяжесть свалилась у меня с плеч», — записал в своём дневнике начальник штаба германской армии генерал Людендорф.

(Из статьи С. А. Порохина «России чёрный год...». Еженедельник «Время». № 10. 2007 г.)

Павел Рыженко
ЦАРСКАЯ ГОЛГОФА

Павел РЫЖЕНКО:

Русь ещё не прощена Богом

37-летний Павел Рыженко пишет в стиле «классического реализма». Искусствоведы считают его одним из самых талантливых выпускников Академии. Его учитель Илья Глазунов говорит, что «Павел Рыженко — страстный в работе талантливый художник, у него большое будущее». Галина Вишневская называет молодого художника «мастером русской классической школы живописи». В 2007 г. новая экспозиция Павла Рыженко была представлена в Музее Вооружённых сил. Выставка должна была продлиться до середины марта, однако интерес к ней оказался настолько большим, что экспозиция была продлена на полтора месяца.

— Павел, вы можете как-то сформулировать то, чем занимаетесь?

— Это всё равно что солдату в 1916 году задали вопрос: «Чем ты, братишка, занимаешься?» По моему, он лишь сказал бы, что служит государю императору. Я, честно говоря, так же сегодня и ответил бы. Всё то же самое. Пусть это будет звучать пафосно. Как угодно. На самом деле ещё пафоснее служить своей биологии. Только это честно нужно говорить. Недавно я прочитал рассказ, который меня до глубины потряс. А написал его не кто-нибудь, а художник Коровин, который был настолько далёк от происходившего вокруг него, что даже не знал о случившейся революции. Рассказ о том, как он сидел у себя на даче, громыхала война, а он сидел и писал пейзаж. Видит сходку мужиков, подходит поинтересоваться, в чём дело. Оказалось, у одного из этих деревенских мужиков на войне сына убили. На вопрос же Коровина, что случилось, тот мужик отвечает: «Да ничего... нормально... Сына единственного убили». Коровин: «Как же так!..» А мужик ему в ответ: «Сына убили... но государь-то жив». Вот вам и логика...

— А кого лично вам из государей было сложнее всего писать?

— Сложнее всего писать было Иоанна Васильевича Грозного. Потому что надо было попытаться изобразить именно грозного царя, а не жестокого. Легенду об Иоанне Грозном как об ужасном царе создали европейцы.

— А какой государь вам ближе всего?

— Ближе всех мне святой государь Николай Александрович Романов. Потому что в жизни моей опора в нём, в каждой минуте моей жизни. В нём, в преподобном Серафиме, который с ним нераздельно связан, с теми святыми, которые в то апокалиптическое время были близки русскому народу.

— **Ваша выставка связана с каким-то особым ощущением времени происходящих перемен в окружающем нас мире?**

— Несомненно, мир находится на перепутье. Перепутье заключается и в физическом, и в духовном уничтожении России, за которым, несомненно, последует и уничтожение вообще человеческой цивилизации. Потому что приходит Антихрист, а это — смерть всеобщая. Поэтому цена вопроса велика. Речь идёт не просто о политических амбициях каких-то партий, спорах или пиаре, а о возможной гибели человечества. Потому что с гибелью России (а за неё идёт война сейчас) человечество потеряет альтернативу. Истинного носителя православного духа, кроме России, на карте мира нет. Православная Греция, находящаяся в блоке НАТО, она всё равно должна будет подчиниться тем правилам, по которым живёт западный мир. Так же Болгария и Румыния. Их православие не защитит их от той необходимости, которая будет им навязана масонскими каналами. Они вынуждены будут с оружием в руках попирать престол Пресвятой Богородицы, то есть Русь. Речь идёт о приближении натовских войск к границам Святой Руси и вступлении их в границы Святой Руси, так как Киевская Русь — это та же самая Святая Русь. Это и есть начало настоящей войны.

— **Какой же у нас остаётся выбор?**

— Выбора большого у русских людей сейчас нет. Это не вопрос прихода на ту или другую выставку, не вопрос амбиций художника, а вопрос к каждому: кто на какой стороне будет завтра, в тот момент, когда скажут, что завтра отменяются глянцево-журналы, СПА-залы, VIP-центры и вводится жёсткая дисциплина, православная монархия и защита Руси. Каждый будет решать: либо будет так, либо поступать как «пятая колонна» по логике «лишь бы не было войны». Тогда у нас всё останется, но окончательно уничтожится дух, выколачивается из нас, мы сдаёмся, и больше такого государства под названием Святая Русь никогда не будет. Будут какие-то осколки в виде отдельных личностей, которые будут нести этот дух дальше, распространять на миллиметры вокруг себя, но в целом такого государства, отстаивающего христианство, уже не будет никогда, и это конец всеобщей мировой истории. Поэтому моя выставка, которая проходит в ЦМВС, — это шанс для тех людей, которые хотят сформировать свою точку зрения в преддверии великих событий. А великие события — это, конечно, отстаивание Святой Руси с оружием в руках. Но для этого нужно дожить духовно, чтобы получилась не какая-нибудь «войнушка», а чтобы это было осмысленное жертвоприношение каждого на алтарь правды Божьей.

Беседовали
Илья БРАЖНИКОВ
и Дмитрий ДАНИЛОВ

Александр РОСКОВ

* * *

Тот портрет в большой тяжёлой раме мне невольно вспомнится порой и сюжет, как нами, пацанами, был расстрелян Николай Второй.

Ох уж эти детские проказы!
По двенадцать, что ли, было нам?
В эти годы кто из нас не лазил
по чужим заброшенным домам?

В тех хрущёвских временах наивных,
сельский быт потрясших до основ,
сколько в деревнях неперспективных
было заколоченных домов!

Небольшим — в пять человек — отрядом,
сговорясь заранее, с утра
в поисках какого-нибудь клада
шла от взрослых втайне детвора.

Клад ни разу не был найден нами —
к дому возвращались налегке.
...Мы портрет в большой тяжёлой раме
как-то раз нашли на чердаке.

И его по лестничным ступеням
в полумраке (света в доме нет)
аккуратно опустили — в сени,
вынесли на улицу — на свет.

На свету на нас смотрел с портрета
— Ребя, щас мы это разглядим! —
молодой мужчина в эполетах
с царскими крестами на груди,

с аккуратно стриженной бородкой,
с голубым, как небо, цветом глаз,
с гладкою причёскою короткой,
в фас изображённый, строго — в фас.

— Братцы, а крестов-то, гляньте, сколько, —
молвил кто-то, — нам бы их сейчас!
— Это ж царь! — сказал Богданов Колька,
шестиклассник, старший среди нас.

А с царями разговор короткий:
нет, не зря вдолбили нам в умы
про нагайки царские и плётки.
«Расстрелять!» — решили дружно мы.

К стенке, мня себя большевиками,
прислонили мы портрет царя.
А в него кто первый бросил камень
я не помню, знаю, что не я.

Мы ушли домой, а там, за нами
одиноко на земле сырой
погибал расстрелянный камнями
император Николай Второй...

2006 г.

Красный
террор

ЭХО
XO
ВЕКА:
СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

Сергей ЯКОВЛЕВ

НАРКОМ

«ПОЕЗДА

СМЕРТИ»

В конце XVIII века в Соломбале несколько улиц назывались 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 6-й проулки. В конце XIX—начале XX века их переименовали соответственно в Преображенскую, Английскую, Французскую, Норвежскую и Прусскую. При советской власти вновь переименовали — Терёхина, Маяковского, Челюскинцев, Красных партизан и Кедрова.

«ГЕРОЙ ОБЩЕСТВА»

Держу в руках уникальный документ под названием «Краткие хронологические данные М. С. Кедрова». Он пишет:

«1902 год. 3-месячный курс самообразования в Таганской тюрьме...»

«1905 год. Переселились в Перловку под Москву, где наша дача служила явкой и убежищем для всех прибывающих со всей России, школой стрельбы, лабораторией по изучению взрывчатых веществ...»

«1908 год. Арест. Продолжительный курс самообразования и основательное изучение медицины в Доме предварительного заключения и в Крестах...»

«1912—1915 годы. Некоторое участие в большевистской организации в Берне...»

Михаил Кедров
(1897 г.)

«1917 год, апрель. Тяжёлое заболевание — паралич ног. Хранитель «германских миллионов», состоящих из пролетарских грошей, собранных среди заводских рабочих...»

«1919 год, март. Первый заведующий лагерями принудительных работ Республики...»

«1920 год, май. Организатор Холмогорского, Соловецкого, Пертоминского и других лагерей...»

«1924 год, июнь. Председатель Оргбюро Акционерного Общества по обслуживанию Госпромышленности и транспорта (АПТО). Адрес: г. Москва, Петровка, 10. Основной капитал Общества — 1 000 000 рублей золотом.»

Может, Соловецкое золото и архангельские сокровища легли в основу капитала Кедрова?

А далее более подробно и строго документально. Михаил Сергеевич Кедров родился 12 (25) февраля 1878 года в семье нотариуса Московского окружного суда. Учился в Московской гимназии. В 16 лет ушёл из семьи, решив служить делу рабочего класса. Поступив на юридический факультет Московского университета, он читает нелегальную политическую литературу и в ней находит ответ, как сам впоследствии напишет, на смысл жизни. А смысл такой — борьба против царизма, против капитала, освобождение трудового народа.

В 1899 году М. Кедрова исключают из университета. Опасаясь ареста, он уезжает за границу. Вернувшись через год на родину, дворянин Кедров поступает на третий курс Демидовского юридического лицея в Ярославле. В 1901 году, в возрасте 23 лет вступает в члены РСДРП. В начале 1903 года за участие в массовых беспорядках арестован и по решению суда отправлен в Вологодскую губернию сроком на три года. В секретном списке на политссыльного М. Кедрова, хранящемся в фонде жандармского управления Вологодского государственного архива, читаем: «Знает музыкальное ремесло, вероисповедания православного, жена Ольга Августовна Дидрихиль, сын Бонифаций, 10 месяцев, брат Бонифатий, 27 лет и брат Сергей, 29 лет, живущие в Варшаве, 35-летняя сестра София, замужем за Шульцем».

Здесь очень важно подчеркнуть, что в эти годы было как бы две страны: одна Российская империя, а вторая — подпольная Россия. Во второй нелегальную литературу читали все, кто умел читать. Общество вставало на путь сочувствия терроризму, а питательная среда терроризма — чувствовать себя героем общества.

После ссылки М. Кедров возвращается в Москву настоящим боевиком. Он организует подкоп под здание Таганской тюрьмы с целью освобождения группы товарищей, создаёт боевые дружины, снабжает их оружием и руководит операциями по захвату барж со взрывчаткой на Волге. Вскоре так же успешно был захвачен целый вагон с оружием. В своих воспоминаниях М. Кедров с удовлетворением будет вспоминать проведённые в молодости «эксы» (так большевики называли акты экспроприации), особенно налёты на оружейные магазины Зимина на Тверской-Ямской и Биткова на Лубянке.

Получив после смерти отца наследство, в 1906 году М. Кедров основывает в Петербурге издательство «Зерно». Здесь печатаются сочинения В. И. Ульянова под псевдонимами — В. Ильин, Карпов, К. Тулин, В. Фрей — в общей сложности более 160. В апреле 1908 года власти ликвидировали типо-

графию, М. Кедрова арестовали, и он три с половиной года провёл в тюрьме. В октябре 1912 года Кедрову с семьёй удалось уехать в Швейцарию. Во время пребывания в Лозанне он окончил медицинский факультет Лозаннского университета по специальности кардиолога.

Весной 1916 года М. Кедров возвращается в Россию в качестве специального доверенного В. Ульянова (Ленина), взяв в голенищах сапог ленинские директивы. Далее — Февральская революция и октябрьский переворот. С ноября 1917 года М. Кедров зам. наркома по военным делам, а с апреля 1918 года нарком «Советской ревизии». Впрочем, термин, которым пользуются многие авторы, не совсем точен. При внимательном рассмотрении оттиска круглой печати, удостоверявшей подлинность документов «Советской ревизии», можно ясно прочитать: «Ревизия народного комиссара М. С. Кедрова».

ЛОЗУНГ — «ГРАБЬ!»

Читая газеты начала XX века, невольно задаёшься вопросом, почему люди поверили лозунгам типа: «Рабочие не имеют отечества», «Даёшь мировую революцию!» или «Будьте образцово беспощадны в расстрелах!». Историки ещё не дали ответа, на какую идеологическую приманку удалось поймать народ такой огромной страны, как Россия. Но лозунг анархистов конца 1917 года «Грабь награбленное!», наложившийся на идею, упал на благодатную почву. Из таких лозунгов и создаётся

всеобщее равенство. Лозунг ведёт народ в атаку на капитал: экспроприация, конфискация, национализация, коллективизация...

13 ноября 1917 года Ленин отдал приказ: «*Служащие Государственного банка, отказавшиеся признать Правительство рабочих и крестьян — Совет народных комиссаров и сдать дела по банку, должны быть арестованы*». По этому приказу управляющий Государственным банком обязан был открыть хранилища золота, валюты, ценных бумаг, оформить лицевой счёт на имя Ленина и немедленно перевести на него из активов банка 5 (пять) миллионов золотых рублей «с последующим востребованием на этот счёт любых сумм без какого-либо права отказа». Весь декабрь 1917 года из столицы шли приказы «о конфискациях в пользу народа». Все без исключения граждане обязаны были предоставить в домовые комитеты справки в 3 экземплярах о своих доходах в течение 24 часов с момента выхода приказа. Второй экземпляр отсылался в Городскую управу, третий в Народный комиссариат внутренних дел. Начинался великий грабёж. Через полгода ужас российского беспредела дойдёт до Архангельска, когда сюда устанавливать советскую власть на поезде приедет комиссия М. Кедрова.

РЕВИЗИЯ ГОРОДА

На ту пору в Архангельске работала ЧКОРАП — чрезвычайная комиссия по разгрузке Архангельского порта. Порт и город были завалены военными грузами, которые согласно союзническим обязательствам прибывали из стран Антанты. Огромные ящики и тюки лежали на пристанях дальнего плавания, на Соборной (Красной) пристани и даже на прилегающих к ним площадях и улицах, то есть в центре Архангельска. Внешнее состояние города было зеркалом тогдашнего архангельского общества. Мировая война, падение самодержавия, а затем временного правительства привели жизнь в Архангельске к хаосу, в нём отсутствовал элементарный порядок, процветали казнокрадство, злоупотребление и воровство — всегдашние спутники безвластия. Каждый случай мздоимства, лихоимства имеет персональный адрес. Однако комиссар Кедров, боевик-эмигрант, долго разбираться во всех мелочах вроде «человеческой личности», «человеческого достоинства», наконец «презумпции невиновности» не привык. Едва его «чрезвычайный поезд», в котором находилось 40 сотрудников и 33 латышских стрелка, прибыл 28 мая 1918 года в Архангельск, как Кедров тут же «железной рукой» принялся устанавливать большевистские порядки, особенно не разбираясь, где правые, где виноватые. Досталось многим — банкирам, лесопромышленникам, военспецам. Пострадали священники, которые преподавали в школах Закон Божий. Была разогнана городская дума, закрыты газеты «Северный луч» и «Вольное слово». В «поезде Кедрова» началась ревизия города, то есть приём жалоб и заявлений. Посылались анонимки, которые М. Кедров называл «гражданским долгом», открылось широкое поле для стукачества, сведения личных счетов. И они не замедлили... Вскоре Кедров арестовал меньшевистский комитет. Наиболее видные деятели этой партии, в частности Папилов и Житков, были под конвоем отправлены в Москву, где бесследно исчезли. Не избежали ареста даже члены ЧКОРАП, в том числе

37-й —

РИКОШЕТ

17-го

Из книги «Русский хронограф»

(Н. Коняев и М. Коняева. — М.: ИПШК «ИХТИОС», 2006)

- **25 октября (7 ноября).** Военно-революционный комитет в написанном В. И. Лениным обращении «К гражданам России!» объявил, что Временное правительство низложено и власть переходит к ВРК.

- **22 ноября.** Учреждены революционные трибуналы.

- **1 декабря.** «Раскрыт» первый монархический заговор. Арестован глава подпольного Комитета спасения Родины Владимир Митрофанович Пуришкевич.

- Военный нарком Лейба Давыдович Бронштейн (Троцкий) предложил взять на вооружение революционного правосудия гильотины.

- **7 декабря.** На основании «исторического изучения прежних революционных эпох» Феликс Эдмундович Дзержинский разработал проект организации Всероссийский чрезвычайной комиссии. Обращаясь вечером к Совнаркому, Ф. Э. Дзержинский заявил: «Не думайте, что я ищущу формы революционной справедливости. Нам не нужна сейчас справедливость... Я требую органа для революционного сведения счетов с контрреволюцией».

- **8 декабря.** Указание В. И. Ленина: «Аресты... должны быть произведены с большой энергией...»

1918 ГОД

- **5 января.** Расстрел в Петрограде демонстрации в поддержку Учредительного собрания.

Во второй половине дня в Таврическом дворце открылось Учредительное собрание. Большевики составляли всего лишь 25% делегатов.

- **6 января.** Декретом ВЦИК Учредительное собрание разогнано.

Сулимов, который, обращаясь по весне в центр, настаивал прислать «*чрезвычайного уполномоченного ЧК*» и «*отряды надёжных латышей*». Как говорят — напросил на свою голову. Губернская тюрьма была забита арестантами. Приговоры были скорыми — расстрелы шли круглые сутки, даже ночами, ведь на Севере они в эту пору белые.

Красный шабаш прекратился 2 августа 1918 года, в тот день в Архангельске высадились интервенты. В городе на время установилось затишье. Но вскоре выстрелы на Мхах* зазвучали вновь. Палачи и жертвы поменялись местами, теперь расстреливали большевиков и сочувствующих им.

НОВЫЙ ЭТАП

Распоряжением Совнаркома представитель ленинской номенклатуры М. Кедров был назначен командующим Северным фронтом. Однако одно дело воевать с мирными гражданами и совсем другое — противостоять хорошо обученным солдатам регулярной армии. Полководца из М. Кедрова не вышло. На своей должности он продержался полтора месяца. За это время командующий фронтом, вместо того чтобы организовывать оборону, несколько раз ездил по своей инициативе в Москву, на доклады к Ленину. Ездил весьма своеобразно, минуя своего непосредственного начальника, председателя Реввоенсовета Л. Троцкого. В конце концов Главковерх не выдержал, Кедров был отстранён от командования фронтом, а все другие его покровители приняли этот приказ как должное.

Последующий период жизни самим М. Кедровым в его воспоминаниях пропущен, а авторы книг о нём пишут следующее.

И. Викторов в книге «*Подпольщик, воин, чекист*», машинист «поезда Кедрова» упоминает о том, что в феврале 1919 года М. Кедров был назначен председателем особого отдела ВЧК, а В. Пластинин в книге «*Коммунист Кедров*» о том, что в феврале 1919 года особым декретом ВЦИК были учреждены лагеря принудительных работ. И первым заведующим этих принудлагерей стал М. Кедров.

В середине мая 1919 года группа особистов во главе с М. Кедровым едет в Петроград. Здесь он участвует в организации засад в иностранных посольствах и лично допрашивает арестованных. После Петрограда «поезд Кедрова» прибывает в Вологду, в июне 1919 года в Великий Устюг, в июле в Козлов (сейчас Мичуринск. — С. Я.). Затем следует в Тамбов, Воронеж, Курск, в сентябре 1919 года латыши М. Кедрова побывали в Смоленске, Могилёве, Орше и Томске. Везде — облавы и «ликвидация» неугодных элементов.

«ГОРОД МЁРТВЫХ»

В апреле 1920 года «поезд смерти» особо уполномоченного ВЧК прибыл в Архангельск. Штабквартиру Кедров разместил на Троицком проспекте в доме № 114. Задача была предельно ясна — очистить город от антисоветских элементов.

После того, как 21 февраля 1920 года войска Красной Армии вошли в город, приступил к работе

* Мхи — в старом Архангельске территория за Обводным каналом.

• **8 января.** Нарком иностранных дел Российской Федерации получил сообщение рейхсбанка за подписью Шанца, что из Стокгольма переведено 50 миллионов рублей золотом на содержание Красной гвардии, необходимой для охраны большевистской власти.

• **20 февраля.** Якобы в связи с продолжающимся немецким наступлением, Совнарком принял решение о переезде в Москву. На самом деле Ленин был напуган ростом антибольшевистских настроений в самом Петрограде.

• **7 марта.** Решение о создании Петроградской ЧК. Председателем назначен Моисей Соломонович Урицкий.

• **20 мая.** М. С. Урицкий, изъяв у населения оружие, решил перетряхнуть весь Петроград на предмет выявления антисемитизма. Начало инспирированного ПетроЧеКа дела «Каморры народной расправы». Первые аресты.

• **29 мая.** Начало инспирированного ЧК дела «Союза защиты Родины и свободы». Следствие вели Ф. Э. Дзержинский, М. Я. Лацис, Ян Фридрихович Судрабс (1888—1938), Ян Христофорович Петерс (1886—1938). Арестованы и расстреляны десятки москвичей.

• **20 июня.** Сотрудниками ПетроЧеКа (возможно, по приказу М. С. Урицкого) убит в Петрограде «министр болтовни» В. Володарский (Моисей Маркович Гольдштейн). Эта акция стала поводом для новых репрессий.

• **5 июля.** Председатель ЦИК Я. М. Свердлов, выступая на V Всероссийском съезде советов, одобрил усиление массового террора: «Мы глубоко уверены в том, что самые широкие круги рабочих и крестьян отнесутся с полным одобрением к таким мероприятиям, как отрубание головы...»

• **17 июля.** Чекистами расстреляны Николай II и его семья. Имена палачей: Ваганов, Гринфельд, Медведев, Над, Никулин, Фекете, Фишер, Хорват, Эдельштейн, Юровский.

• **21 июля.** Подавлен левоэсеровский мятеж в Ярославле. Пленных подвергли жесточайшим пыткам. Впервые чекисты применили здесь «пробковые камеры», в которых, когда повышалась температура, у человека кровь начинала идти изо всех пор тела.

губернский карательный отдел губисполкома. Одним из первых приказов заведующего карательным отделом архангельская губернская тюрьма переименовывается в «Архангельский губернский исправительный дом». Слово «арестант», — говорится в приказе, — как унижающее личность и достоинство человека, исключить из употребления и заменить словом «заключённый». Было арестовано более 2606 человек — бывших офицеров, представителей интеллигенции и делового мира.

Какой была обстановка в городе, можно судить по статье из газеты «Воля России» от 28 сентября 1920 года, вышедшей в Финляндии. Документ публикуется впервые.

Жуткие вести с Севера

(от нашего корреспондента)

Нам пишут из Христиании от 21 сентября: «...Подтверждается известие, что в Архангельске комиссар ЧК Кедров, собрав до 1200 человек арестованных офицеров, партизан, интеллигентов и т. д. на баржу, приказал её буксировать вверх по Двине и вблизи г. Холмогор открыл по ней огонь из пулемётов и орудия. Сотни (до 600 чел.) были перебиты, искалечены и утонули. Ужас был так

• **30 августа.** Убит председатель ПетроЧеКа М. С. Урицкий. Совершено покушение на В. И. Ленина. Начало кровавого красного террора, унёсшего жизни миллионов россиян.

Приказ № 31 наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого о строительстве концлагерей.

1919 ГОД

• **24 января.** Секретная Директива о «расказачивании», подготовленная Я. М. Свердловым: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим участие — прямое или косвенное — в борьбе с Советской властью...»

• **7 марта.** На митинге в Орле рабочие забросали камнями председателя ВЦИК Я. М. Свердлова. 16 марта он скончался. Родившийся в семье еврейского сапожника, Свердлов на всю жизнь сохранил любовь к кожанкам. После смерти председателя ВЦИК осталось несколько сейфов, набитых драгоценностями.

• **11 апреля.** Постановление ВЦИК о создании в составе НКВД Главного управления принудительного труда (автор проекта Ф. Э. Дзержинский). Во главе управления поставлен палач М. С. Кедров.

• **25 сентября.** После взрыва анархистами здания Московского комитета РКП(б) Ф. Э. Дзержинский приказал расстрелять всех арестантов Бутырской тюрьмы — полицейских и жандармских чинов, титулованных особ — князей и графов.

1920 ГОД

• **15 марта.** Массовые расстрелы в Архангельске и под Холмогорами. Чекисты расстреливали пленных белогвардейцев из пулемётов. Убито около 8 тысяч человек.

• **14 июня.** Утверждено «Положение о совнаркомовском пайке». В пайки входило мясо, сливочное масло, сыры, ветчина, чёрная и красная икра... В связи со всеобщим голодом «Положение...» было секретным и в печати не появлялось.

1921 ГОД

• **18 марта.** Подавлено Кронштадтское восстание. М. Н. Тухачевский приказал расстрелять каждого десятого мятежника. Остальные были отправлены на расправу в Соловецкий концлагерь.

• **7 июня.** Подавлено тамбовское крестьянское восстание. Русских крестьян вырезали мадыарские и латышские части. М. Н. Тухачевский приказал применять химическое оружие.

велик, что передают о случаях сумасшествия среди тех, кто выполнял приказания Кедрова.

В последнее время (август) террор в северной области достиг чудовищных размеров. Беспощадно арестовываются все, кто недостаточно почтительно относится к советской власти. В августе ночью была грандиозная облава, в результате которой было арестовано до 700 человек, преимущественно женщин. Все они предаются военному суду за толки об иностранном вмешательстве и за распространение слухов, сеющих недовольство существующим строем...»

И вновь расстрелы — в Холмогорах, на Мхах, в богадельне Булычева, на канатной фабрике Клафтона. В одной из эмигрантских газет Архангельск назвали «городом мёртвых», потому что на улицах стояла кладбищенская тишина. На страницах газеты «Известия архгубревкома» публикуются списки заподозренных в антисоветизме. К ним комиссия Кедрова применяла высшую меру наказания. Список от 2 ноября из 36 человек, среди них и крестьяне, и кооператоры, и бывший член Думы — выборжец Исупов. Другой список (34 фамилии) — это расстрелянные за «активные контрреволюционные действия в период Чайковщины и Миллеровщины». Третий, включающий 22 убитых, в числе которых Архангельский городской голова Александров, редактор «Северного Утра» Леонов (отец будущего знаменитого писателя Леонида Леонова. — С. Я.), начальник почтового отделения, театральный антрепренёр, приказчик... Корреспондент «Последних Новостей» свидетельствует, что «были случаи расстрелов 12—16-летних мальчиков и девушек».

Михаил Кедров слыл неплохим пианистом, в эмиграции развлекал музыкой своих соратников. Говорят, Ленин любил бетховенскую «Апассионату» и называл её «нечеловеческой музыкой». В эмиграции В. Ульянов неоднократно слушал импровизации М. Кедрова и хвалил его за хорошие музыкальные способности. Трудно представить в одном лице музыканта, врача-кардиолога и палача, отдающего приказы о массовых расстрелах людей.

ТЯГА К БРИЛЛИАНТАМ

Сохранилось несколько документов, которые показывают М. Кедрова ещё с одной стороны, которая уж никак не говорит о его бескорыстии «во имя революции на благо трудового народа».

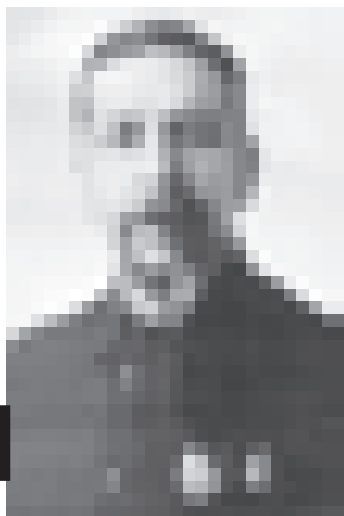
По Декрету «О реквизициях и конфискациях»: «...частное лицо в целях личного потребления и домашнего обихода могло оставить следующее: золота — 75 грамм; серебра — 1288 грамм; жемчуга — 21 грамм; бриллиантов — 3 карата (или 0,6 грамма)» М. Кедров немедленно принял документ к исполнению.

«Секретно. Москва. Информотдел ГПУ.

...Работа изъятию церковных ценностей из Соловецкого монастыря прошла благополучно тчк Изъято для предоставления в Гохран ... тчк До нашего изъятия в 1920 году проводилось изъятие церковных вещей Представителем ВЧК Кедровым зпт поэтому во время работы не оказалось налицо некоторых вещей согласно описи тчк Оставлен следователь на месте коему поручено подробно расследовать по существу дела ... Ломакин».

(Окончание на 20-й стр.)

М. С. Кедров
(30-е годы)

1917—2007

«Год
великого
перелома»

ЭХО
XX ВЕКА:
СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

ГЛАВА 3

Михаил ПОПОВ

БАТИНЫ СЛЁЗЫ

Прадед по отцу — казак Раздорской станицы Алексей Попов. То ли он рано умер, то ли был беден, но сын его Иван Алексеевич (1879) с малолетства трудился в чужих людях, а когда подросток — и в чужих краях. В начале нового века молодой казак по найму оказался в хуторе Большой Лычак Сергиевской станицы, что относилась к Усть-Медведицкому округу Войска Донского. Работник он был, видимо, старательный, проворный, чем и глянулся нанявшему его казаку Иллариону Андреевичу Клыпову и его жене Варваре Андриановне. К той поре в семействе Клыповых заневестилась дочь Парасковья (1887). В 1904 году сыграли свадьбу. Венчались молодые в хуторском храме Казанской Божьей Матери. В июне 1905 года у супругов Поповых родился первенец. А потом наследники посыпались как горох, причём, что характерно и отрадно для родителей, — сыновья. Ведь земля-то, главное богатство, полагалась только на особ мужского пола. Из дюжины детей появилась лишь одна дочь, Маруся, а остальные — сыновья, правда, выжили не все, трое или четверо во младенчестве умерли. В итоге мой будущий отец, Константин Иванович (1927), оказался самым младшим.

А потом грянул 1929 год — год «великого перелома». Большую — среднего достатка — работающую семью, загнав в телячьи вагоны, повезли на Север и бросили на произвол судьбы в тайгу. Этой горькой памяти посвящена моя документальная повесть «Птенцы разорённого гнезда». Добавить к повествованию можно только одно — документ, которым я не располагал, когда работал над рукописью. «Личная карточка на взрослого члена кулацкого хозяйства» — так называется эта бумага. В ней — перечисление чад и домочадцев, затем скота и имущества. Чад больше, чем имущества. А в конце перечня — графа о военной службе И. А. Попова: «С 1917 по 1921 гг. служил в белой армии» и на обороте добавлено: «рядовым казаком». Смотрю на карту, заглядываю в «Тихий Дон». От хутора Большой Лычак до станицы Вёшенской, центра Донского Восстания, два конных перехода. Возможно, Иван Попов, на ту пору отец уже пятерых детей, и не участвовал в стихийной казачьей смуте, вспыхнувшей против власти Советов. Но от мобилизации в регулярную Донскую армию, которая рвалась к Москве, а в итоге откатилась до Новороссийска, уклониться не мог. Где мой дед служил — на передовой или в тыловых частях — неведомо.

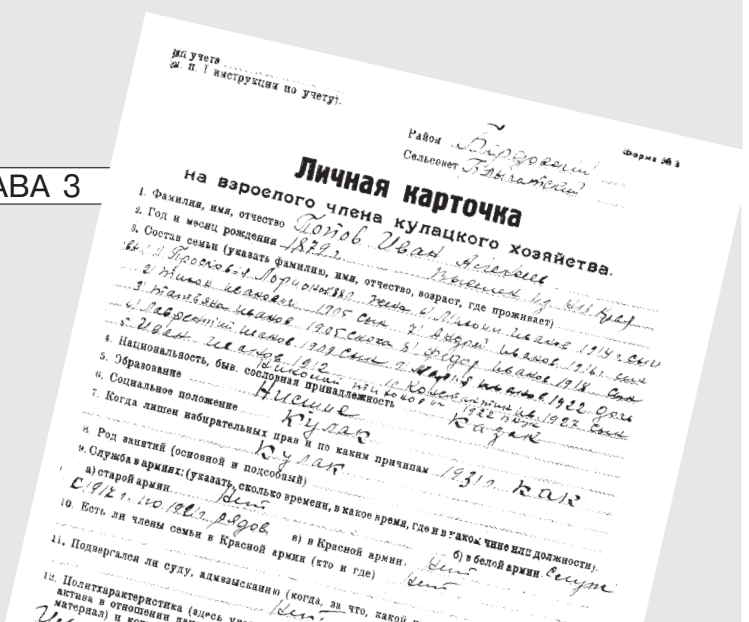
На фотографии 1872 года представлен казак Усть-Медведицкого округа Войска Донского. Это пращур Бориса Алмазова, известного писателя, барда и искусствоведа. Увидев наше с ним сходство, Борис заинтересовался моей родословной. Я сказал, что отец мой с Дона, и назвал место. Вот после этого Борис Александрович и подарил мне эту фотографию, подписав её на обороте и особо выделив слова о нашем с ним «общем предке»

Но, когда фронт покати́лся на юг, тыла по сути не осталось, везде была передовая. И просто чудо, что он не пропал, где сгнули сотни тысяч.

Да, гибели Иван Алексеевич избежал — и на фронте, и после, когда приказом палачей Троцкого и Свердлова было вырезано 2 миллиона казаков — верных защитников Отечества. Но служба в Белой армии не прошла для него бесследно. Именно это в первую очередь припомнили большевики, когда подвергли деда и его семейство репрессиям.

Вот же парадокс — это я уже о себе. Не пострадай семейство отца, не сорвали бы их с Дона, меня ведь не было бы на свете. Как воспринимать такую судьбу? Жизнь вообще подарок. А такой — полученный через страдания и муки кровников?

Они могли сгнуть в таёжном лагере, пропасть от голода и от пули. Почти до середины 30-х мои сродники находились между жизнью и смертью. А потом грянула война. И опять голод (это тыл) или пуля (фронт). Пули — увы! — избежали не все. Воевали четверо братьев отца. Двое из них погибли, третий скончался в июне 45-го от фронтовых ран. А от голодухи убереглись.

Те из кровников, кто оказался на начало войны в онежской деревне Пертеме или близ неё, в том числе мой будущий отец — тогда подросток, трудились на полях, на ферме и в лесу. А от голода своё ополовиненное семейство и окрестное население выручил мой дед, Иван Алексеевич.

Председателем колхоза, который объединял три деревни (Пертему, Падарину и Гоголево), был Иван Павлович Ершов. Я его помню. Это был высокого роста и крепкого сложения человек. Рассказывали, что действительную он служил в лейб-гвардии. По окончании срока, получив за верную службу деньги на обзаведение и строительство дома, он пешком пошagal в родные места. По прямой это 600 вёрст, но ведь не настильная дорога, на пути масса рек, речек, озёр, одно Онежское, где не видно берегов, чего стоит. И все эти преграды надо преодолевать. Так вот, по деревенским преданиям, на весь путь от Питера до своей Падарины лейб-гвардеец Иван Ершов потратил ровно 7 дней. Во был каков!

С дедом моим донским они сошлись. Оба Ивана, оба примерно ровесники, уже в годах, люди бывалые, они смекнули, что при тех госпоставках, при тех налогах и займах, которые пали в войну на деревню, многим сельчанам до победы не дожить. Фронт забирал всё или почти всё. И тогда два мужика, два Ивана, решили устроить в лесу тайные хлебные делянки. Новины расчищали палом, потом корчевали, возили навоз. А по весне мой дед, донской хлебороб, засеял их зерном, да не только рожью, но и пшеницей. Как он радел, соскучившись по хлебной ниве! Как ночами белыми не спал, пестуя каждый зелёный побег! А потом, уже в августе, доведя колос до золото-звонкой спелости, хлопотал, как бы до срока не побил ниву дождём или ветром, не вытоптали хлебные островки кабань да медведи... По осени хлеб убрали. Посвящённые в тайну поговаривали, что такого урожая не добивались и на семеноводческих станциях. Но о том хлебе, который спас от мора колхозных баб, стариков, детишек и подростков, в том числе моих будущих родителей, на стороне никто не узнал.

И ещё один поворот, которым отмечена моя судьба. У матери в юности был дружок, чуть старше её. Звали его Михаил. В 43-м на него пришла «похоронка». Я родился через четыре года. Это было 2 августа. Какое имя давать младенцу, коли выпал Ильин день? Самой собой — Илья. Но мать назвала меня именем павшего. А если бы Михаил вернулся с войны?..

Сознаю, сослагательное наклонение в жизненных коллизиях — дело неблагоприятное да и бессмысленное. Как вышло — так и вышло. Но это если, скажем, не попал на нужный поезд или провалил экзамен в намеренный институт. А вот когда открываешь, что на пути твоего появления была не просто череда житейских вариаций, но цепь смертельных опасностей, то гораздо острее воспринимаешь хрупкость бытия и весь драматизм человеческого существования.

Батяка мой до конца жизни не избавился от того ужаса, который испытал в раннем детстве — голоду, беспризорничество, побои и свист пули над головой за украденную морковку. Когда на глаза ему попала та самая документальная повесть, в основе которой воспоминания и письма тёти Маруси, он ожёг меня взглядом: «Ты что? Хочешь, чтобы меня опять по 58-й статье поволокли?!»

Мария СИДОРОВА

ПАРЕНКА

(ПРЯМАЯ РЕЧЬ)

— У нас в деревне троё кулачили-то. Неработы были все. Химка всем заправляла, главная активистка у их была, вот и говорит Оленькину парню: жониссе на мне, дак не буду вас кулачить. А не жониссе — всех вас вывезём и дом отнимём. Через три дня по домам пойдём.

А парень-от хорошей быв, работяшшой... И дешка у ево была тожо, Маня, хорошая экая, красивая. Славутица, оне осенью хотили свадьбу играть... Ну вот, пришов он домой, отцу-то рассказав, тот ничово не говорит. Думали ночь, думали — куда дёвацце... Четверо робят у их, да на ноги только ставать стали. Велев ему отец идти к Химке...

— Неужели женился?

— Жонивсе... Всю жись с ей прожив. А Маня так замуж и не выхаживала. Одна жила. Он, люди сказывали, тогда ночью-то ходив к ей, прошшенья просив. Поплакала, бывало. Да и он плакав.

— Неужели Бог эту Химку не наказал? Ведь две же жизни сломала. Ведь у этих двоих дети могли бы родиться. Значит, всё не так пошло.

— У Химки-то деток не было.

— Видно, наказал-таки Бог... А где она теперь? Жива?

— Живёт. Тут где-то, в городе... У сестры. Бабы сказывали. Я-то ие не видала много годов. Она ведь у нас из дому икону большую унесла, когда мы из деревни-то уехали. Потом уж я узнала это всё. Ну да Бог ей судья... Лучше не споминать. Как спомнешь всё, дак и думаёшь: как я это и вынесла...

— А вас как раскулачивали?

— Нас не кулачили — нас верхушили. Средняками признали. Отец товда уж умёр. Мама с нами с троими осталасе. Она не знала ничего — вдруг лишь ночью крёсная к нам бежит. Заколотилась в ворота тихонько. Мама пустила её. Она говорит: «Завтра к вам верхушить придут. Давай хоть мешок муки закопаём. Как робят-то кормить будёшь, ведь всё увезут». Закопали оне на дворе мешок-от, сверху соломы натресли. Не нашли, ковды искали-то. Дак мама нам довго лепёшки из тые муки пекла. К ночи печь затоплеёт, это чтобы нехто не пришов, напекёт дня на три — мы и едим. А верхушить пришли — мама ревит, мы ревим, оне и на сарай, и на двор, и в онбар. Всё, всё выгребли. У мамы бив в онбаре сосечек паренки — сахару-то не видали мы, не знали, дак репы нам вместо сахару напарила.

И паренку отнели, унесли мешочик. Я, помню, ревлю, уж больно обидно-то мне, бежу за ими да кричу: отдайте паренку! отдайте паренку. Какоё! Унесли... Всёт я эту паренку жалею.

г. Мирный

Мария Линовна Сидорова — преподаватель литературы школы № 1 г. Мирного, заслуженный учитель России. Автор сборника стихов. В «Двине» выступала со стихами, эссе и школьными заметками.

Клеймённые

ГУЛАГОм

ЭХО
XX ВЕКА:СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

Александр ЗУЕВ

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

публикуется впервые

Записки
репрессированного*

В Норильск мы приехали, как говорили тогда, — на голую кочку. Готовы были несколько бараков, построенных из дикого камня. На нарах такая теснота, что спать можно было только на боку. А многие заключённые жили в палатках, засыпанных доверху снегом.

Над тундрой то и дело свистела пурга. Вдруг тускнел морозный воздух, а потом неожиданно от горы Шмитихи налетал шквальный ветер. Он бил с такой силой, что валил людей с ног. Стремительная снежная муть делала невидимым человека в двух метрах. Она срывала пламя с поленьев, и пылающий костёр угасал за несколько минут, оставляя чёрные головни.

В эти часы мы сбивались в тесную кучу, как овцы в степи. Скрючившись и уткнув лицо в спину соседу, мы выжидали, когда конвоиры получают распоряжение — вести всех на вахту. Это значило — пурга будет затяжной и нам предстоит отдых.

Уже стояла полярная ночь. Не было ни утра, ни вечера. Вставал короткий серый рассвет и снова сменялся ночью. Как застывшие волны, мёртво блестели сугробы под светом месяца. Низко над нашими головами иногда проплывала белая полярная сова.

Нас выводили на подготовку строительной площадки. Местность была бугристая — мы снимали эти бугры. Скованные лютым морозом, они были свинцовой плотности и не поддавались кайлу. Приходилось рвать их аммоналом.

Всё делалось вручную. Сначала мы отбрасывали деревянными лопатами снег. Затем долбили бурки. Разжигали костёр и укладывали на огонь десяток ломов. Когда лом нагревался докрасна, мы долбили им узкую — руку просунуть — ямку, глубиной на длину руки. Это и называется буркой.

Очень трудное дело — пробить бурку в вечной мерзлоте. Раскалённый лом превращает её в жижу,

но пока бежишь до костра сменить остывший лом, жижа снова окаменеет. И чем глубже уходит лом, тем становится труднее. Его засасывает мерзлота. Чтобы вытащить, приходится бить по нему кувалдой или забивать рядом запасный лом. А так как ломов в запасе не было, такой случай всегда вызывал яростную ругань бригадира.

Но вот наконец бурки готовы. Бригадир шёл в конторку прораба и приводил на участок «поджигателя войны» — всегда полупьяного «вольняшку» (вольнонаёмного) с сумкой через плечо. В сумке лежали самодельные «фунтики» с аммоналом.

Нас отводили в сторону, к сарайчику. Поджигатель в это время опускал фунтики в бурки и прилаживал к каждому метровый конец бикфордова шнура. Затем забивал отверстия бурков землёй, поджигал концы шнуров и, как бы демонстрируя своё бесстрашие, медленным шагом шёл к нашему сарайчику.

Вслед ему один за другим бабахали заряды. К небу взлетали комья мёрзлой земли, камни, корневища. Мы прижимались к сарайчику. Не раз камни со свистом падали в нашу толпу — свалившихся уносили в околосок.

— ...десять... четырнадцать... семнадцать... — вели мы счёт взрывов.

И каждый раз возникали споры — сколько же их было. Не всегда точно сосчитаешь — иногда взрывы были двойные. Поджигатель в таких случаях хватал какого-либо простачка из близко стоящих, угощал папироской и подталкивал вперёд:

— А ну, пробегись, малайка, погляди там, все ли бурки взорваны. Ежели увидишь — шнур торчит, вытащи! Не бойся, бери смело!

Это было обязанностью самого поджигателя и считалось делом опасным. Рассказывали, что иногда взрывы почему-то запаздывали, что у одного такого простачка, посланного вытащить шнур, лопнули от взрыва глаза.

Поджигатель в это время, покуривая с бригадиром, рассказывал какие-либо анекдоты и весело похохатывал.

«Малайка» возвращался, и мы все направлялись к месту взрыва. Там был настоящий хаос: громадные куски мерзлоты, поставленные взрывом на ребро или друг на друга, загромождали весь участок. Надо было теперь братья за расчистку.

Приносили и укладывали дорожку из толстых плах — к ближайшему рву. Появлялись тачки. Все вооружались кайлами и лопатами. Дробили глыбы, загружали тачки и отвозили грунт в ров. Когда площадка была расчищена, бригадир уходил в контору прораба сделать подсчёты. По совести говоря, норму никто из нас не выполнял, но надо было каждому «обеспечить горбушку» — ведь никто не лодырничал, все работали... Начальство это знало и старалось не замечать приписок, тем более что никакие ревизии их не нашли бы.

Как в самом деле установишь теперь, сколько прошлой ночью намело на наш участок снегу? Снег этот мы сгребали в самом начале работы, теперь не узнаешь даже места после взрывов. И бригадир смело вписывал в рапортчику «десять перекидок» снега, хотя их было всего-навсего четыре.

Впрочем, всё это было результатом сговора бригадира с нормировщиком, мы об этом не знали и не вникали даже, как там выводится «горбушка». На то есть бригадир.

* Фрагменты незавершённой работы.

Впрочем, вскоре мы убедились, что вся лагерная работа строится «на туфте» — обман идёт снизу доверху, и все только делают вид, что не замечают этого.

Работала на соседнем с нами участке бригада, составленная из одних уркачей. Бригада «гремела». В газете «Норильстроец» её ставили всем нам в пример. На красной доске она стояла всегда первой. Бригаду прославляли на всех производственных собраниях. Ежедневно уркачи перевыполняли норму на сто сорок — сто пятьдесят процентов. А работали всего полдня! И с песнями уходили в свой барак. «В чём тут дело? — недоумевали мы. — Что за богатыри такие?»

Работая по соседству, мы ежедневно слышали взрывы бурок на участке уркачей — они уже заканчивали работу. А нам ещё далеко было до конца. Как-то, улучив момент во время обеденного перерыва, мы решили сходить к соседям и признать опыт. Уркачи даже не подпустили нас: навстречу нам полетели палки и камни.

— Не подходи близко, фраеры, башку проломим! Вчера у нас два лома украли — не ваша работа? На воле вредили и тут вредить пришли!

Пришлось повернуть назад. Но когда уркачей увели в барак, мы снова тайком прокрались на их участок. Так вот оно что!..

Уркачам был отведён чрезвычайно выгодный «объект». Это был высокий глиняный мыс, лежавший на поддоне из мелкой гальки, очевидно, русло древней реки. Бурки здесь делались горизонтальные. Гальку можно было выбирать руками — на это требовалось минут пятнадцать. Да если бы передали этот объект нам, мы снесли бы весь мыс за неделю. А хитрые уркачи, как видно, решили кормиться около него как можно дольше!

Ещё бы! Ведь наряду со славой лучшей бригады на них сыпались начальственные благодеяния: им отвели лучший барак, выдали новенькое обмундирование, для «ударников» на кухне готовили премиальные блюда. Рассказывали, что «знаменитому бригадиру» выгородили в бараке отдельную комнатку и даже смотрели сквозь пальцы на то, что у него ночует «маруха».

Никому в голову не приходило разоблачить обман насчёт «знаменитой бригады». Помилуйте, где ещё найдёшь столь убедительное доказательство, что самоотверженно работают бытовики, а не враги народа. И жульническую «ударную» бригаду продолжали хвалить и рекламировать. И ставить всем в пример!.. Но мы, по крайней мере, знали теперь цену этих восхвалений.

Урки были приписаны и к нашим бригадам. Вместе с нами они выходили на участок. Но как только начинал подниматься дымок костра, они усаживались вокруг и заводили свои разговоры. Считалось, что они греют ломы.

Единственно, о чём упрасивал их бригадир:

— Ребята, поглядывайте: как появится начальство — отойдите от костра. Шевелитесь, копайтесь — только не сидите без дела...

Норму этих бездельников отработывали мы. И, конечно, карандаш бригадира...

Мне рассказывал инженер Рудминский, что, когда строительная площадка была закончена и бухгалтеры подсчитывали общую сумму кубометров грунта, якобы «вынутых» нами, начальство схватилось за голову: можно было подумать, что

мы снесли целый Монблан. Но так как все эти мысленные кубометры давно ушли в зыбучее болото тундры вместе с реальными, дело было замято и предано забвению.

Если кто думает, что новостройки, поднятые руками заключённых, были выгодными для страны, — тот глубоко ошибается. Все лагеря, как об этом свидетельствовали сидевшие с нами работники ГУЛАГа, приносили убытки. И не могло быть иначе: добрая половина лагерных обитателей были нахлебниками советской власти. И... нашими захребетниками. То, что не добавала им лагерная администрация, они забирали у нас. Когда все домашние наши вещи были выкрадены и мы во всём сравнялись с ними, урки начали красть выданные нам казённые валенки, полушубки и одеяла. Они переправляли их за зону.

Среди заключённых были так называемые расконвоированные — иначе говоря, «придурки» из бытovieков, получившие право выхода за ворота без конвоя. Они завязывали «деловые» отношения с охранниками и их жёнами. Пришлют охраннику из деревни мешок махорки-самосада — через расконвоированного она попадает в руки лагерных спекулянтов и перепродаётся по бешеным ценам. С другой стороны, понадобились жене охранника валенки, где их взять, как не у заключённых? Только мигни — урки сразу доставят и возьмут гроши. Наши конвойники на этих, чрезвычайно выгодных для них операциях, сколачивали немалый капиталец. Даже начали строить в деревне домики, как рассказывали сами.

Справедливость требует сказать, что урки действовали с расчётом: если они «уводили» наши новые валенки за зону, то взамен подбрасывали залатанные и обгорелые, не оставляя нас совсем босыми. Это было у них правилом. Иначе начальство поневоле взялось бы за розыски.

А так, если вы приходили с жалобой, начальство обрушивало гнев на вас же:

— Надо было смотреть, а не зевать. Заплатишь штраф в двенадцатикратном размере.

Так мы и ходили на работу в дырявых, обгорелых и заплатанных бушлатах и в таких же валенках. И не получали за работу ни копейки — почти на каждом из нас висели двенадцатикратные штрафы.

Вот к чему свелась эта «мудрая» мера — соединение политических с уголовниками. Вместе с клопами и вшами, неизменными спутниками тюрем и лагерей, эта орава «шакалов» тоже выполняла задачу истребления «врагов народа». Многие обессили и ушли в могилу из-за них!

В Норильске вечная мерзлота. В зимние месяцы грунт не возьмёшь и кайлом. Он неподатлив, как свинец. Приходится оттаивать, разжигая сверху костры.

Поэтому начальство планировало копку могил заблаговременно — в летнее время. И каждый раз допускало громадные просчёты: могил не хватало. Приходилось укладывать покойников в штабеля в коридоре больницы. Они лежали длинными рядами, вытянув в проход голые ступни. Дожидались весны.

Больные, пробираясь в уборную промёрзшим этим коридором, нацупывали в темноте голые пятки. А покойников всё прибавлялось, штабеля подходили под потолок.

Однажды кто-то из администрации вспомнил, что на одной из окраин летом было заготовлено с десяток могил, теперь их занесло снегом. Нарядили на розыски партию заключённых, в число их попал и я.

Мы вышли в открытое поле. По чуть приметным холмикам определили местонахождение могил, стали откапывать. Под тяжестью ветров снег в тундре так уплотняется, что поёт под ногами, как паркет. Лопатой его не возьмёшь. Приходится взламывать ломом и кайлом. Мы вырубали большие снежные кирпичи и укладывали их стенкой с подветренной стороны, чтобы защитить могилы от дымившей позёмки.

К обеду несколько могил было очищено от снега. А тут подошли и подводы с гробами. Это были наспех сколоченные ящики из горбылей с широкими щелями, в которые можно было проверить мертвецов. Говорили, что на вахте дежурный «проверял» покойников в щели штыком...

Заглянув в один из гробов, я увидел знакомое лицо ехавшего со мной по этапу синолога Полякова. Он работал в одном из институтов Академии наук, был кандидатом партии. В своей области он был крупным специалистом — его знаниями дивились китайские товарищи, ехавшие в этап, — помню, он читал им стихи древних китайских поэтов, которых они даже не знали.

Это был человек, как говорится, не от мира сего. Уркачи его кругом обворовывали, он ходил в каких-то опорках и отрепье, но как будто не замечал совершившихся с ним перемен. Светлые задумчивые глаза его смотрели поверх всего, что происходило вокруг.

В Норильске он простудился и заболел. Мне рассказывали, что он лежал на нарах чуть ли не в бреду (на приём к фельдшеру попасть не удалось, была большая очередь), как вдруг в барак нагрнуло начальство. Полякова стащили с нар и, как симулянта, в толчке выпроводили работать на конбазу. Отсюда его отвели в больницу... Теперь он лежал передо мной на дровнях и как бы смущённо выглядывал сквозь щель открытыми глазами...

Гробы стали укладывать в ямы, по несколько сразу — один на другой.

— Ставь кверху решкой! — сказал кто-то.

Со мной работали уркачи. У них было суверенное правило: если ты похоронишь человека вниз лицом (это и называлось — кверху решкой), — у тебя будет удача в делах, привалит какое-то счастье. И каждый из могильщиков норовил перевернуть хоть один из ящиков.

Я вцепился в «мой» гроб, не давая взяться за него другим.

— Ты чего, пахан? — спросил меня один из уркачей (паханами они звали всех, кто носил бороды).

— Да вот, — говорю, — приятеля нечаянно встретил, помоги-ка положить как следует...

— Кверху орлом?

— Вот именно!

Так и положили мы Полякова в общей могиле. Всё-таки, рассуждал я, похоронили его честно и в каком ни на есть, но в гробу. Пришла весна, и всех остальных зарыли в громадной яме. Вышло распоряжение гробов больше не делать — тёсу не хватало на стройке.

Закапывали яму бульдозером.

• ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

У могилы декабриста Модзалевского

Мы были прапорщики оба
И начинали мятежом.
Тебя я отыскал в сугробах
На дальнем кладбище чужом.
Казалось, близко всё и просто,
Когда, сомкнув квадратом строй,
Читал вам Муравьев-Апостол
Мятежный катехизис свой.
Мы знали жар мечтаний пылких
И силу клятвы боевой,
И вот — на перепутьях ссылки
Сошлись мы — мёртвый и живой.
И мы прошли по общей смете,
Под сводами одной тюрьмы,
Но если сеяли вы ветер,
То бури пожинали мы.
Пускай умру я, нераскаян,
Как ты — ничем не знаменит,
Сибирь, Сибирь, земля святая,
Обоих нас усыновит.

Устьянск,
Красноярский край. 1953 г.

МВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ МВД
— ПО —
КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ
31.10.1954.
№ 5893
г. Красноярск

Видан на жительство не служит.
При утере не возобновляется.

1122 N 885833

ПАСПОРТ
Безвозвратный
2 августа 1954 г.

И Д П Р А В К А

Выдана гр. Буеву Александру Николаевичу
1904 года рождения, уроженцу
Менгурского района, Ачинской обл.
гражданину СССР, по национальности русский
в том, что он(а) осужден(а) Свободы Советскими
или НКВД СССР
3. апреля 1949 года по ст.ст. 58-10 и 58-11 УК
РФССР к лишению свободы на вечный срок

Настоящее удостоверение выдано (направлено) в ссылку на поселение в Красноярский край, на основании Свободы Советскими при МЛВ СССР от 6/IV-49.
Новыйнаселенная прокуратура СССР МЛВ СССР и КГБ
при Совете Министров СССР от 28/IV-54, постановление
Совета Министров при НКВД СССР от 3/IV-49, и указов СССР от
6/IV-49, 8 сентября 1949 года и 14 сентября 1949 года на основании
дв. 101, 3-й ст. 58-10 и 58-11 1949 года и следует в изобретенном месту
жительства в СССР

Зам. Начальника Отдела УМВД
Начальник Отдела

НАРКОМ «ПЕЕЗДА СМЕРТИ»

(Окончание. Начало на 11-й стр.)

Расследовали. Оказалось, что в апреле 1920 года Соловецкий монастырь посетили вместе с Кедровым уполномоченный секретоперотделом Архгубчека Тетерин и товарищ Павлов. Прошлись по Спасо-Преображенскому собору и изъяли 59 предметов: золотые кресты, чаши, бокалы и кружки. Шифровка не ушла бы в Москву, но по пути следования они прихватили: саблю с бриллиантами князя Д. Пожарского, палаш золотой князя М. Скопина-Шуйского и резную кружку из слоновой кости работы О. Дудина с золотыми портретами Российских императоров. Через год часть ценностей передана Московской комиссии, скандал замяли.

Вот что писал сам М. Кедров 25 апреля 1920 года в газете «Известия Архангельского губернского революционного комитета»:

«О массовых обысках.»

В ночь на 18 апреля в Архангельске были произведены повальные обыски, в которых принимали участие все коммунисты, а также красноармейские части, общей численностью свыше трех тысяч пятисот человек.

Массовые обыски дали большие результаты. Учёт всего отобранного далеко ещё не произведён, но уже сейчас можно дать некоторые сведения... Отобранное золото и бриллианты исчисляются многими фунтами (одних орденов царских разных Станиславов и Владимиров свыше 100 штук), серебро пудами (одной серебряной монеты около 3 пудов). Сотни тысяч царских денег, чайковок миллионы. Найдена также иностранная валюта в значительных размерах, арестовано до 50 человек...»

«ВРАГ НАРОДА»

В отделе редких изданий Российской государственной библиотеки в Москве есть две книги М. Кедрова, написанные им в 1921 году: «Коммунистка» и «Три года» (из эпохи Гражданской войны 1918—1920 гг.). В последней один из персонажей Г. Твердов, член революционного комитета, зачитывает с балкона стоящим внизу осуждённым смертный приговор, приказывая немедленно привести его в исполнение. При этом среди осуждённых стоит его отец. Выдуманная книжная трагедия про сына и отца спустя 18 лет повторится наяву в жизни М. Кедрова.

В отделе документов социально-политической истории Госархива Архангельской области есть уникальная фотография, датированная 1928 годом. На ней запечатлены восемь человек, отдыхающих в южном санатории. Среди них М. Кедров

со своей женой Ревеккой Пластининой (Мейзель). У четверых, в том числе и у Кедрова, чья-то бдительная рука на груди чернилами вывела — «враг народа».

Весна 1921 года — работа в Закавказье. Здесь он проверял работу Азербайджанского ЧК и при проверке зампреда ЧК 22-летнего Берии обнаружил грубые нарушения. По приезде в Москву сообщил Дзержинскому, но хода его факты не получили. Свои сведения в тетради он хранил 18 лет, до 1939 года.

1924—1925 годы — главный редактор Всесоюзной газеты «Кто кого?».

1926—1932 годы — руководство Красным спортивным интернационалом. И. Викторев в книге «Подпольщик, воин, чекист» вспоминает о Кедрове: *«...с присущей ему страстью и непримиримостью он боролся против раскольнической политики врагов в спортивном движении...»*

1932—1939 годы — работа в Госплане в отделе науки и техники. Директор военно-санитарного института Антонов-Овсенко в книге «Берия» приводит слова о М. Кедрове: *«Он уже освоился на новом месте. Ничего, работать можно. Что, в сущности, изменилось? Здесь те же люди... Так же исправно доносят друг на друга, так же покорно садятся в «чёрные воронки», терпят клевету и пытки, предаются товарищам и родным, гибнут в тюрьмах и лагерях. И слава Богу...»*

Наступил 1937 год, год «большой чистки». Тысячи старых большевиков, соратников Ленина оказались в ссылке, в тюрьмах, концлагерях, были расстреляны и в качестве пелла вывезены на поля подмосковного колхоза «Имени Ильича».

В начале 1939 года М. Кедров отправляет своего сына, 31-летнего Игоря, почётного чекиста с 15-летним стажем в органах НКВД, и его друга и сослуживца Владимира Голубева с письмом к Генсеку. Сын и его друг якобы узнали о каком-то заговоре Лаврентия Берии в НКВД и решили поговорить с М. Кедровым — куда лучше сообщить. Отец отправил обоих к И. Сталину.

В конце февраля 1939 года Игорь Кедров с товарищем были арестованы. 21 января 1940 года Военной коллегией Верховного суда СССР осуждены и 25 января расстреляны. Но М. Кедрову не суждено было узнать, с какой иезуитской точностью сбылись его литературные вымыслы в жизни.

Ночь ареста 16 апреля 1939 года в доме № 1 на Солянке в Москве для 61-летнего М. Кедрова стала крахом всей прожитой жизни. То, что до этого было заслугами, — стало статьями обвинения. Антонов-Овсенко в своей книге пишет: *«Сидя в камере, вспоминал ли большевик Кедров лето восемнадцатого, Архангельск, где он силой разогнал городскую Думу и арестовал меньшевиков и эсеров? Кто из них выжил тогда, кто пережил расстрельные тридцатые?»*

По приказу особо уполномоченного Совнаркома Михаила Кедрова в Архангельске казнили людей, отказавшихся принять новую власть. Позднее он скажет: «Я старался убедить себя в том, что подобные лица должны беспощадно уничтожаться, хотя бы они служили орудием в руках других. Тем не менее я колебался: всю жизнь я боролся против виселиц и расстрелов. Неужели теперь нужно прибегать к тем средствам, которые никогда раньше не достигали цели? Неужели рабоче-крестьянская власть не может обойтись без казней?»

Из восьми четверо, т. е. половина, — «враги народа». Такова арифметика «красного террора», который в 1917 году развязали Владимир Ленин, Лейба Троцкий, Феликс Дзержинский, Янкель Свердлов, Моисей Урицкий и уже с ними...

Фото публикуется впервые

«БЕЗ ПРАВА НА МОГИЛУ»

9 июля 1941 года. Третья неделя Великой Отечественной войны. М. Кедрову зачитывают решение Военной коллегии Верховного суда СССР: «Кедрова Михаила Сергеевича считать по суду оправданным, из-под стражи освободить. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Председатель Романычев, члены суда Буканов и Чепцов, секретарь Мазур».

Из тюрьмы Кедров, однако, не вышел. «Нас в камере собралось человек 60, — писал на имя Ворошилова один заключённый — Н. Авдеев, позже реабилитированный. — За Кедровым никто не приходил. Автоматчики повели нас к вокзалу. Впереди колонны шли сбитые над Москвой немецкие летчики. «Фашистов ведут!» — кричали досужие мальчишки. А дальше на товарном, в Саратов».

Начальник следственной части по особо важным делам НКВД Влодзимирский составил заключение. Даже не упоминая об оправдательном приговоре суда, посчитал предварительное следствие по делу Кедрова законченным и предъявленные ему обвинения доказанными. «Полагал бы: Кедрова М. С. 1878 г. р. — расстрелять». Это заключение утвердил зам. наркома НКВД Кобулов.

В деле подшита справка. Половинка листа, тусклый оттиск букв: «Приговор о расстреле...». Фиолетовыми чернилами вписано: «Кедрова Михаила Сергеевича приведён в исполнение 1.XI.41 г.». В 1946 году на запрос Сильвии Михайловны Кедровой в органы о судьбе отца она получила устный ответ: умер 4 апреля 1943 года в ИТЛ от упадка сердечной деятельности.

Расстреляли и забыли на долгие 17 лет. Напомнил о Кедрове Н. Хрущёв 23 февраля 1956 года на XX съезде КПСС. Во время зачитания своего закрытого доклада «О культе личности и его последствиях» он привёл в качестве примера письма Кедрова секретарю ЦК Андрееву.

«Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышите крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку. Я невинно страдаю, поверьте. Время покажет. Я не агент —

провокатор царской охранки, не шпион, не член антисоветской организации, в чём меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях. И никаких других преступлений в отношении Партии и Родины я никогда не совершал. Я не запятнанный ничем старый большевик, честно боювшийся (без малого) 40 лет в рядах Партии на благо и счастье народа...

...Теперь мне, 62-летнему старику, следовательно угрожают ещё более тяжкими и жестокими и унижительными мерами физического воздействия. Они уже не в состоянии осознать своей ошибки и признать незаконность, недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдания им в изображении меня злейшим, неразрешающимся врагом и настаивают на усилении репрессий...

...но у меня нет выхода. Я бессилён отвлечь от себя надвигающиеся новые тяжёлые удары. Все-му однако есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родины — что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет, нет! Это не случится, не должно случиться, кричу я. И Партия, и Советское правительство, и нарком Л. П. Берия не допустят свершиться той жестокости неоправданной несправедливости...»

В статьях о Кедрове это письмо ранее ни разу не цитировалось, так как не вписывалось в тот образ, который создала господствовавшая идеология — образ «кристально-честного» и «мужественного ленинца». Вершитель человеческих судеб взывает к милосердию...

У Кедрова нет могилы. Как нет её у его многочисленных жертв. История, которую он писал их кровью, оказалась к нему беспощадна. Таков урок истории.

Сергей ЯКОВЛЕВ,
член Союза журналистов России

см. далее ➡

• ОТ РЕДАКЦИИ

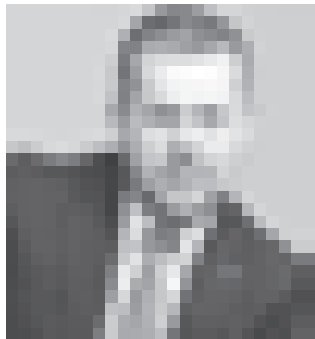
Могилы у Михаила Кедрова нет. Но одна из улиц **расстрелянного им Архангельска** до сих пор носит это имя. Не дико ли?

Из истории Кедрова, понятно дело, не вычеркнешь, он «увековечен», но зачем же этой каиновой печатью до сей поры помечен город архангела Михаила?

Есть несколько спорных названий улиц областного центра. Задевают сознание имена Арманда, Баумана, Володарского, Дзержинского, Крупской, Ленина... Но улицы Кедрова да ещё Урицкого, двух отъявленных палачей, — это признак беспамятства, это издёвка над их жертвами, равносильная продолжению казней, это та самая историческая несправедливость, которая порождает другие, возникающие поныне, а мы не можем понять их истоков...

Давно пора объявить конкурс на другое название этих улиц — переименовать их. А заодно убрать всех иноземцев. Не стало улицы Энгельса — что мешает избавиться от Маркса и прочих «ландскнехтов»?

Убеждены, что без такой очистительной акции городу не избавиться от напастей, склок, раздоров и бед, которые его преследуют.

Архивный материал для очерка С. Я. Яковлева «Нарком «поезда смерти» собирался при содействии В. А. Михеева, благодаря чему читатели журнала «Двина» имеют возможность познакомиться с этой публикацией.

Владимир Александрович Михеев родился в 1954 году в семье военнослужащего в городе Полярный Мурманской области. В 1958 году семья переехала в Архангельск.

После окончания школы служил в Советской армии в Заполярье в войсках ПВО. Образование высшее экономическое. Женат. Имеет двух сыновей.

В настоящее время генеральный директор строительной организации. За добросовестный труд отмечен почётной грамотой главы администрации Архангельской области.

Член совета общественной организации «Долг» и координационного совета по изданию областной Книги Памяти погибших в Афганистане и других локальных войнах. За активную помощь воинам-интернационалистам награждён медалями «15 лет вывода Советских войск из Афганистана» и «За верность долгу и Отечеству».

Член областного общественного совета ГИБДД.

В 2005 году при активной финансовой поддержке В. А. Михеева была издана хрестоматия «Православие на Архангельской земле», которую подготовила группа авторов областного государственного архива.

Фёдор АБРАМОВ

...Из истории сибирских полков

Сибирь, Сибирь двинулась. Сибирь пошла на врага. Господи, с какой радостью, с каким энтузиазмом говорили все о сибирских полках, о сибирских дивизиях в 41-м году, когда с помощью их были одержаны первые победы в войне, когда с помощью их были разбиты немцы под Москвой.

Вот уж воистину они заслуживали звания гвардейских. Звания, которое впоследствии присваивалось особо отличившимся частям и соединениям.

Но что знаем мы о тех, из кого состояли сибирские дивизии, сибирские полки?

Да ведь это — дико сказать — может быть, наполовину, а может, и больше, сыновья раскулаченных.

Да, да, целые сибирские деревни в 30-м году распатронивали. И как? Мужиков, кто мог работать, на ударные стройки — на Беломор-канал, на Магнитку, а баб с ребятишками, стариков немощных — в тайгу. На сборы — два часа.

Второпях, в суматохе что-то кидали в телегу, ехали под конвоем к ближайшей пристани. А на пристань приехали — новый приказ: всё оставить, бросить на берегу. Весь наспех захваченный скарб, вещички.

Маршрут несчастных — по сибирским рекам, по Иртышу, по Оби, затем по их притокам, в самые гибельные таёжные места.

Приезжали. Их, как тараканов, выкидывали на ещё не растаявший снег, сбрасывали какой-то мешок муки, сколько-то топорешек и пил — живи, осваивай тайгу, перевоспитывайся на социалистический лад.

Смертность, конечно, была ужасная. К осени из 1000 человек оставалось в живых 50—40.

Дядя Е. Мальцева, старик, за лето (речонка Пегелька, приток Васюгана) связал 500 крестов. Так ведь были и ещё старики, которые тоже вязали кресты.

Одна старушка, оставшаяся в живых, из того же посёлка на Пегельке, рассказывала Е. М.:

— Упала на пенёк, рассекла колено, гляжу: кость бела, а крови нету.

Мир знает, что такое ленинградская блокада, знает, сколько погибло в ней от голода. А сколько погибло народу в Сибири, хотя бы только в одном Нарымском крае, куда были сосланы земляки Е. М.?

Осенью оставшимся в живых на речке Пегельке разрешили переехать поближе к Оби.

Переехали. Начали корчевать тайгу и — велик же русский человек! — помаленьку начали вставать на ноги, зажили.

Это было в 1930 году, а в 40-м году всех мужиков этой деревни, в том числе бывших детей, которых в своё время, как тараканов, выбросили на весенний снег холодной Сибири, призвали в армию.

Вспомнили про муки свои, про жестокости? Отомстили? Свели счёты с советской властью?

Нет. Ни одного случая предательства, ни одного случая дезертирства. На целый Каргосотский район, как рассказывал Е. М., начальник милиции этого района.

Вот кое-что из истории сибирских полков и дивизий, которые весь мир в 41-м потрясли своей храбростью и героизмом и которые добыли первую победу в минувшей войне.

28 ноября 1978

Мир

глазами

окопника

ЭХО
XX ВЕКА:СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

ОТ РЕДАКТОРА. В этом месте планировалась публикация, которую мы оговаривали на редколлегии. Однако пришло письмо от нашего земляка, члена Архангельской писательской организации И. П. Третьякова, живущего в Баку, и я решил поставить его. Разумеется, не потому, что начинается оно со слов о моей книге — это только повод. Иван Поликарпович вспоминает войну, точнее последствия её. Горькие и мучительные слова точатся из сердца старого солдата...

МОЯ НЕОКОНЧЕННАЯ ВОЙНА

ЧИТАЯ ПРОЗУ ЗЕМЛЯКА

Дорогой Михаил Константинович!

Долго я Вам не писал, но мысленно, почти как наяву, ежеминутно был с Вами — читал Ваш прекрасный роман и всё равно что видел Вас в двух шагах, и слышал Вас, и смотрел Вам в глаза — такова магия Вашего «Свитка». История, начатая два с половиной века тому назад и доведённая до нынешних дней и далее заглянувшая, в день завтрашний, она вся как на ладони — в лицах, событиях, мыслях и стремлениях, которые владели и владеют людьми...

Читал медленно и долго, в промежутках между сердечными приступами, подскоками А/Д, мозговыми спазмами и расстройствами души... Ассоциации и воспоминания мучили, перехватывало дыхание — ведь я читал Вашу книгу как историю моего поколения, как свою жизнь, долгую и мало-результативную; «Свиток» нельзя, невозможно читать залпом, приходилось не раз возвращаться к прочитанному (а если читатель возвращается к прочитанному — это же верный признак высокой талантливости автора — к посредственной книге его и палкой не заставишь возвращаться). А бессонными ночами мне думалось о героях книги, о судьбах, схожих с их судьбами, а во сне они мне являлись, и рисовались картины бытия — да такие, будто два с половиной века — как на ладони, и все разворачиваются, разворачиваются... Включал ночник — и снова читал уже прочитанные главы. Россия... Белая Рада... Онега...

Всё в этом романе до боли близко мне, каждый герой, их характеры, мысли, поступки, язык —

каргопольский говор мало чем отличается от их языка, а природа — ничем! Только плюс океан, Арктика... Здесь и моя жизнь до ухода в армию, и вся последующая, на чужбине, в отрыве от родной почвы, в тоске, в кручине.

Я видел и вижу свет после рокового для меня 15 апреля 1945 года то как будто из ада, а иногда и из краткосрочного пребывания в раю — это жизнь сквозь видимый миру смех и невидимые миру слёзы.

Есть в «Свитке» герой, который мне особенно близок — дядя Федя. Какой человек, какой характер, какой учитель этот Фёдор! Как он ненавязчиво и предметно, делая своё обычное дело, попутно поясняет мальцу-племяншу грамоту, соединяя её с повседневным привычным делом. Таких бы учителей — да всем, а не таких, как так называемая классная дама, ханжа и тупица, как в крепкой повести Валерия Чубара*. Счастье, что герой романа оказался, пусть на короткое время, под рукой простого и не шибко грамотного, но мудрого человека, дяди Феди. Этого человека я ощущаю как живущего рядом, вижу его неторопливые осмысленные движения, слышу его речь — такой человек не умрёт на странице прочитанной книги, он пойдёт по жизни рядом с читателем. Тот человек был со мною в окопе. И, что куда важнее, — я был с ним в окопе!.. С такими, как он! И никаким душегубам не перебить таких людей — даже умирая, они остаются жить! А гибнут они, как в бою. Так погиб и Фёдор, одноногий человек, подкарауленный мерзавцем, отсидевшимся в войну за спиной солдата. Эти Мироны — они же во всех отношениях даже хуже фашистов, и когда же с них спросит русский народ?

А как подумаешь, что дало государство и его чиновники своим защитникам за все страдания и пролитую кровь, сердце заходится.

Тот же Фёдор... Он даже протеза не получил! А по закону должен был получить ещё в госпитале — там обязаны были принять заказ на «наркомовскую ногу», помочь ему этот проклятый протез освоить. Должны... Но исполнители законов — суки, как точно назвал их солдат. Он ушёл из жизни, наверное, так и не узнав, что ещё в 1943 году был принят закон, освобождающий инвалидов войны от всех видов налогов со всех видов заработка. А введён в действие этот закон был только в 1973

* В. Чубар. «Вместе весело шагать...» // «Двина». 2007. № 1.

На снимке: мл. лейтенант Иван Третьяков после ранения на излечении в госпитале г. Кисловодска. 1942 г., апрель.

году! Платили за всё, треть с каждого заработанного рубля, наравне со здоровыми. А если работали, то им всё время угрожали либо снять инвалидность, либо пенсии совершенно лишить — не желавшему работать инвалиду было легче: если и помогали чем-то, то только неработающим!

И налоги платил дядя Федя — не имея скота, сдавал мясо с козы, и шерсть, и молоко, и яйца! Мясо — живым весом, хоть сам ложись под нож! Плюс на каждом шагу «кувшинное рыло» просит: дай! И самое страшное, что не знал дядя Федя и миллионы других покалеченных солдат, что он мог остаться с ногой.

Не знаю, по гласному или негласному указанию — и чьему? — всю войну эскулапы делали из раненых хромым и одноруких. Ведь раны бывают сложнейшие и требуют не одного-единственного вмешательства, а главное — длительного лечения. Так вот, чтобы не возиться с пострадавшими месяцами, не тратиться на лекарства, не кормить, не поить, лишний техперсонал ими не занимать и отличиться перед начальством быстротой излечений, а главное, оперативным освобождением «койко-мест» для новых пострадавших, делали ампутации. Через месяц культя затянется — и получайте, отцы и матери, вместо сына обрубок... И сколько же эти коновалы наделали одноногих и одноруких, сколько героев, лишённых ног, катались на примитивных площадках на колёсиках, отталкиваясь от земли голыми руками! Иногда они чем-то раздражали блюстителей порядка, особенно «наци» в милицейской форме, и те пинали несчастных, иногда в спину, подталкивая это «срп» (средство передвижения), — играли в «футбол»! Кто дальше толкнёт!

Я знаю всё это не только по рассказам — сам видел, сам кое-что пережил и мог ещё в сорок пятом отдать концы или остаться односторонним, при одной руке и при одной ноге...

Это было во фронтовом госпитале, в г. Мишкольц (Венгрия). Сделав ряд операций на правом бедре и на правой руке и придя к выводу, что не только в строй, но и в жизнь я вряд ли вернусь, а если вернусь, то для всех стану обузой, врачи решили: ногу надо ампутировать... Что я стал бы делать при одной ноге и одной руке (правая после многих операций висит на остатках тканей и сухожилий и ни к чему не годна)? Хотя я и представить ещё не мог, что меня ждёт вообще, тем более что находился в полуобморочном состоянии, не знал даже, вынесу ли я очередную операцию.

Спасло фронтовое братство. В палату ворвался на костылях, но в накинутом на плечи морском кителе офицер и прямо с порога спросил:

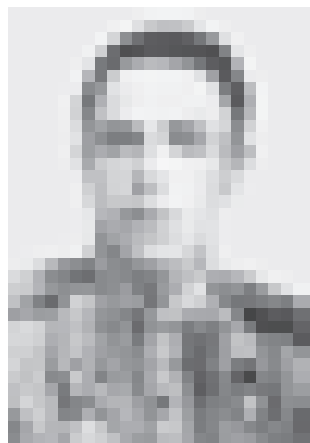
— Где тут Третьяков?

Ему показали на угловую койку. Подскакал.

— Это ты, браток? Не узнаёшь? Капитан Росцупкин... Помнишь, мы ещё на Кавказе вместе с тобой, с твоими сапёрами штурмовали высоту 219... Под Шапшугской... Не узнаёшь? Эк тебя угораздило!..

Он присел на мою койку.

— Не ради свидания поднялся я на ходулях на четвёртый этаж... Предупредить хочу: тебе грозит кое-что пострашнее... Я только что из операционной... Там, знаешь, возятся с нашими ранами, перевязывают и попутно наши судьбы решают... Орудуют и пиллой и зубилом... О тебе зашла речь...

Бухарестская фотография, сделанная 31 августа 1944 года. «Увечковечил» меня русский фотограф-эмигрант прямо в прокопчённой в бою гимнастёрке, со слегка заплывшим в схватке левым глазом... Потом эта фотография изрядно подмокла при переправе через реку Грон...

Не знают, что делать с рукой... С ней бы надо в госпиталь, где лечат верхние конечности... А здесь специализируются на нижних... Но и с ногой... Полгода возни — как минимум... Пришёл профессор, выслушал всех, произнёс приговор: «Ногу надо вылуцать... Готовьте пациента к операции!» Сёстры палатные ахнули: «Он не вынесет... И такой молодой...» Но профессор — на своём: «Вылуцать. Через месяц бедро зарубцуется — и в другой госпиталь...» Ты понял, что значит «вылуцение»?

— Как не понять...

— Была нога — и не будет. С корнем вырвут! — Росцупкин грустно глянул на свою ногу, ампутированную чуть ниже колена. — Даже такой не оставят. — И вдруг вскинулся, как тогда, перед атакой на высоту 219. — Сейчас они придут, чтобы объяснить, как и что они собираются делать... Иного, мол, выхода нет. А я думаю, есть! Ты не соглашайся на вылуцение, слышишь? Христом Богом прошу: не соглашайся!

Они пришли. Профессор Чичельницкий и врачи, из-за которых выглядели сёстры.

— Ты, я вижу, предупреждён, — сказал профессор. — Вот, гляди, что у тебя. — Он развернул огромный рентгеновский снимок. — Вот нога. Вот шейка бедра, вот так называемый большой вертел. Он раздроблен, на шейке — трещина... Это вот следы операционного вмешательства — чистили кость, да не дочистили... — Он махнул рукой и встряхнул снимок. — Вот головка бедра, тазовая кость — всё как в дыму — это воспаление. И заражение крови... Тебе об этом не говорили? Сейчас скрывать нечего... Если ногу не вылуцить, не спасти нам тебя. А вылуцим — будешь жить. Ты парень грамотный, сам всё понимаешь... Мы смогли бы тебе этого и не говорить — случай бесспорный, иного решения нет. Решай, что лучше?

— Лучше смерть! — сказал я.

Помню, профессор долго молчал. О чём он думал — не знаю. Лишь много позже я предположил, что он искал иное решение. В критические моменты своей жизни судьба всё-таки выводила меня на людей мыслящих, добрых. Может, он представил себе человека, лишённого половины своего существа: не жить ему при одной ноге и одной руке!

— Ну, так, — сказал он и, вздохнув, присел на табурет. — Ограничимся резекцией головки и шейки бедра. Но по ходу операции будем решать, что делать, если увидим, что этот вариант не получается... — И, уже остановившись на этом варианте, он стал пояснять, как будет сделана резекция. —

Бедро укоротится. Мы его приткнём к тазовой кости. Почистим всё. Гляди, как это будет. Надо, чтобы тазовая кость и пазуха, где помещалась головка, срослись с бедренной костью, чтобы их схватило, образовалась мозоль. И это положение зафиксируем гипсовой повязкой — на обе ноги, на туловище... Долго будешь лежать в корсете. Неподвижно будешь лежать. Ни пить, ни есть, ни естественные надобности сам исполнять не сможешь... А потом будешь хромать — нога укоротится сантиметров на десять, с ортопедической обувью познакомишься... Я не пугаю. Всех трудностей, какие могут перед тобой возникнуть, предвидеть нельзя... Итак, если вылуцение — то лучше смерть. А если хочешь жить — идём на резекцию...

— Всё ж будет своя нога! — одобрил Росщупкин и опять глянул на свою обрубленную ногу. — Своя! Не подаренная, не купленная, не наркомовская. И мы все, товарищ профессор, все, кто тут лежит, вся палата просим вас сохранить парню ногу. Знали бы вы, каким он был отчаянным... Всё, говорят, умел... Ничего не боялся — это я сам видел. А не повезло человеку. Должен был в академию ехать, а в день отъезда его подхватило снарядом...

— Да... теперь какая уж академия, — профессор вздохнул, обвёл взглядом палату. — Ну, убедили. Будем стараться. А если не сможем, тогда...

— Тогда убейте! — сказал я.

— Это не мудрено... Легче всего. Крепись!

...И я остался с ногой, укороченной, искалеченной, но — своей. Она не гнётся в бедре, и я не могу застёгивать чудовищный ортопедический ботинок с каблук в 10 см. Делаю это, когда некому помочь, с помощью разных приспособлений, крючков, длиннющих нарощенных шнурков, которые и завязываю, намотав один конец на безжизненную правую руку, а с другим концом управляюсь левой ногой, как рукой; ботинок уродлив, в три раза тяжелее обычного, хотя в молодости я этого почти не ощущал. И сижу я бочком, на диван и в кресло не сажусь — придётся полулежать, по мне — стул, табуретка, да повыше, чтобы негнущуюся в бедре ногу подогнуть хотя бы в колене; если приходится бывать на совещаниях — стараюсь занять крайнее справа место, а если попадаю в середину, то невольно сижу спиной к соседу справа (иные и оби-

жались: отвернулся!). Ногу вообще трудно пристроить. А если где приходится чего-то ждать, то присесть на что-нибудь я не могу — так и стою, бывало, часами...

Был период, когда я бросил костыли, а затем и палку (он совпал со временем, когда стали людям внушать, что инвалидов надо всюду пропускать без очереди). С виду я вроде здоров, и как же орали на меня те, кто, всю войну просидел в тылах, а особо их жёны, все ставшие вдруг ветеранами: «Он не инвалид!» А одна дама, помнится, устроила мне почти что медосмотр: руки есть, ноги есть, и я имел удовольствие сказать ей на ухо, что есть всё прочее... Без очередей мне ничего не доставалось, но не жалею об этом — это были счастливые дни, когда меня принимали за здорового! Ведь не знали они, что на пригорок мне не подняться, с него не спуститься, в снег и на болоте мне гибель и по скользким мосткам и дощечкам, по брёвнышкам мне не пройти — я на асфальте падаю, даже в комнате, зацепившись ногой за какую-нибудь тряпку, падаю плашмя, и всегда на покалеченную руку и ногу...

И снова вспоминаю Вашего дядю Федю, фронтовика-окопника. Дали бы ему, согласно тому закону, нормальный протез, думаю, он не погиб бы от руки паразита и негодяя, а дал бы солдатский укорот этой гниде.

Хорошо, что Вы показали фронтовиков, этих мучеников и героев, подлинно великих людей. И не обошли того, что стыдливо называлось негативными явлениями, не дрогнули перед ужасающей правдой, дошли до причин, порождающих беды и мерзость. И если подонки, оставившие после себя посея гадёнышей, надеялись, что жизнь пойдёт по заданному ими курсу, то они ошиблись. Народ разгибает спину, при каждом новом ударе поднимает голову и сжимает кулаки: держись, мразь, Россия на подъёме, появляется новая поросль. И как ни измываются над этой порослью сынки так называемых новых русских, праздных нуворишей (все эти Соболи, Шумские, Ляховы из повести В. Чубара, сформировавшиеся ещё в школе как насильники и палачи) — новую поросль русских им не вытоптать, не выполоть и не сжечь. Она зреет, трогательно-чистая, безгрешная, как та Ваша трёхлапая ёлочка, среди хаоса, запустения и бурелома, и если старшее поколение прикроет её своей рукой, она вымахает в полный рост, а с ней поднимется и Россия, я верю в это. Россия выстоит, явит миру своё достоинство и неизъяснимую божественную красоту!

Столько правды в Вашей книге, столько любви, что сердце заходится, когда её читаешь, и уже не хватает сил, чтобы остудить его, успокоить, вернуть равновесие. А как удались Вам характеры, описания быта и нравов! Какие картины природы в разное время года и дня, и ночи, и утра, и вечера!

Первый послевоенный снимок, сделанный 23 февраля 1946 года в Бакинском госпитале. В тот день с меня сняли 10-месячный гипсовый панцирь, посадили в ванну. А тут — землетрясение. Обрушился кусок потолка. По счастью, я уцелел. Отмыли, дали отдохнуть. Потом поставили на ноги, прислонили к кровати, набросили чужой пиджак. Так и запечатлел меня фотограф... Правая рука срослась под углом 90 градусов, потом её «разгибали». Вот таким я входил в мирную, послевоенную жизнь.

Читаешь, и боль и горечь за судьбу страны и целых поколений как бы отодвигаются, смягчаются... Отчего бы это? Наверное, оттого, что сквозь мрак и нависшие над Родиной тучи просвечивают солнечные лучи надежды и живёшь в трепетном ожидании, что мрак рассеется.

Во всей красоте показана Вами широта и глубина народной души... А речь! Образная, точная, неповторимая северная речь. Местами она кажется мне стопроцентно каргопольской. Оживают подзабытые слова, их порой непривычный, неожиданный смысл, а за ними всплывают в памяти и другие и всё то, что они обозначают, тянется жемчужная цепь драгоценных находок, а их — целые россыпи — и радостно, и нестерпимо до счастья!

Прекрасную книгу Вы написали. Поздравляю Вас от души! Появись эта книга на свет десятилетиями раньше, можно бы все впечатления выстроить и создать о ней целый трактат. Хотя лучше, чем написала о ней Е. Галимова, всё равно не скажешь...

Размахнулся я ой-ой-ой как, а сказал не всё, раньше умел писать коротко, сейчас не получается — наверное, оттого, что теперь что бы ни писал, пишу как будто в последний раз, и хочется сказать всё...

Поздравляю Вас с предстоящим юбилеем. Желаю доброго здоровья, долгих и успешных, счастливых лет жизни, всех заслуженных благ, любви ближних, поклонения благодарных читателей и многих-многих книг, подобных «Свитку».

Славьте наш милый Север, опорный край державы и великих его людей. Являйте миру богатства народной души — пусть знают, пусть чувствуют чистоту, святость, благородство и твёрдость русских сердец!

Чувствуйте себя всегда молодым и азартным, жадным до дела, до добра, до всего, что дорого и любо! И знайте, что я Вас по-братски, по-солдатски люблю и уважаю. Таких признаний я ещё никому не делал, а вот сейчас Вам, другу, с которым даже ещё не виделась, признаюсь в братской любви и высочайшем уважении.

Вечно Вам признательный и преданный

Иван ТРЕТЬЯКОВ
30.06.2007 г.
г. Баку

Ивану Поликарповичу Третьякову исполняется 85 лет.

Архангельская писательская организация, редакция и редколлегия журнала «Двина» сердечно поздравляют дорогого земляка с большим юбилеем. Сыну Русского Севера, Солдату и Гражданину наш низкий поклон!

Александр МИХАЙЛОВ

ГОРЬКАЯ ПРАВДА

(Отклик на первую публикацию романа Виктора Астафьева «Прокляты и убиты»)

...У меня к этому роману особое отношение, как у бывшего солдата, ветерана войны. Я давно ждал его. Жду потому, что о минувшей войне ещё не сказано то, что, увы, может, никто никогда и не скажет...

Думалось — скажет ли кто о том, почему миллионы наших солдат оказались в плену у немцев и что побуждали мы больше не умирать, а числом. И числом жертв — тоже! ...И хочется, чтобы сказал об этом кто-то из тех, кто сам крещён в кровавой купели войны. Ведь подходили же близко с разных сторон к этой незаживающей ране ближе всех К. Воробьёв, Ю. Бондарев... Да кто позволил бы ещё какой-нибудь десяток лет назад развернуться на этом смертоносном полигоне! Стоило уже в начале «перестройки» Виктору Астафьеву на газетной полосе прикоснуться к правде некоторых конкретных событий военной истории, как он тут же навёл генеральский гнев.

Вот потому-то, да ещё хорошо зная Виктора Петровича, его характер, его взгляд на войну как событие российской и мировой истории, я ждал и жду его роман, хоть и знаю, что он может причинить мне боль, пробудить прежние недоумения, разочарования, страхи, не раз испытанные за четыре года ратной службы в годы войны...

В первой его книге «Чёртова яма» пока ещё не сама война, хотя она идёт, она растворена во всём распорядке жизни, в больной психике некоторых персонажей. Здесь — служба в запасном стрелковом полку, где формируются маршевые роты для отправки на фронт. Восемнадцатилетние парни, только что призванные, занимаются строевой подготовкой, колот штукком соломенные чучела. Знакомое дело. Осень и зима 1942-го. Я прошёл свой запасный полк и свою маршевую роту осенью 1941-го. И теперь ещё, вспоминая, заново испытываю дрожь от чудовищного несоответствия вдолбленного с пионерского возраста агитпропом идеального представления о непобедимой и героической Красной Армии, которая будет бить врага на его собственной территории, — этому конгломерату уголовников, резервистов и восемнадцатилетних, деревенских в основном несмышлёнышей. Об этом и написал Астафьев, об этом и можно узнать правду из «Чёртовой ямы». Правду, обжигающую душу, в иных местах непосильную для восприятия изношенного сердца, правду, если хотите, армейского ГУЛАГа с его распорядком и его нравами. Разница небольшая. Я специально перечитал «Один день Ивана Денисовича». Не без влияния этой классической повести написана «Чёртова яма».

Не собираюсь делать разбор романа, хотя написал автору большое письмо. Хочу только обронить общее соображение, что правда, сказанная разборчиво-размашистой кистью, в густоте красок, подробностей и пригнетающей символики, показанная Астафьевым, не просто срывает покров с казённых преданий о сплочённости, организованности и в короткое время создания «прочного тыла» во время войны, но она вскрывает великую ложь нашей жизни, казалось бы, на неуязвимом, освящённом подвигом народа отрезке истории. Ведь и в самом деле, это не выдумка — сибирские дивизии прославили себя на войне. Но — какой ценой?!

(«Слово», 1993 г., № 9—12)

«Годы
застоя»

ЭХО
ВЕКА:

СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

Юрий ПАХОМОВ

ПОЕДЕМ ОХОТИТЬСЯ, СТАРИЧОК

Есть такая фотография: Юрий Павлович Казаков сидит у рубленой бани, в клетчатой рубашке, сапогах, задумчивый, грустный. Фотография эта помещена в посмертно изданном сборнике «Осень в дубовых лесах».

Так же вот сидели мы с ним однажды ранней осенью на даче в Абрамцеве. Казаков хвастался, как хороша его новая баня, как в ней славно пахнет. Гудел ветер, сшибая сухой лист. Слева, из овражка, где текла речка Яснушка, накатывало теплом. Юра достал пачку «Беломора», закурил и, жадно затягиваясь, сказал:

— А давай поедem охотиться, старичок. Давай всё бросим и поедem. Поедem до Архангельска, а там у меня друг, доктор, твой коллега. Рюкзаки, ружья... В избах будем ночевать. Д-давай поедem? На пароходе вверх по Двине... Да ты знаешь, сам ходил.

Мы не поехали. У меня не вышло с отпуском, а Юра так и не смог пристроить мать. Не помню уже, путёвку ему не дали или Устинье Андреевне не разрешили ехать в санаторий по состоянию здоровья.

Познакомился я с Казаковым зимой 1963 года в Архангельске. В те времена на углу улицы Свободы и набережной Северной Двины стоял старый деревянный купеческий дом. Дом этот, напоминавший ковчег, ныне не сохранился, на его месте поставили пятиэтажку, безликую и скучную. А дом-ковчег впечатлял: двухэтажный, скособоченный, с широким балконом — что-то вроде ходового мостика. Тёмная его обшарпанная лестница визгливо скрипела, стены точил жучок, и ночью было слышно, как мириады насекомых дырявят старые доски. В доме были лестницы, лесенки, плохо освещённые переходы, чуланы, огромная кухня, где над закопчённой плитой висела медная, в прозелени посуда. Из окон виден был серый пустынный пляж — полоска речной воды, то чёрной, то какой-то буро-красной, то жёлтой. Дудели лесовозы, а иногда оконные стёкла сотрясал мощный сипловатый гудок: три длинных, два коротких — это пассажирский теплоход подходил к причалу.

Жили в этом удивительном доме мои друзья, супруги Орешкины, преподаватели Архангельского медицинского института. Капитана медслужбы Валентина Орешкина знал я ещё по Военно-медицинской академии, потом вместе служили в Северодвинске.

Зима стояла суровая, с Белого моря задували шквальные ветры, деревья потрескивали на морозе, сыпал сухой, колючий снег. Свет уличных фонарей жёлтыми столбами упирался в тяжёлое небо. В Соломбале вяло тянулась водная эпидемия брюшного тифа, я, молодой эпидемиолог, мотался по воинским частям, а вечером, намерзшийся и усталый, с трудом добирался до дома-ковчеха на набережной.

Ах как славно было сидеть на низком табурете у печки, глядеть в огонь, постепенно отогреваясь! Постреливали дрова, потрескивали стены дома, временами ухал за окном ветер, швыряя в оконные стёкла пригоршни сухого, звяжущего снега. Впрочем, тихие вечера в доме на набережной Северной Двины случались редко. Хозяйка дома Лиля Орешкина организовала что-то вроде салона, где собирались местные поэты, писатели, художники, актёры. Бывали и столичные знаменитости. «Оттепель», начавшаяся в середине пятидесятых годов, достигла зенита, Поморский Север стал популярным местом. Как-то в доме-ковчехе побывал Евгений Евтушенко. Я его не застал, о визите знаю со слов хозяйки: будто был он мрачен, отмалчивался. И ещё: один местный поэт подарил ему сборник своих стихов, Евтушенко оставил его в туалете в сумке для туалетной бумаги, и многочисленные гости использовали его по прямому назначению.

Тогда я ещё не помышлял о литературной работе, но жадно читал, и на шумных сборищах у Орешкиных мне было интересно. Сидел в углу, слушал, обычно не принимая участия в разговоре. Гости спорили, читали стихи, курили, слушали записи новых песен Анчарова, Окуджавы, Клячкина.

Однажды Лиля сказала мне:

— Постарайся сегодня не задерживаться. У нас знаешь, кто будет? Юрий Казаков.

Его имя тогда на Севере ещё не было широко известно. Как-то мне попала тоненькая книжка рассказов Юрия Казакова, изданная, кажется, в библиотечке «Огонька», — я её одним махом прочитал в дежурке — рабочем поезде, курсирующем между Архангельском и Северодвинском. Особенно поразил рассказ «Кабасы», словно это я оказался ночью в лесу и на опушке увидел маленьких «чёрных с зеленцой» не то чертей, не то лесовиков.

К семи я уже был у Орешкиных, едва снял шинель, как внизу послышались голоса, надсадно заскрипела лестница, потом кто-то громко, обстоятельно топал ногами, обивая снег. Хозяйка, набросив шубу, кинулась встречать гостей. Казаков мне не понравился. Громоздкий, с обвисшими плечами и грубым, больше ротым лицом, он походил на грузчика с лесобиржи, рыбака откуда-нибудь с Летней Золотицы или Усть-Наволока, но уж никак не на писателя. Заячий трюх, тулуп, кисло пованивающий овчиной, красное с мороза, точно ошпаренное, лицо. Знакомаясь, протянул руку, представился:

— Юра. К-казаков Юра.

Без улыбки задержал мою руку в своей руке, словно ожидая эффекта от произнесённой фамилии.

Явился Казаков не один, а с газетчиком — уж не помню, откуда он был, — вертлявый, маленький, с прыгающими глазками парень. Он тотчас засуетился, умчался на кухню, возник с кофейником и всё подмигивал нам с Валентином, восторженно прищёпывая:

— Ловите исторический миг, ребята. Перед вами живой классик. Да-а!

И сам Казаков, как мне казалось, подчёркивал свою значимость: молчал, поглядывая на часы. И видно было, что ему скучно и он не знает, как поскорее уйти. Хозяйка пригласила к столу, и стол, надо сказать, удался в тот вечер: и сёмужка была, и грибки, и бельгийский маринованный лук в яркой заграничной банке, и напитки соответственно. Мы оказались рядом за столом, но Казаков даже не взглянул на меня, угрюмо озирался, тёр ладонями щёки и оживился только после первой рюмки, налил себе ещё и предложил, сильно заикаясь:

— Р-ребята, д-давайте за Север. Ну и за вас! — И, не дожидаясь других, жадно выпил и снова помрачнел.

Вниманием за столом овладел вертлявый газетчик, его прямо распирало от самодовольства. Казаков легонько толкнул меня в бок, тихо сказал:

— А бельгийский лучок-то, а? Надо же, обычный лук. Д-давай-ка выпьем с тобой, старичок. Ты служишь здесь?

Я в двух словах рассказал о себе, заметил, что недавно прочитал его книжку и мне понравились «Кабасы».

Глаза у Казакова потептели.

— С-спасибо, старичок. А ведь он — ну, этот, — Казаков кивнул на газетчика, который показывал какие-то фокусы со спичками, — ничего моего не читал. Нет. Так, болтает. Хочешь, я тебе письмо покажу, мне старуха одна прислала, пенсионерка. Ей тоже «Кабасы» понравились. Хотя ладно, потом. Ну, лучок-то, лучок...

И видно было, что Казакову надоело газетчик, надоели разговоры. А через час или два случилось чудо: мы как бы уединились с ним. «Как бы» — потому, что и хозяйка, и газетчик сидели за столом, но всё, что они говорили, не достигало моего слуха. А я торопливо, сбивчиво рассказывал Казакову о своей жизни, неудачах, эпидемии в Соломбале. Всё, что накопилось во мне в тот тяжёлый год, выплёскивалось здесь, в погружённой в сумерки комнате, и каждое слово несло облегчение. Казаков слушал внимательно, подперев голову кулаком. Он, казалось, стал ещё больше, значительнее, заполнив весь угол, лысина его как бы слилась с обоями, и видно было одно лицо, лицо не человека — идола.

Табачный дым синими слоями перекатывался по комнате, вытекал в форточку. Печь прогорела, и только в самой глубине её чёрного зева вспыхивали, пробежали по углям синие огоньки. Лиля ушла в соседнюю комнату. В груди одежды, сваленной в углу, Казаков разыскал свой тулуп, заячью шапку и сказал, кривя губы:

— Т-ты проводи меня, старичок. Пусть уж они спят. А я в гостиницу за чемоданом. Мне сегодня в Амдерму лететь.

Был он грустен, рассеянно оглядывал стол, спящих. И вдруг лукаво, по-мальчишески подмигнул мне: «А лучок-то маринованный бельгийский... Вкуснотища».

Мы сверзились по промёрзшей скрипучей лестнице, а когда вышли на набережную, на востоке, среди сплошного мрака, протаяло вдруг розовое пятно, и окна домов наполнились тёплым, медовым светом. Постояли на набережной, наблюдая, как среди льдов тяжело ворочается неуклюжий ледокольный буксир.

— Ну, пока, — сказал Казаков, прощаясь. — Всё будет хорошо. Вот увидишь.

Он пожал мне руку и зашагал прочь, стараясь ступать по чистому снегу. И громоздкая его фигура ещё долго была видна в бледно-розовом пространстве пустынной набережной. Мне нужно было возвращаться назад, к Орешкиным, но что-то тяготило меня. Я ещё не знал тогда, что всякая встреча с Казаковым будет оставлять такой вот осадок недовольства собой, желание в чём-то разобраться, оправдать себя или, наоборот, осудить. И к этому будет невозможно привыкнуть, как невозможно привыкнуть к угрызениям совести. Много раз потом, вспоминая свои беседы с ним, я не мог выделить какую-нибудь особую мысль или фразу, которая бы поразила сразу, заставила восхищаться, завидовать или возражать — важен был весь разговор.

После этой встречи прошло больше десяти лет. Я закончил факультет усовершенствования врачей при Военно-медицинской академии, служить меня направили в Москву. Два года учёбы в Ленинграде — щедрый подарок судьбы. Мне везло: в Архангельске готовилась к изданию моя первая книжка, были и журнальные публикации — это позволило попасть в литературное объединение молодых ленинградских писателей при журнале «Звезда». Собственно, с этого момента и началась моя более или менее серьёзная работа в литературе.

Я читал всё, что выходило у Казакова. Критики его то хвалили, то поругивали. Причём недоброжелателей было больше. Находились и такие, которые утверждали: Казаков — фигура дутая. Вторичен, подражает русским классикам, и все его писания — не более чем эпигонство. Чехов, Бунин, Куприн — всё от них. В Краткой литературной энциклопедии, вышедшей в 1966 году, эта мысль как бы уже официально утверждалась: «...новелист следует интонационно-стилистическим, а отчасти и тематическим традициям русской классической прозы». И неясно было — хорошо это или плохо. К началу 70-х годов о Казакове вообще как-то забыли. От Орешкиных из Архангельска поступала о нём скудная информация: заезжал, гостил, сильно постарел, занимается в основном переводами, рассказы почти не пишет.

А тут вышла первая моя московская книжка, почти вся на северном материале, запаковал я её и, разыскав адрес Казакова в Справочнике Союза писателей, послал ему. Послал безо всякой надежды на ответ, кратко помянув Орешкиных и домковеч на набережной Северной Двины. И вскоре получил ответ. Казаков среди прочего писал: «Рад за вас, что у вас начали книжки выходить. Рассказы хорошие. Одно замечание о Соловках: один из островов называется не Анзерский, а Анзер. И монастыря на Анзере нет, а есть (вернее, был) скит. Монастырь же на Соловецком острове».

И пожелание на будущее: если ещё станете писать про Архангельск — поподробнее, пожалуйста. Старый город исчезает, а был он весьма экзотичен, ниц, сер, но интересен топографически, архитек-

турно. Вы поймёте, что я имею в виду, если вспомните «Праздник, который всегда с тобой» Хемингуэя.

Живу я теперь на даче. Лилию видел в 73-м году, был в Архангельске, заболел, попал в больницу, бродил по ней, как муха, вдруг вижу — Лилия.

Медицину вы бросили совсем? Охотитесь, рыбачите? Если хотите, приезжайте ко мне, это недалеко, посидим, поговорим о Севере...»

К письму прилагалась подробная схема, как добраться.

Я отправился к Казакову в ближайшую субботу. Электричка с угасающим гулом ушла, я оглядел перрон. Зима в том году сразу схватила крепко, день выдался солнечный, морозный. На противоположной стороне виднелся зелёный продовольственный ларёк. Я сверил по схеме — всё выходило точно. Дорога с хорошо пробитой лыжнёй в центре вела мимо заколоченных дач. Дома стояли по окнам в сугробах, тёмные, казались нежилыми, и только у одного, нового, похожего на терем, на расчищенной площадке перед крыльцом застыл оранжевый жигулёнок, и из трубы дачи светлой струйкой вытекал дым.

Лыжи шли хорошо. Я миновал посёлок. Теперь нужно было сворачивать в берёзовую рощу. Но и здесь угадывать ничего не нужно было, лыжня сама вела.

Горькая жалость охватила меня, когда отворилась дверь и на крыльцо, перепачканное углём, вышел пожилой человек в странной какой-то куртке, в котором я с трудом признал Казакова. От неловкости, что испытал я, должно быть, и стёрлись в памяти первые минуты встречи. Дача показалась роскошной: двухэтажная, с камином в гостиной, флигелем во дворе. Но на всём лежал след запустения, нечистоты. Груда грязной посуды в раковине, банка из-под консервов, забитая окурками, запах затхлости, гниющего дерева и мокрой одежды. Хорошо запомнилось другое: как шли мы в магазин протоптанной дачниками тропкой сначала вдоль забора, потом спустились к замёрзшей реке, вскарабкались по неудобным ступенькам наверх, и там, на залитом мягким, чуть искрящимся светом угоре, с неожиданной высоты открылась вдруг не то лощина, не то скрытое снегом озеро, а далее знакомая уже берёзовая роща, молодая, свежая и совсем не зимняя. «Каково, а?» — сказал Казаков, жмурясь, и его грубое, обрюзгшее лицо посветлело, он вытер ладонью глаза и тихо, как бы приглашая меня к чему-то необычному, проговорил: «Вы только послушайте, послушайте!» Он не сказал «посмотрите». И это было поразительно.

А вот разговор с Казаковым в тот день не запомнился. Проводив меня до калитки, он предложил приезжать, но как-то неуверенно, и я подумал, что мне, пожалуй, нечего здесь делать. Светлая ночь стояла над посёлком. Я хорошо видел лыжню. К ночи подморозило, и лыжи шли сами собой. И нечто странное было в моём ночном беззвучном скольжении мимо деревни, мимо замёрзшей речки, заколоченных дач. Я облегчённо вздохнул, когда услышал нарастающий гул электрички.

И ещё от первого посещения Казакова осталось неясное чувство обиды: мне показалось, что он так и не узнал меня. Был возбуждён, ходил по комнате, жадно расспрашивал о московской жизни и всё время будто прислушивался к тому, что происходит в глубине дома. Потом вдруг вышел, пропадал довольно долго и вернулся не один, а со старухой (вот тогда я впервые увидел мать Казакова, Устинью Андреевну). Лицо у него при этом было какое-то растерянное, незащитное, как у человека, который только что снял очки и близоруко щурится.

«Это кто таков?» — спросила старуха, внимательно разглядывая меня. «Товарищ мой, доктор... Юрий Николаевич». — «А-а, не писатель, значит... хорошо». Смысл этого «хорошо» я понял позже, когда на дачу приезжали хмельные литераторы, телевизионщики, громко говорили, смеялись, не обращая никакого внимания на старуху, да и Казаков вроде им тоже был не нужен, а нужна была дача, камин, просто место, где можно было посидеть, выпить, а то и уединиться во флигеле.

Возможно, чувство обиды вызвал во мне сам Казаков. Отправляясь на дачу, я отчасти предполагал, что дела некогда известного писателя обстоят неважнецки, но как-то не ожидал увидеть его настолько постаревшим. И то, что Казаков говорил спокойным, уверенным голосом, не замечая ни скудного стола, ни всеобщего запустения на даче, усиливало это чувство обиды.

Н едели через две Казаков позвонил сам. Пригласил на дачу, и я поехал, набив рюкзаком всякой снедь, хотел прихватить бутылку, но, зная слабость Юрия Павловича, передумал. Добрался на сей раз быстро, но Казакова не было — он пошёл разыскивать истопника; встретила меня Устинья Андреевна довольно холодно, о причинах её старороженности я узнал позже.

Мать имела на Казакова огромное влияние. Тут была не просто любовь, а нечто большее. Старухе было за восемьдесят, но ум её был ясным, память цепкой. Потребовалось время, чтобы она поняла, что я не опасен, а при случае даже могу быть полезен, всё-таки военный врач. И ещё ей нравилось, что я не лез к её сыну со всякими просьбами. А просителю было пруд пруди, и с чем только не шли: написать вступление для книги, дать рекомендацию в Союз писателей, заступиться на товарищеском суде, помочь сложить в бане печку — и чёрт знает с чем ещё. Заходили нередко какие-то типы, просили денег. А с деньгами у Казакова случались перебои: печатали редко, за подённую работу — рецензирование, обзоры — он не брался, говорил, что не умеет рецензии строчить, ляпнет не то, а человек и пострадает, писатель — он всегда на свой аршин меряет, и в критики ему лезть не пристало.

Я же ничего не просил, всегда приезжал один — у жены моей были свои дела, заботы. Устинья Андреевна к тому же терпеть не могла женщин, счита-

ла, что у всех у них дурной глаз, что они сглазят сына, а то и голову, чего доброго, заморочат.

На даче первым делом я брал тряпку, мыл посуду, сам накрывал на стол. «Вы уж не сердитесь, Устинья Андреевна, — приговаривал в таких случаях, — я ведь эпидемиолог, а эпидемиологи все со сдвигом». И Казакову, и Устинье Андреевне нравилось, как я накрываю на стол, как нарезаю лимон тонкими ломтиками. «А ведь в трезвых застольях что-то есть, — сказал однажды Казаков, — раньше интеллигенция чайком больше баловалась. Вряд ли они до таких духовных высот поднялись, ежели бы водку дули...»

На даче было одно место, разительно не похожее на все остальные, — кабинет Казакова. Юрий Павлович приглашал туда редко, и меня всякий раз поражало: такой порядок, такая чистота царили в нём, что на ум приходило сравнение с девичьей спальней, хотя никогда я эту спальню не видел. Кабинет был просторный, светлый. У окна стоял массивный письменный стол, две стены в застеклённых, фабричной работы полках с книгами, третья же, у входной двери, свободна. На ней висели посмертная гипсовая маска Пушкина и небольшая картина, по манере напоминающая Сезанна. Солидный кабинет солидного писателя. Но как-то уж холодно, рационально и совсем не в натуре Казакова. И я ничуть не удивился, узнав, что Казаков работает вовсе не здесь, а в крохотной, как чулан, боковой комнатке, в которой царил невообразимый ералаш. Книги лежали на полу, на продавленном диване, на подоконнике, стены увешаны ружьями, патронташами и прочей охотничьей справой. И пахло здесь остро: ружейным маслом, едким табачным дымом, зверем.

Работал Казаков за обычным канцелярским однотумбовым столом и все свои музыкальные, наполненные запахами и шорохами рассказы отстукивал на старенькой, купленной ещё в студенческие годы пишущей машинке «Москва». Как-то признался: «Я в этой светёлке намёрзнусь, надумаюсь — и сюда, в «берлогу». Замысел у меня обычно там рождается. Поверишь, пока бегу вниз, боюсь всё из головы вытрясти. Поэтому на машинке я вроде заготовки делаю и откладываю на недельку, на две, а то и на год. А потом уже тачать начинаю основательно, мутную водичку этак раз десять сливаю, пока не почувствую — звенит. В лучшие времена я из светёлки в «берлогу» раза по три в день с лестницы скатывался. Один раз так хряснулся, что неделю присесть не мог». Там, в «берлоге», я увидел один из рукописных вариантов прекрасного рассказа Казакова «Во сне ты горько плакал», отстуканный на жёлтой, в каких-то пятнах бумаге.

При жизни его несколько раз обворовывали. После смерти, когда дача стояла холодная, заколоченная, какие-то юные варвары взломали замок, всё перевернули вверх дном. Что искали, ценности? Трудно сказать, но проникли они и в святилище, верхний кабинет. Часть архива тогда пропала: письма, заготовки будущих рассказов, исчезла и магнитофонная плёнка, на которой был записан исторический разговор Казакова и Бориса Зайцева в Париже. Вдове, Тамаре Михайловне, удалось потом разыскать плёнку, кое-что из писем, большого труда стоило ей восстановить обстановку кабинета. Я с той поры на даче не был: тяжело видеть опустевший дом.

И вот о чём я сейчас подумал: могли бы так варварски поступить с домом-усадебой Чехова в Мелихове крестьяне близлежащих деревень? Антон Павлович был для них доктором, школу построил — и всё же ведь барин, в шляпе ходил, с тросточкой, повод для классовой ненависти вполне очевидный. Убеждён, никогда бы не позволили себе «пошалить», да и красного петуха бы не подпустили. Русский крестьянин чуток к добру и милосердию, особенно — к таланту. Жестокость пришла позже, комплекс агрессивности, особенно среди молодёжи, проявился уже в семидесятые, когда громили кладбища, а на обелисках павших воинов поганой рукой чертились фашистские знаки, когда под Ленинградом упыри-гробокopatели рылись среди человеческих останков в поисках оружия и ценностей. А уж про девяностые и говорить нечего — Россия, развращённая новой властью, попросту превратилась в бандитское государство.

Зачатки грядущего равнодушия, звериной жестокости, духовной опустошённости, за которой уже нет места ни для чего святого, зорко подглядел Казаков. Я не критик, но глубоко убеждён, что именно он стал предтечей в нашей современной литературе: из казаковских рассказов, как из гоголевской «Шинели», вышли потом такие мастера русской прозы, как Сергей Никитин, Евгений Носов, Валентин Распутин, Василий Шукшин, да мало ли кто ещё... Именно Казаков предсказал и «лёгких» людей, без привязанности к чему-либо, и брошенные деревни, и будущее торжество обожравшегося мещанина, и всю горечь, что хлынет на нашу страну в грядущее безвременье, предскажет и появление «странников» — крестьян, насильственно оторванных от земли и не прижившихся в городах...

Казаков никого из современных писателей никогда не хвалил. Возвышенно говорил только о Толстом и Бунине. Помню, вернувшись как-то из деревни Глебово (ходил в библиотеку), он сказал: «Знаешь, я для себя открыл нового Конецкого. Философа, точно. Философские вещи пишет. И глубоко. Да-да! А мы с ним один раз чуть не подрались. Вера Фёдоровна Панова разняла...»

Ко мне Казаков относился как к врачу и лишь раз похвалил один мой рассказ о чуде, скрипичном мастере: «Свежо, старичок, только не горюпись. Из этого повесть нужно делать. Поверь», — и... предложил рекомендацию в Союз писателей. «Вторая книжка у тебя вполне, с перспективой... Да и новая повесть в «Звезде» тоже ничего. Тебе о медицине нужно писать, о врачебном. Но для этого бросить нужно медицину, взглянуть на неё со стороны. Впрочем, в нашем деле трудно советовать. В одном зарекаю — не пиши для кино, измучаешься. А толку? Всё равно изуродуют, а потом сразу забудут».

В то время Казаков работал над сценарием о Тыко Вылке.

Каким, в сущности, был человеком Казаков? Отзывчивым, внимательным — пожалуй, честным — безусловно, а вот добрым... Казаков писал рассказы о доброте, а бывало, о людях судил с убийственной жестокостью, при этом лицо его как бы ожесточалось, глаза уменьшались в прищуре, казалось, он целится в тебя из пистолета. Ему не чуждо было тщеславие. Но скрытое, о себе он говорил редко, охотнее слушал, и даже откровенный подхалимаж принимал, только слегка усмехался.

Многие его рассказы были о счастье или поисках его. А счастлив ли был он сам? Он знал настоящий успех, славу, через всю жизнь пронёс трогательную любовь к матери, сыну. Это ли не счастье? А разве те таинственные часы творчества, «когда звезда с звездой говорит» и творец испытывает такое чувство, что все остальные человеческие ощущения попросту меркнут, выглядят ничтожными, зряшными, — не счастье?

«На свете счастья нет, но есть покой и воля!» — сказал поэт.

Юрий Павлович был глубоко верующим человеком. Это сейчас, в наше опрокинутое время, когда всё перемешалось, бывшие члены политбюро, горатеисты, профессиональные убийцы и растлители малолетних торчат в храмах со свечками, торопливо крестят нечистые, отмеченные знаком дьявола лбы. И нет святости, нет веры, а есть мода. Тогда в Бога верили лишь чистые, искренние люди.

Любопытная деталь — Казаков не любил вспоминать детство. И в рассказах его, во многом автобиографических, ничего нет о том периоде жизни. Однажды мы шли с ним по Арбату. Казаков был возбуждён, показывал перелюбки, особняки, пояснял, кто раньше в них жил. Особенно долго стоял у магазина «Охотник».

— Ты не представляешь, как мне в детстве хотелось иметь ружьё, — сказал он и словно бы потух, грубое лицо его закаменело. Больше не проронил ни слова. Заговорил, когда вышли к ресторану «Прага», сказав торопливо, почему-то озираясь по сторонам:

— Пойдём посидим, старичок. Посидим и выпьем.

И усмехнулся надменно, как бы усмешкой этой перечёркивая любые возражения.

В комнате Казакова на Арбате, узкой, наполненной загромождённым старинным, тёмного дерева буфетом, над жалким вытертым диванчиком прямо к обоям булавкой была приколата фотография юного Казакова, лет эдак двадцати: косо подстриженная чёлка, скуластое мальчишеское, какое-то незащищённое лицо. Уверен, фотография та — ключ к пониманию его детства. И ещё дневники, которые я прочитал после его смерти.

Честно признаюсь, не ведаю, чем я был интересен Казакову. Почему всякий раз он радовался мне? От одиночества? Наверное, не только. Я много ездил, а Казаков прочно уже был на «приколе», к тому же я занимался достаточно необычным делом. О работе эпидемиологов, тем более военных, и в наше-то время всеобщей гласности почти не пишут, а я участвовал в ликвидации эпидемических очагов не только у нас в стране, но и в Африке, Вьетнаме...

Может, и это не менее вероятно, Казакову нравилось во мне умение слушать? Не раз, увы, убеждался: многие писатели любят говорить только о себе и оскорбляются, порою сатанеют, если их пытаются перебить или свернуть разговор на какую-нибудь иную тему.

Дружить с Казаковым было непросто. Редко общение с ним оставляло в душе ощущение ясности, покоя, чаще это была неудовлетворённость, желание как-то по-другому, с неожиданного ракурса взглянуть на жизнь. К тому же временами он был нетерпимым, резким, по-детски обидчивым. Помню, перечитав повесть Виктора Лихоносова «Люблю тебя светло», я сказал, что знакомый

критик утверждает, будто прототипом одного из героев повести — Олсуфьева — послужил писатель Георгий Семёнов.

— Д-дурак твой критик! Олсуфьева Витя писал с меня, понял? А Белоголового — с Юры Домбровского. А ты веришь дуракам. Там же Париж и всё прочее. Даже портретное сходство есть.

И весь вечер был угрюм, сердито косился на меня.

В начале восьмидесятых я не вылезал из командировок. Виделись с Казаковым редко. Между тем слухи о его «заходах» были один мрачнее другого. Я написал резкое письмо, ответ получил лишь через месяц.

«...Жуткие слухи о моём «здоровье» и до меня докатывались. Это мне напоминает строчку ненаписанного Евтушенкиного стихотворения: «Слух о моём самоубийстве коснулся слуха моего...» Так-то. А вообще со времён Олимпиады я совсем почти бросил пить — бутылки две только в день вкушаю. Восьма на меня подействовали здоровые тела олимпийцев. А теперь и про бутылки забыл, ибо пить водку, даже из горлышка, пошло. Есть у меня сосед теперь, Веня Ерофеев, так вот он разработал рецепт гениального коктейля под названием «Сучий потрох». Компоненты: денатурат, лак для ногтей, тормозная жидкость, клей БФ-8 (именно!), гидродезиксоль для уничтожения паразитов и останкинское пиво. Всё это настаивается в течение дня на сигарном табаке. Подаётся к столу. Пить надо, вечерним выстрелам внимая, глядя на первую звезду. После двух стаканов человек возносится в такие космические выси, что плюй ему в харю с одного метра, он и не заметит. Так-то.

А ты небось всё пишешь? Пиши, брат! Литература великое дело. Даже с высоты «Сучьего потроха»...»

Я знал, если Юра пытается шутить, значит, ему худо. И на другой день помчался к нему.

Врач-писатель невольно становится сопричастным болезням своих друзей. Немало часов провёл я у постели больного Казакова, дважды направлял его на стационарное лечение — один раз в больницу на операцию, другой — в Центральный клинический госпиталь. Не помогло...

Казаков умер рано утром 29 ноября 1982 года. По воле матери Юру отпевали в церкви на Ваганьковском кладбище. Утро было серенькое, срывался лёгкий снежок. В церкви собралось всего несколько человек. Ближе всех к гробу Тамара Жирмунская. Никто из официальных представителей Союза писателей на отпевание не пришёл. Речи говорили уже в малом зале ЦДЛ: Евтушенко, Шугаев, Нурпеисов, кто-то ещё.

Устинья Андреевна, сломленная горем, маленькая, поникшая, в тёмном, не отходила от гроба.

Когда гроб опускали в могилу, деревья загудели, откуда-то вдруг сорвался вихрь, опавшие листья закружились в воздухе...

Незадолго до смерти Юра подарил мне книгу «Арктур — гончий пёс», вышедшую в издательстве «Детская литература», надписав: «Юрию Пахомову с любовью — и об одном моллю Бога, что это не последняя книжка, которую я тебе дарю. Твой Ю. Казаков».

Надпись получилась блёклая, паста от холода в квартире застывала в ручке. К сожалению, это была последняя книга, изданная при жизни писателя.

г. Москва

Василий Белов на архангельском вокзале

Фото Вал. Гайкина

Василию Ивановичу
Белову — 75 лет

ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО

ОТРЫВОК

Иван Африканович вышел в огород. Сорвал несколько гроздьев красной, уцелевшей от дроздов рябины. Тихонько закрыл отводок, пошёл за деревню.

Горький отрадный дым от костров тут и там таял в ясном неоощуцаемом воздухе: копали везде картошку. Стая прилетевших из леса, готовых в путь скворцов опустилась в поле; за речкой, за жёлтым березнячком кричали ребятишки. Белая колокольня развороченной церкви явственно выделялась на спокойном, по-осеннему кротком небе. Зябкая речка, огибавшая холм с кладбищем, не двигалась, а синенькое небо, отражённое ею, казалось чище настоящего, верхнего неба.

На кладбище, в старых вербах, тенькали синички.

Иван Африканович сидел на могиле жены и смотрел на речку, на жёлтые ясные берёзы вдали. Думал, курил свой мелкослойный «Байкал».

«Грех один, а не папиросы. Спичек одних не напасёшься, разок затянешь, глядишь, опять и погасло. Ты уж, Катерина, не обижайся... Не бывал, не проведаль тебя, то это, то другое. Вот рябинки тебе принёс. Ты, бывало, любила осенью рябину-то рвать. Как без тебя живу? Так и живу, стал, видно, привыкать... Я ведь, Катя, и не пью теперече, совсем почти постарел, да и неохота. Ты,

бывало, ругала меня... Ребята все живы, здоровы. Катюшку к Тане да к Митьке отправили, Анатошка в строительном — уж скоро на свои ноги станет... Ну, а Мишку с Васькой отдал в детдом, уж ты меня не ругай... Не управиться бы матке со всеми-то. Худая стала, всё говорит, что руки болят, да ведь и годы уж; ты, Катя, знаешь сама... Да ведь они санапалы у нас, двойники-то. Остались там, хоть бы им что. Картошку выкопал. Корову заведём новую, телушка у Мишки Петрова обошлась нынче, куплю телушку-то. Да. Вот, девка, вишь, как всё обернулось-то... Я ведь дурак был, худо я тебя берёг, знаешь сама... Вот один теперь... Как по огню ступаю, по тебе хожу, прости. Худо мне без тебя, вздоху нет, Катя. Уж так худо, думал — за тобой следом... А вот оклемался... А твой голос помню... И всю тебя, Катерина, так помню, что... Да. Ты, значит, за робят не думай ничего. Поднимутся. Вон уж самый младший, Ванюшка-то... слова говорит... такой парень... и глазами весь в тебя. Я уж... да. Это... Буду к тебе ходить-то, а ты меня и жди иногда... Катя... Ты, Катя, где есть-то? Милая, светлая моя... что... Катя, мне-то... Мне-то чего... Ну... что теперече... вон рябины тебе принёс... Катя, голубушка...»

Иван Африканович весь задрожал. И никто не видел, как горе пластало его на похолодевшей, ещё не обросшей травой земле, — никто этого не видел.

Пронеслась над погостом шумная скворчиная стая. Горько, по-древнему, пахло дымом костров. Синело небо. Где-то за пёстрыми лесами кралась к здешним деревьям первая зимка.

Иллюстрация Тамары Юфа
(«Север». 1966 г. № 1)

Часть II

Третья

русская

смута

ЭХО
XX ВЕКА:

СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

С. И. ШУБИН,
профессор ПГУ,
доктор исторических наук

ДЕНЕГ или СОВЕСТИ не хватает российской власти? *

Как из обитателей заброшенных, депрессивных регионов сделать граждан единой страны?

Аргументы и факты. — 2007. — № 17

Социальная защита есть дело государственное. И структура соцзащиты не должна быть нижегородской, рязанской или казанской. Это государственная функция с чёткой централизацией.

Российская газета. — 2005. — 2 июня

ДВОЙНАЯ МОРАЛЬ ИЛИ «СМЕШНАЯ» ЛОГИКА?

Международная статистика фиксирует парадоксальные факторы уровня социального благополучия россиян. Так, например, по количеству долларовых миллиардеров наша страна занимает третье место в мире, в то время как по индексу человеческого развития — 62-е место. Оказывается, несмотря на громадные доходы страны, средний россиянин живёт почти вдвое беднее среднего жителя Земли¹. Такая ситуация выглядит особенно удручающе на фоне одного из базовых положений Конституции современной России: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»².

* Статья сдана в редакцию в июне 2007 г.

¹ Журавлев А. Бедность от богатства // Старая гвардия. 2005. № 25; Цепляев В., Хесина В. Кто он, средний россиянин? // Аргументы и факты. 2005. № 17.

² Конституция Российской Федерации. М.: Известия, 1996. С. 6.

Депутаты Государственной думы, хоть и робко, но нет-нет да напоминают правительству о необходимости устранения социально-экономического дисбаланса. В июне 2003 года (накануне выборов) в Госдуме в первом чтении был принят проект Федерального закона «О минимальных государственных стандартах». «Минимальные государственные стандарты, — записано в нём, — это единые на всей территории Российской Федерации требования к объёму и качеству предоставления определённого вида бесплатных социальных услуг гражданам Российской Федерации на минимально допустимом уровне для обеспечения реализации установленных Конституцией Российской Федерации отдельных социальных гарантий и прав граждан, финансируемых из бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации».

Однако после декабрьских выборов 2003 года из разряда первоочередных проект закона был исключён, и судьба его у многих экспертов не вызывает энтузиазма, в то время как при встречах с избирателями наши депутаты божатся в своей приверженности идее общегосударственных социальных стандартов и необходимости их утверждения на федеральном уровне.

Действительно, этот закон имеет первостепенное значение для устойчивого развития России. Его принятие было бы, наверное, важнее всех тех мер, которые сегодня предпринимаются в нашем Отечестве — и по борьбе с терроризмом, и по укреплению вертикали исполнительной власти, и по укрупнению регионов. Некомпетентность государства, безразличие, коррупция и бедность населения — вот почва для страха и, самое главное, недоверия россиян к власти. По сравнению с ними, не без оснований отмечают опять же многие эксперты, — внешние враги — наименьшая из российских проблем³.

Терроризм, сепаратизм и нарастающая аполитичность населения своими корнями уходят в нищету россиян, в беспрецедентную социальную и региональную несправедливость. Никакими силовыми и полицейскими мерами их не искоренить. Почему в международном масштабе мы это понимаем, а внутри страны, внутри регионов осознать не хотим? Чтобы не быть голословным, сошлюсь на два интервью: Президента РФ китайским журналистам в сентябре 2004 года и интервью заместителя министра экономического развития и торговли Российской Федерации В. Шипова скажем так, для внутреннего «потребления».

«Мировой экономический порядок не должен снова и снова продуцировать бедность, нищету и несправедливое, — подчеркнул глава нашего государства в беседе с иностранными журналистами. — Нужно создавать систему, которая не порождала бы каждый месяц и каждый день эту несправедливость»⁴.

А вот заместитель министра экономического развития и торговли господин Шипов в интервью «Российской газете» необходимость разработки стандартов и их законодательное закрепление на федеральном уровне называет «тупиковым путём». Социальные стандарты, мол, выйдут «смешными». «Да и вообще, — говорит (судя по газете)

³ Коммерсант ВЛАСТЬ. 2004. № 41. С. 38.

⁴ Рывок вперед. Интервью В. Путина китайским журналистам // Гудок. 2004. 14 октября.

федеральный чиновник, — это лишь повод для местной власти заявить о своих повышенных расходах, чтобы получить под них деньги»⁵.

По-смешному управлять страной замминистра не стесняется, а вот показать всему миру «смешные» стандарты, причём до уровня которых «не дотягивают» многие и многие россияне, — стыдно. Думаю, на вопрос, кто или что выглядит смешным в данной ситуации, каждый найдёт правильный ответ. Грустно от того, насколько безответственно чувствуют себя высокопоставленные чиновники исполнительной власти в комментариях документов, принятых к рассмотрению главным законодательным органом Российской Федерации.

И это в условиях, когда ситуация вполне разрешима. Известный экономист Н. Шмелёв, впрочем, как и ряд других экспертов, считает, что невысокая зарплата российского работника объясняется отнюдь не низкой производительностью труда. Напротив, на 1 доллар своей зарплаты россиянин производит в 2—3 раза больше вновь созданной стоимости, чем, например, работник в США⁶. Дело прежде всего в вопиющей несправедливости и, как следствие, неэффективности производственных отношений, сложившихся в России на рубеже XX и XXI веков. «Яблочник» В. Лукин в предвыборной кампании выразился ещё резче: «В России нищенские пенсии не потому, что у страны нет денег, а потому, что у власти нет совести».

Действительно, трудно объяснить, например, тот факт, что минимальная заработная плата в России уступает большинству стран мира. Об этом красноречиво свидетельствует следующая таблица, подготовленная на основе сравнительных статистических данных о минимальной и средней зарплате (в долларах США)⁷.

Страна	Минимальная зарплата	Средняя зарплата	Отношение средней к минимальной (в разах)
Англия	950	2790	2,9
Франция	900	2550	2,8
США	880	2890	3,3
Испания	480	2860	5,9
Польша	260	470	1,8
Венгрия	148	350	2,3
Турция	113	450	4
Белоруссия	60	250	4,1
Украина	73	200	2,7
Россия	40	370	9,2

Из таблицы явствует не только самый низкий уровень минимальной заработной платы в России, но и самый несправедливый расклад в отношении уровней средней заработной платы к минимальной. Понятно, что средний уровень образуется за счёт высокооплачиваемых категорий «трудящихся». Но больше всего

поражает разница в уровне зарплат. В России средняя зарплата выше минимальной в 9,2 раза, или почти в три раза превышает показатель США, считающейся одной из самых либеральных стран мира.

По опросу ВЦИОМ в середине 2006 года 14% населения России не всегда имеют средства на покупку продуктов питания, у 34% граждан нет денег на одежду и обувь, 38% не могут позволить себе приобретение бытовой техники и электроники. То есть 85% населения нашей страны не могут вести образ жизни, адекватный потребностям человека XXI века⁸.

Недавно, как пишет «АиФ», группа российских пенсионеров обратилась к властям Швеции. Они посмотрели по ТВ сюжет о жизни тамошних заключённых и запросились в шведскую тюрьму: «Там-де и баланс наваристее и медицина бесплатная».

Экономит наше государство и на подрастающем поколении. В Германии, например, каждый ребёнок до 14 лет ежемесячно получает 600 евро, у нас — 120 рублей. Получается, что каждый российский ребёнок в 172 раза по сравнению с немецким обделён вниманием государства. Не случайно в стране около миллиона бездомных детей. По их количеству Российская Федерация тоже на «почётном» втором месте в мире — после почти полутора миллиардного Китая. Дело дошло до того, что одна из участниц телевизионной передачи «Воскресный вечер с В. Соловьёвым» от 15 мая 2005 года предложила «вывезти всех детей из России, с тем, чтобы они могли нормально расти и развиваться за пределами нашей страны».

Поэтому, прежде чем призывать к социальной справедливости мировое сообщество, нужно хотя бы **стремиться** обеспечивать её у себя в стране. По международным критериям доля россиян, входящих в группы «нищие», «очень бедные» и «бедные», составляет более 50%. Несмотря на объявленную войну бедности, разрыв между 10% бедных и 10% богатых «не только не сократился, но даже вырос»⁹. Причём половину российских бедняков составляют работающие бедные. Такой показатель трудно сыскать в мировом сообществе. Не случайно Председатель Совета Федерации С. Миронов называет это «абсурдом, экономической и социальной нелепостью», а ООН требует от России улучшить человеческий потенциал¹⁰.

По подсчётам известного экономиста М. Делягина для реализации закона о единых социальных стандартах в масштабах страны потребуется порядка 270 миллиардов рублей в год. Эта сумма вполне посильна нынешней России. Для сравнения достаточно вспомнить, что в 2006 году наша страна вернула долг Парижскому клубу в сумме, превышающей 600 миллиардов рублей, а профицит бюджета на 2007 год запланирован в сумме порядка полутора триллионов рублей, что почти в шесть раз превышает затраты на реализацию закона о социальных стандартах. Всё дело упирается в политическую волю элиты.

⁸ Лопусов Ю. Настало время прополоть политическую грядку // Правда Севера. 2006. 10 ноября.

⁹ Аргументы и факты. 2006. № 38.

¹⁰ Миронов С. Страна-гулливер с зарплатами-лилипутами // Аргументы и факты. 2007. № 1; ООН требует от России улучшить человеческий потенциал // Известия. 2005. 18 октября.

⁵ Российская газета. 2003. 23 сентября.

⁶ Шмелёв Н. Авансы и долги рыночной России // Российская газета. 2003. 4 ноября.

⁷ Нечаев А. Храните доллары в рублях // Аргументы и факты. 2006. № 45.

Единые федеральные социальные стандарты важны не только для социально-экономической, но и социально-политической сферы общества. В политической науке относительно современной государственной политики сформулирован закон **социально-организованной гражданственности**, из которого следует, что только гарантированная государством безбедность и безопасность людей закладывают основы общенационального гражданского общества.

Сегодня для многих не является секретом, что Россия продолжает оставаться «лоскутным одеялом», причём не столько по этническим признакам, как это было в 1990-е годы, сколько по признакам социальным. И реформы Президента В. Путина, правильные по сути, могут в условиях отсутствия единого общероссийского социально-гражданского пространства не предотвратить, а ускорить разрушение государственности.

Социологи подтверждают этот тезис, фиксируя опасный рост недоверия людей ко всем ветвям власти. За 15 лет число тех, кто вообще не верит ни во власть, ни в выборы, выросло с 9 до 65%. Исключения составляют Церковь и Президент. Но ведь политическая система не может жить на доверии к одному человеку¹¹.

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ЗАГОВОРIT СЕВЕР?

Российский Север в этом отношении являет собой наглядный пример и на ближайшие годы станет для руководства страны серьёзным экзаменом на гражданскую и политическую зрелость. Для того, чтобы понять важность северной составляющей стратегии развития страны, необходимо помнить, что пространство Российского Севера сформировано своеобразным сочетанием медленной многовековой стихийной колонизации и стремительной ГУЛАГовой колонизации XX века, означавшей насильственное перемещение, переброску огромных человеческих масс и целенаправленное насильственное освоение ресурсов. «Север, — как совершенно справедливо отмечает бывший президент Якутии М. Николаев, — в основном воспринимался как колония с неисчерпаемой кладовой, где не живут, а зарабатывают, где не благоустраивают среду, а разрушают её»¹².

На этой основе сформировался весьма специфический и уродливый тип социального пространства, зависящего от факторов и сил, расположенных как бы вне его и ему неподконтрольных. Другими словами, Север удерживался по преимуществу властной колонизацией, и, как только центральная власть стала уязвимой (сначала просто из-за запрограммированной безответственности, а затем из-за зависимости от олигархов), началась деградация большинства северных территорий. Процесс их колонизации пошёл вспять. Директор Института мировой экономики и международных отношений академик Н. Симония считает, например, что Восточная Сибирь при той государственной региональной политике, которую мы наблюдали до последнего времени, «...превратится в демографическую пус-

тыню» либо «заговорит по-корейски, по-японски или по-китайски»¹³.

Население Европейского Севера России тоже испытывает серьёзный дискомфорт в условиях современной региональной политики. Согласно стратегии, разработанной в Северо-Западном федеральном округе, ему и дальше уготована роль сырьевого придатка. Многие ранее освоенные территории переживают процесс дегенерации и омертвления пространства. И ответственность за такую негативную трансформацию северных территорий, учитывая особенности их колонизации в XX веке, должна быть возложена на государство. Причём, как подчёркивают учёные, «не на власть, отстаивающую прежде всего свои эгоистические интересы и смотрящую на проблемы страны через призму собственного выживания», а на государство, ответственное за выживание общества, как это делается у большинства наших северных соседей¹⁴. Главным лоббистом закона о единых социальных стандартах на федеральном уровне хотелось бы видеть новое министерство регионального развития. Опираясь на него, значительно легче было бы осуществлять региональную, национальную политику, проводить новое районирование, о котором сейчас столько разговоров на разных уровнях.

Этот закон имел бы ещё непреходящее значение и для сельского населения России, значительная часть которого находится в отчаянном положении. «Деревню надо спасти всем миром не только ради куска насущного, но и хлеба духовного, — говорил на XII съезде Союза писателей России известный прозаик, наш земляк В. Личутин, — ибо без национального сознания не устоит и самая сытая держава, раскормленная гамбургерами и ситными каравайками. ...Ростовщики сталкивают деревню в пропасть, пытаются превратить великий народ в сброд, а вместе с погибающим крестьянством и себя лишают будущего»¹⁵.

Сказано, конечно, резковато, но мысль-то глубоко выстраданная, и к ней нельзя не прислушаться, тем более что оснований для тревоги предостаточно. Взять хотя бы позицию Центра стратегических разработок «Север—Запад», определяющего перспективы развития Европейского Севера. Они считают, что «люди на Севере не нужны», ссылаясь при этом на политику высших органов власти. Государственные социальные стандарты в значительной степени могли бы облегчить реализацию новой редакции Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Они бы обеспечили так необходимую базовую социальную основу для населения и облегчили деятельность вновь формируемых муниципальных органов власти. В противном случае реформа органов местного самоуправления, сопровождающаяся значительным ростом чиновничества, может дестабилизировать и без того неустойчивую ситуацию в стране.

К примеру, мэр достаточно благополучного Нижнего Новгорода, отвечая на вопрос журналиста о

¹³ Аргументы и факты. 2004. № 30.

¹⁴ Королёв С. Российская граница как края пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 11.

¹⁵ Личутин В. Душа русского народа — в русской деревне (Выступление на съезде СП России) // Двина (Архангельск). 2004. № 3. С. 4.

¹¹ Костиков В. Под художественный свист // Аргументы и факты. 2007. № 23. С. 7.

¹² Николаев М. Дальше отступать некуда // Российская Федерация сегодня. 2002. № 20. С. 10.

том, как на практике будет реализовываться новая редакция закона о местном самоуправлении в части механизма перераспределения налогов на селе, прямо сказал: «...Там нет проблемы, как делить, потому что сегодня там делить нечего»¹⁶. Ещё известный русский писатель В. Короленко самой большой опасностью для власти называл даже не бедность, а обиду народа. Как можно объяснить обывателю тот факт, что государство никак не желает раскошелиться на 270 миллиардов рублей для народа, в то время как «...объём рынка роскоши с 2000 года вырос в три раза и составляет около 300 миллиардов долларов»¹⁷.

На необходимость принятия Федерального закона «О минимальных социальных стандартах» обратили внимание и многие участники прошедшей в Архангельске в конце 2003 года Всероссийской научной конференции «Стратегия развития северных регионов России». Одной из главных причин социального неблагополучия северян было названо отсутствие законодательно утверждённых государственных минимальных социальных стандартов. Была подвергнута серьёзной критике практика расчётов **нормативного** финансирования, которую отстаивает исполнительная власть¹⁸.

Для власть предержащих такая практика, конечно, удобнее, потому что она исходит не из потребностей людей, а из расчётов чиновников того или иного региона. Власть в таком случае поставлена в условия безответственного статиста, фиксирующего ситуацию. Учитывая, что зарплата и пенсия чиновников, как правило, не зависит от эффективности их работы и благополучия населения, об улучшении жизни людей власти «вспоминают» только перед выборами. В результате многие северяне доведены до отчаяния. Это вынуждены признавать и представители власти, так, депутат Государственной думы от Архангельской области, недавно ставший лидером регионального отделения партии «Единая Россия», В. Мальчихин в интервью областной газете отмечает, что сегодня апатия людей связана с тем, что они влачат нищенское существование¹⁹.

Районный совет ветеранов Лешуконского района Архангельской области, например, ещё четыре года назад, описав бедственное положение земляков, завершил обращение к Президенту РФ следующими словами: «Г-н Путин, мы ждём от Вас неформального ответа в отведённое законом время. Если Ваша реакция на обращение нас не удовлетворит, следующее письмо уйдёт в Международный суд по правам человека с копией в секретариат Баренц-региона. Мы не Ваши противники, мы хотели бы быть Вашими союзниками, однако Вы покрываете олигархический режим, который разрушает наш дом, разрушает весь Север России, а мы хотим, чтобы здесь нормально жили наши дети и внуки. Если Вы не боитесь нас, побойтесь Бога»²⁰.

¹⁶ Булавинов В. Велика страна, да отступать некуда // Российская газета. 2005. 2 июня.

¹⁷ Аргументы и факты. 2006. № 24.

¹⁸ Стратегия развития северных регионов России. Материалы Всероссийской научной конференции (18—19 ноября 2003 г.). — Архангельск, 2003. С. 4.

¹⁹ Правда Севера. 2004. 3 ноября.

²⁰ Максимов И. Обращение в Кремль из российской глубинки // Правда Севера. 2002. 20 сентября.

На письмо, адресованное в Кремль, пришла ни к чему не обязывающая отписка за подписью заместителя главы администрации области. В районе после этого практически ничего не изменилось. И такое положение во многих районах не только Архангельской области. В конце сентября 2004 года 11 семей из Мурманска обратились с официальным прошением принять их в качестве граждан Норвегии, так как в России не обеспечено их главное право — право на жизнь. Автору не известно, чем закончилось обращение мурманчан, но то, что оно не добавляет авторитета Российскому государству — это однозначно.

Наши соседи по Баренцеву региону уже давно пытаются в дипломатичной форме показать, что разительный контраст в условиях жизни населения северной России и северной Норвегии кроется «в сугубо потребительском отношении российского государства к северным территориям и невниманию к нуждам северян, к развитию внутренней инфраструктуры региона»²¹.

О том, что условия жизни населения Севера уже становятся фактором, несущим угрозу национальной безопасности России, свидетельствуют конкретные факты. Общественные организации соседней Финляндии, видя бедственное положение россиян, собрали подписи более 100 тысяч человек, которые просят правительство немедленно начать переговоры с Москвой по возвращению части Карелии.

Мнение ста тысяч активистов разделяют более 38% граждан, и власти Финляндии просто не могут делать вид, что не замечают гласа народа²².

Формальным поводом для обращения нескольких десятков депутатов Бундестага к руководству Германии с требованием вмешаться в ситуацию Калининградской области тоже послужил крайне низкий уровень жизни населения в этом российском анклав. Критическая ситуация складывается на Дальнем Востоке.

Учитывая вышесказанное, хочется подчеркнуть, что прежде чем предпринимать какие-то шаги по районированию, по формированию региональных льгот, следует подвести социальную основу для населения всей страны. Нельзя забывать заповедь, выстраданную веками: **сила цивилизованного государства — в способности защитить слабых**. Не случайный один из ближайших советников Президента РФ В. Сурков акцентировал внимание общественности на том, что сбережение народа должно стать не только основой российской демократии, но «целой философией»²³. Принятие на федеральном уровне закона о государственных минимальных социальных стандартах могло бы стать, на наш взгляд, хорошей основой и для укрепления российского государства, и для формирования общенационального гражданского общества. В условиях глобализации эти факторы приобретают особое значение, так как расколотое общество лишит Россию шансов войти в разряд ведущих цивилизованных стран — это аксиома общественного развития.

²¹ Нильсен Й. Мурман и Финнмарк: одного ли поля ягоды? // Меняющаяся Россия в изменяющемся мире. М.—Архангельск, 2001. С. 33.

²² Иванов А. Финны хотят Карелию обратно // Русский курьер. 2004. 29 октября.

²³ Сурков В. Народ должен иметь целостное представление о себе // Известия. 2006. 31 августа.

Времена

предателей

ЭХО
X ВЕКА:

СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

Любовь к кораблям отличается от любви, которую питают люди ко всяким другим творениям рук своих...

Джозеф Конрад

И МОРЯКИ ПЛАЧУТ...

Бывает это с теми, для кого корабль не кусок железа

Старые, заброшенные корабли — печальное зрелище. У тех, кто так или иначе связан с морем, оно рождает мысли не только о бренности бытия. Мне, например, видится нечто бездушное, циничное в том, как люди «обставили» свои взаимоотношения с кораблями. Ведь когда они сходят со стапелей, это всегда праздник. Когда же их загоняют догнывать на отмели, обходится без торжеств. К сожалению, за многовековую историю мореплавания традиция благодарения кораблям так и не сложилась, и на вечную стоянку к почётному причалу становятся лишь единицы из них. Быть может, поэтому я не люблю корабельных кладбищ.

В эпиграф я вовсе не случайно вынес строки Джозефа Конрада — одного из самых ярких певцов океана и морских профессий, а вот заголовок пришёл на ум, когда вспомнились строки известной многим песни — «Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет...». Не плачет моряк в песне, а в жизни всё-таки случается...

История эта недавняя. В одном из номеров газеты «Корабельная сторона» мы опубликовали фото 1995 года: док-камера северодвинского предприятия «Звёздочка», две атомные подлодки — К-472 и К-475, что ждут утилизации, и люди — корабе-

Олег Борисович Химаныч по образованию историк, автор трёх книг, посвящённых северному мореплаванию, становлению и мужанию отечественного военно-морского флота.

Работает зам. редактора северодвинской газеты «Корабельная сторона». Член Союза писателей России.

лы, военные моряки, пришедшие проститься с ними. Я откровенно порадовался за северодвинцев, собравшихся тогда на подошве док-камеры. Потому что они сделали попытку ввести в обиход достойную церемонию проводов кораблей. А ещё через пару дней на сайте нашего издательства как отклик на публикацию появились строки читателя Э. Ю. Плешкова, приведу их так, как есть: «Олег, что ты радуешься? Когда я глушил реакторы К-475, сидел над кабелями приводов АР и КР с кабельным ножом и плакал, как дитё малое, пока никто не видел. Приказ — резать, а я не могу — всё равно что брату ноги режешь без наркоза... Лучше сообщи мне, Олег, когда флаг Андреевский был спущен и что сейчас с кораблём?» Что ж, сразу и ответу. Военно-морской флаг на АПЛ К-475 спустили в 1995-м. Тогда же и началась утилизация корабля, а быстро отправлять боевые корабли в шихту у нас уже научились...

«Моряк без сострадания не может смотреть на искалеченное судно», — утверждал тот же Джозеф Конрад. Верно. А если выпестованный тобой корабль нужно кромсать на куски своими же руками?! Именно это приходится переживать тем, кто работает сегодня на утилизационном конвейере, например, на северодвинской «Звёздочке». Я этим людям искренне сочувствую. А в общем-то, мне показалось, есть повод вернуться к старой теме — о кораблях и людях.

ТЕОРИЯ ДОКТОРА ВЭЛЛСА

Особое, у иных людей едва ли не родственное, отношение к кораблю занимало меня давно. Точнее, вопрос: где его истоки? Не в сентиментальности же дело! Мне посоветовали найти исследование доктора Вэллса — работает такой по специализации — морская психология. Нашёл, оказалось, не очень большая книга, скорее — брошюра, и тираж крохотный. Так вот, Вэллс полагает и приводит тому довольно убедительные доводы — кто в море не был, кого оно не испытало, у того корабль — «железо», у тех, кто в море что-то пережил, отношение совсем иное. Такая, возможно, спорная, но всё же выстроенная теория. Если абстрагироваться от графиков, диаграмм и столбцов цифр мониторинга, проведённого доктором Вэллсом, суть его идеи такова — в море, а оно всегда и везде для нас враждебная среда, на тончайших уровнях подсознания происходит своего рода единение человека и корабля. Ощущение, тем паче — проявление опасности, лишь усиливает эту тягу. В самом деле, ведь когда мы чувствуем угрозу, человеческая природа наша, порой инстинктивно, пытается защититься, найти себе союзника. Так и здесь: корабль в море — товарищ, друг. А если в море ходить месяцами, годами?!

У тех, кто строит корабли, думаю, тоже возникает подобное притяжение, хотя в основе его, верно, уже другое явление. В просторечии говорят: прикипеть душой, то есть осознанно вложить свой труд, время и обязательно — свои чувства... Думаю, так прикипает крестьянин к своему наделу, художник к творению рук своих, зодчий к храму или иной своей постройке, да тот же дачник к четырёх соткам, даже если они и на болоте. Ничего дурного в том нет.

К слову, иногда отголоски давнего отношения к кораблю (судну) как к живому существу, можно найти даже там, где меньше всего ожидаешь, — в инструкциях. Есть, например, РБЖ — руководство по борьбе за живучесть корабля. Обратите внимание — не за безопасность или спасение, не за непотопляемость, а за живучесть. Следовательно, моряки согласно этому самому РБЖ борются не за корабль как средство передвижения, а за его жизнь. А потом уже за свою.

КАК ПРЕДАЛИ «МУРМАНСК»

Как в своей мореходной практике, так и в жизни на берегу я встречал моряков, как правило, это бывалые скитальцы, которые верили: корабли — «существа разумные», даже если их превратили в груды металла, и рассказывали немало случаев тому в подтверждение. Например, архангельский ледокол «Капитан Мелехов», его в 90-х новые русские продали «на патефонные иголки» индийцам, никак не хотел умирать на чужбине. Просто мистика: ветерана Арктики там, уже в южных водах, долго пытались и не могли загнать на отмель для разделки. Дёргали мёртвый корабль и так, и сяк, а он как мог сопротивлялся.

Нечто подобное произошло и с «Мурманском» — вторым крейсером, построенным на молотовском заводе № 402, — он погиб на прибрежных камнях Норвегии в 1996 году. Северный флот тогда передавал старые корабли Госимущество, а уже господа чиновники торговали ими по цене металлолома. «Мурманск», который отслужил Северному флоту 40 лет, продали в Дубай, взяли «под уздцы» и повели. В Норвежском море разразился шторм, крейсер заартачился — буксировочные концы не выдержали, оборвались. Корабль сдрейфовал к берегу и там, недалеко от мыса Нордкап, сел на камни. Русские спасатели так и не появились. Зато к обломкам зачастили журналисты. Репортажи о брошенном крейсере появились в газетах Европы. На экранах же российского телевидения «Мурманск» предстал гораздо позже и в связи с другой катастрофой — гибелью АПЛ «Курск». Страна тогда была так потрясена ею, что вспомнить пришлось и о плачевном положении всего Военно-морского флота. Группа телеканала НТВ в 12-минутном сюжете, озаглавленном «Последняя гибель «Варяга», рассказала о незавидном финале бывшего североморского флагмана. Помнится, меня более всего потрясли не панорамы ржавых конструкций погибшего корабля, который, к слову, строил мой отец, а комментарии мурманчан, в их числе — полное безразличия высказывание офицера. «Скажите, вам старых кораблей не жалко?» — «А что их жалеть?! Отслужил своё — и на металл!» — чеканил капитан I ранга нынешнего Северного флота.

Так-то оно так. Но мне вспомнились другие моряки того же флота и того же ранга, которые украдкой смахивали слезу, когда в 1955-м в Чёрной губе Новоземельского ядерного полигона расставляли их обречённые на гибель корабли, тоже ведь отслужившие своё. Я бы не стал называть это сентиментальностью. Здесь всё же было нечто иное, отчего флот наш никак не становился слабее, а напротив, крепчал, чтоб вскоре стать океанским.

...На дворе XXI век, живём в убогой стране, которая всё «возрождается» и в потоке словоблудия никак не может возродиться. А её моряки видят море с берега и считают не пройденные мили, а свою выслугу и гарантированные государством довольствие и льготы. Разве им до кораблей?! Какая уж тут «прикипелость»?

«МОЛЧА И РАЗОШЛИСЬ...»

В истории северодвинского судостроя есть немало драматических моментов, в том числе связанных с уничтожением плодов своего труда. Имею в виду не только атомные лодки, уничтожение которых уже поставлено на конвейер. В самом начале 50-х, например, такая же судьба постигла уникальный корабль — тяжёлый крейсер проекта 82, который едва начали строить. А строили его, не побоюсь сказать, с энтузиазмом, как и всё, что в те годы создавалось коллективным трудом. В этом настрое присутствовала и большая надежда, что впереди иная жизнь, что к мрачному периоду сталинизма страна уже никогда не вернётся. Но ведь раздался гром среди ясного неба — 23 апреля 1953-го министр судостроения издал приказ: работы на кораблях 82-го проекта прекратить, причём на всех трёх заводах, где их заложили. Возможно, в Москве опасались волнений на этих самых заводах, и упомянутый приказ обнародовали не сразу, а только спустя время после его подписания.

«В тот день всех, кто пришёл утром в цех, ждала необычная тишина, — вспоминал ветеран завода Валентин Васильевич Таскаев. — Никто не работал. Ни клепальщики, ни сборщики, ни сварщики. Перекрытыми оказались даже воздушные трассы. Начальником цеха в ту пору был Григорий Лазаревич Просянкин. Он-то и объявил собравшимся о приказе законсервировать корабль. Люди восприняли эту новость молча и мрачно. Молча и разошлись. В тот день, помню, всех нас сразу же распустили по домам. Состояние многих моих товарищей было шоковым...»

А потом небывалый суперсовременный корабль несколько месяцев резали на металл. Как впоследствии и крейсера проекта 68-бис, причём опять кромсали на том же стапеле. Так что в начинании сначала строить, чтобы потом ломать, у северодвинцев опыт имеется.

Да и сегодня нет оснований полагать, что с подобным делом навсегда покончено, — уже ясно, что предстоит крушить в утиль атомный крейсер «Ушаков», а там, не ровен час, и до «Нахимова» очередь дойдёт. Не хотелось бы, да только кто теперь даст гарантию, что не дойдёт?

ОНИ КАК СТАЯ ЛЕБЕДЕЙ

Джозеф Конрад, воспевавший флот, когда тот ещё начинал переходить от паруса к паровой машине, тот самый Конрад, которого не знают нынешние так называемые моряки, считал корабли «существами разумными», имеющими свои права, «так же, как любое говорящее и дышащее существо». Он сравнивал их с морскими птицами, которые «не плывут, а словно летят над водой», а в старых документах они виделись ему «стаей лебедей, загнанных

Александр
ШИРШИКОВ

Береги, Россия, Флот!

на задний двор мрачного многоквартирного дома». Он был убеждён: «ничто не может испортить красоты кораблей», и писал о них поэтично и влюблённо и потому, надо думать, заслужил признание читателей, и не только моряков... Кстати, постсоветские военморы, такое впечатление, в большинстве своём вообще ничего не читают. Как выразился один мой приятель — у них дома всего две книги, из них одна — поваренная, а вторая — телефонный справочник. И таких немало, а более всех среди пришедших на флот не по зову души, а по контракту. Контракт, как вы знаете, сейчас вроде панацеи от всех бед в наших Вооружённых силах, и у идеологов военной реформы он в большом фаворе. Поэтому в обозримом будущем ряды приспособленцев при погонах скорее всего вырастут, и, берусь утверждать, это станет одной из причин дальнейшего прозябания нашего «бескорабельного» флота.

Но конечно же речь тут не только о моряках, но и о людях многих других профессий, так или иначе связанных с морем. Знал я, например, и журналистов, даже редакторов, коих больше занимают политиканский бред и обывательские сплетни, нежели судьба Северодвинска, рождённого флотом и не мыслимого без него. В кораблях они тоже видят только «железо». Вообще, разговаривать с такими людьми всегда трудно, а случается, и бесполезно, жалко потраченного времени, и берёт досада от постигнутого разочарования. А за людей, и сегодня сохранивших преданность морской стихии, кораблю, понимающих Джозефа Конрада, мне всегда радостно.

Олег ХИМАНЫЧ

г. Северодвинск

Я В СУЖДЕНИЯХ РЕЗОК

Я в суждениях резок
И боль не таю,
Ту, что душу и сердце терзает мои, —
Под огнём газорезок
В последнем бою
Умирают, Россия, твои корабли.

Иссечённые солью
Походов морских,
Осенённые пусками грозных ракет,
С недосказанной болью,
Нас, грешных, простив,
Покидают давно опостылевший свет.

Так случалось и прежде —
Лет сорок назад
На иголки пошла океанская мощь.
Умирили надежды,
Слезились глаза,
И тогда не смогли ни сказать, ни помочь.

Дебют в «Двине»

Александр Николаевич Ширшиков родился в 1958 г. в городе Кирове. В 1976 г. окончил среднюю школу с золотой медалью. После окончания с золотой медалью в 1981 г. ВВМУ радиоэлектроники им. А. С. Попова в Ленинграде до 1 сентября 2006 года служил на Государственном центральном морском полигоне в г. Северодвинске. Капитан 2-го ранга запаса. В 2005 г. заочно с отличием окончил юридический факультет ПГУ им. Ломоносова. Сейчас — корреспондент газеты «Северный рабочий».

Поэт, бард. Печатался в коллективных сборниках, журналах и альманахах.

И в стране, что без края!
Где славен народ!
На потеху пресыщенным временщикам,
Как герой умирает
Истерзанный флот,
Навсегда возвратившись к родным берегам.

СТОРОЖЕВОМУ КОРАБЛЮ «УРАГАН»*

Без аккордов медного оркестра,
Без метафор в пафосных речах
СКР «ненастного» проекта
Навалился на сырой причал.

Просто встал. Без лихости бывалой.
Всё же годы. Всё же не пацан.
Четверть века. Много повидал он.
Знает, что такое океан.

Помнит стапель. Помнит первый выход.
Тот далёкий сорок первый год.
Беломорье. Ваенга. Гремиха...
Северный, совсем «зелёный», флот.

Ладно скроен. И машины в норме.
Двадцать три, и это не предел.
И одет с иглочки — по форме.
Рвался в бой — решителен и смел.

Всё бывало. И всего хватало,
Так на то, пожалуй, и война.
Помнит, как его волна качала
Целых десять дней у Кильдина.

Глядя вдаль белёсыми ночами
На ветру, пронзительно до слёз,
Чтобы тот трудяга англичанин
Груз машин до Мурманска довёз.

Помнит всё: разрывы, вой фугасок,
Перископа вражеского след.
От пожаров обгорала краска —
Это шрамы тех военных лет.

Было всё: тонул, но в строй вернули,
И опять обычный флотский труд.
Не отлили ни снаряд, ни пулю...
Разве годы... Те своё берут...

Постарел. И прыти нет бывалой.
Отходил, короче — отпахал...
Четверть века, видимо, немало,
И уже, наверное, устал.

И ножи жестоких газорезок
Раскромсают на металлолом.
И не будет пенсий от собеса.
Будет память. Память о былом.

2002

СТАРЫЙ БУКСИР

А завтра... Завтра ты в последний раз,
Винтами вспенив чёрную пучину,
От стенки в море выведешь заказ,
А после «на прикол» и «стоп машины!».

Тебя не ждёт гранитный пьедестал —
Мерило героической кончины.
Ты отслужил, отплавал. Ты устал.
Ты отдал всё, а дальше... «Стоп машины!».

На кладбище усталых кораблей
Тебе бывлые вспомнятся походы.
И не придётся ни о чём жалеть —
Ты ставил «на крыло» атомоходы.

Незаменим на вахте трудовой,
А кто ты был? — портовый работяга.
И завтра ты уходишь на покой,
Перед врагами не спустивший флага.

Конечно, корабля недолог век.
Когда-то каждый начинал с начала,
Но все мы — и корабль, и человек —
Придём к нему — последнему причалу.

Ну что ж, солдат, ты свой закончил бой.
Ещё одно — последнее задание,
А завтра ты уходишь на покой,
И я скажу спасибо на прощанье.

1995

БЕРЕГИ, РОССИЯ, ФЛОТ

Береги, Россия, Флот
Для грядущих поколений.
Он тебя не подведёт,
Не предаст и не изменит.

Для тебя во все века
Нет союзника надёжней!
Он как левая рука
Или правая, возможно.

В суматохе перемен
Ты, страна, о нём забыла.
Дал он течь, опасный крен,
Стал безликим и бескрылым.

Не бросай, Россия, Флот!
Не сдавай его без боя!
Всё простит он, всё поймёт,
Умирающий в отстоях.

Ободри его слегка,
Всё потом вернёт сторицей.
Нужен он тебе, пока
У России есть границы!

2001

г. Северодвинск

* Сторожевики 39-го проекта носили «ненастные» названия: «Туча», «Буря», «Гроза»...

День

нынешний —
отраженияЭХО
ВЕКА:СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

Владимир НЕГОДЯЕВ

ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ

РАССКАЗ

Владимир Арсеньевич Негодяев родился в 1959 году в селе Верхние Матигоры Холмогорского района. Работает в ведомственной охране Министерства финансов.

Прозаический дебют автора состоялся в «Двине» год назад. Нынешняя публикация третья. Не за горами, надеемся, книжка.

Понедельник — день особенный. Была у Риммы Кужелёвой такая примета: ежели в понедельник дела не заладились, то можно считать, что и вся неделя насмарку. Всё наперекосяк пойдёт.

В этот понедельник неприятности начались прямо с утра. Ещё и девяти не было, как к Кужелёвым прибежала Нинка Сидорова и прямо с порога начала ругаться, кричать и поносить нехорошими словами и саму Римму, и мужа её Ваську, и всю их родню до десятого колена. А всё дело в том, что в воскресенье вечером Нинкин муж Петька — в прошлом неплохой тракторист, а в настоящем один из множества деревенских забулдыг — принёс и обменял на полтора литра спирта, которым приторговывала Римма, золотые серёжки. Римма тогда как почувствовала, что не стоило бы связываться с этими серёжками. И сами-то они копеечные совсем — махонькие такие «гвоздики» с крохотным шариком на одном конце и застёжкой на другом. И Петька был тот ещё кадр — вороватый и скан-

дальный хвастун, которого даже пьяницы не особенно жаловали и старались по возможности дела с ним не иметь. И жена его Нинка тоже не сахар — у неё не заржавеет и обматерить на чём свет стоит, а то и вовсе в драку кинуться да рожу ногтями покарывать...

Однако не устояла тогда Римма. Обуяла её жадность. Подумала ещё: «А вдруг пронесёт? Вдруг Петька не из дома серёжки эти спёр, а у кого другого стырил? И уж в таком-то случае пусть Петька сам за воровство отдувается, а её, Риммино, дело — сторона...»

Не пронесло.

Да сама-то по себе Нинкина ругань Римме была побоку — она ведь тоже запросто могла кого хочешь и обругать, и сдачи дать, ежели что. За словом Римма в карман не лезла и силёнкой не обижена. Да и привыкла уже она к тому, что время от времени прибегают к ней деревенские жёнки, чтоб выручить назад пропитые мужиками вещи или продукты. Умела она им от ворот поворот дать. Научилась за столько-то лет. И если бы было это не с утра в понедельник, то можно бы и внимания особенного не обращать на Нинкины вопли.

А тут получилось так, что и начало недели скомкалось совершенно, да и серёжки пришлось отдать. Золото есть золото — оно и под монастырь подвести может. И так уж вон участковый коситься начал, а на прошлой неделе аж два раза заходил. Вроде бы и просто так заходил-то — житьём-бытьём поинтересоваться, поговорить малость о соседях, об обстановке в деревне, да Римму-то не обманешь. Знает она прекрасно, что намозолила глаза местным властям со своей спиртовой торговлей, да только вот наказать её за это нонеча у власти руки коротки. Демократия на дворе стоит. Римма ведь тоже не без ума — кому попало спирт продавать не будет — торговлю ведёт только с деревенскими забулдыгами — с теми, кого знает. А они-то ни за что в свидетели не пойдут, потому что сами же потом без выпивки останутся — в магазине-то водка дорогущая, да к тому же только за деньги. А откуда деньги у пьяной неработи? В магазин с теми же серёжками или, скажем, с банкой домашнего варенья не пойдёшь. А к Римме можно. У Риммы на все свои цены в «жидкой валюте» установлены.

Да хоть бы и поймают её за торговлей?! По закону-то теперешнему за это дело в первые два раза только штрафы мизерные полагаются, а потом всё те же штрафы, только чуток побольше. Не сажают теперь за это дело. Не те времена.

А вот с золотишком, с иконами, да ещё с кое-какими вещами, что поценнее, приходится осторожноничать — тут ведь и под статью угодить можно...

Примета и на этот раз оправдалась — весь день пошёл как-то не так. Сначала перестал показывать телевизор — сгорела, наверное, схема в антенне-«сушилке». Потом подгорела картошка, которую Римма хотела пожарить к обеду. Едва собралась за продуктами, как пришёл со двора Василий, муж, и сказал, что у ихнего старенького газика засорился карбюратор. Бензин, видимо, попался некачественный. Пришлось тащиться в магазин пешком, а это километр с лишком в один конец.

Всю дорогу от дома до магазина и уж особенно от магазина до дома Римма чертыхалась про себя, поминала всеми нехорошими словами и заявив-

шуюся с утра со скандалом Нинку, и Ваську с его развалюхой-машиной, и нефтяных коммерсантов с их некачественным бензином... А ещё она клятвенно уверяла себя в том, что вот прямо на этой неделе продаст свой старый «газон» и купит новую машину. «Газель» какую-нибудь или зилковского «бычка». И стиральную машину-автомат купит — сколько можно крутить бельё в старой «Вятке»! И спутниковую антенну для телевизора тоже купит. Ведь есть же у неё деньги. И небольшие. Если разобраться, то не только на машины да телевизоры хватит, но ещё и на новый дом с обстановкой наберётся, да ещё и останется... И одновременно с этим она точно знала, что ничего этого всё равно не купит. Поскупится. И ездить они с Васькой будут всё на том же отремонтированном-переремонтированном скрипучем бортовом «газоне», и бельё будет крутиться в старой обшарпанной «Вятке», и древний холодильник будет тархтеть в углу громко, как трактор, а вырученные за спирт деньги превратятся в доллары и будут рассованы по тайникам...

А вечером, в довершение всего, скрутило спину так, что ни присесть, ни нагнуться.

Спина у Риммы всегда слегка побаливала — скрывался избыток полноты. Шутка ли — больше сотни килограммов при полутора с небольшим метрах роста. А тут ещё этот проклятый магазин да тяжеленные сумки... Однако самое неприятное было в том, что теперь уж точно неделю пролежать придётся — раньше спина не отпустит. Бывало уже у Риммы такое. Тут даже и к врачам ходить не надо — они всё те же мази и всё тот же покой пропишут. А ей в среду во что бы то ни стало надо ехать в город — привезти оттуда очередную партию спирта, поменять там рубли на баксы, договориться о сбыте разнообразной «натуроплаты», которую мужики в течение недели приволокли для обмена на спирт, да и много ещё чего. Придётся, видать, Ваську одного посылать, а это ой как плохо. Рохля он, Васька-то. Рохля и тихушник. Ни на своём настоять, ни поторговаться, ни погорлопанить при случае — ничего не умеет. И если со спиртом да баксами всё ясно — там цены твёрдые, то вот со всем остальным дело плохо — обязательно или сам продадут, или облапошат его.

Да, видать, ничего не поделаешь — придётся всё-таки на Ваську надеяться. Самой-то вон лежать и то больно. Ходить ещё хоть с трудом, но можно, а вот о том, чтобы присесть или спину согнуть — и думать нечего. Боль такая — в глазах темнеет. Ужинать и то лёжа пришлось.

На ночь Римма даже переодеться не стала — так и лежала под одеялом на старой и скрипучей, материнной ещё, кровати в обычном своём выцветшем от многократных стирок ситцевом халате. Угнездилась так, чтоб боль поменьше донимала, и лежала не шевелилась. Сон почему-то не шёл — то ли спина в этом виновата была, то ли настроение паршивое, то ли ещё что...

На диване у противоположной стенки тихо сопел Васька. Если не прислушаться специально, то и не слышно — дышит ли.

«Вот ведь тихушник», — с неожиданной злостью подумала о муже Римма. — «Даже храпеть, как настоящий мужик, и то не умеет. Одно слово — тютя. Недаром ведь с детства это прозвище носит. Васька-Тютя он и есть Васька-Тютя. И какого чёр-

та я за него замуж выскочила, за растяпу этого?» — И тут же дёрнула с досады уголком рта, потому что сама перед собой лукавить начала. Знала она прекрасно, почему за Ваську замуж вышла. Со злости. Со злости, с досады, да ещё вроде как в отместку, хотя кому уж этаким-то манером отомстишь...

И тут, совсем уж не к месту, одолели вдруг Римму воспоминания. Подкрались незаметно в ночной темноте и навалились — не отвяжешься. Римма уж чего только не делала, чтоб отогнать их, как только не исхитрялась приманить к себе сон — не выходило ничего. Лезли в голову картинки из прошлого, колготились там, толкались, бередили душу, будто ноющей спины ей сейчас мало было...

* * *

...К концу школы Римма расцвела, да расцвела так, что едва ли не первой красавицей считалась. И то — маленькая, крепенькая, ладная хохотушка с точёной фигуркой, с толстой косицей до пояса, с озорной искринкой в вечно смеющихся карих глазах — кому такая не понравится? На танцах от кавалеров отбою не было. На одноклассников можно было и не смотреть — ребята пятью-шестью годами старше их к Римме и близко не подпускали, а уж какие побоища между собой из-за неё на танцах иной раз устраивали — вспомнить страшно. Страшно и приятно.

А Римма ещё и подзадоривала их — сегодня с одним после танцев уйдёт, завтра с другим, послезавтра с третьим, этому подмигнёт, тому улыбнётся... вот и бесились ребяташки.

Они-то бесились, а Римма головы не теряла — уже тогда всё с пользой да с расчётом делала.

И хоть гулять-то она со многими гуляла, однако себе цену знала. Не дура ведь — понимала, что в деревне живёт. В деревне ничего не скроешь. Стоит только один раз дальше положенного зайти — и всё. Тут уж либо замуж сразу, либо такое клеймо на всю оставшуюся жизнь заработаешь, что не отмоешься. Так что дальше прогулок, вздохов при луне да поцелуев у калитки дело у её кавалеров не доходило, хотя иной раз ей и самой ой как хотелось запретного плода отведать.

Школу Римма закончила так, как и училась — ни хорошо, ни плохо. Средненько. После школы решила определяться по линии сельского хозяйства, рассудив так, что в городах таких, как она, полным-полно, а уж у себя-то в деревне она может быть хоть и не первой, но зато уж наверняка всегда на виду будет. Да ведь и как оно там с жизнью в городе может сложиться — Бог весть, а тут колхоз и стипендию своим «направленцам» во время учёбы выплачивает, и «подъёмные» по возвращении даёт. Да и ежели уж вдруг особенно приспичит городской жизни похлебать, то после отработки положенных трёх лет в колхозе никто силой удерживать не будет.

И пошла Римма учиться на зоотехника.

Вот только техникум выбрала по-особенному, с расчётом — аж в Горьковской области.

Это специально, чтоб от дома подальше. Чтоб свобода была. Чтоб даже отголоски того, как она живёт да чем занимается, до дому не докатились.

А вдали от дома, от взглядов да пересудов, да ещё имея при этом колхозную и государственную стипендии, ох как хорошо пожить можно.

И пожила.

Так пожила, что до сих пор есть что вспомнить.

Правда, и тут головы не потеряла. Парни парнями, любовь любовью, гулянки гулянками, а учиться не забывала и хоть ни шатко ни валко, на троечки, но техникум закончила. А как же иначе? Если учёбу забросить, то и позору не оберёшься, да при этом ещё и поддержки колхозной лишиться, а деньги на дороге не валяются.

Когда после учёбы домой вернулась, то уж волей-неволей остепениться пришлось. Деревенских парней да мужиков Римма и близко к себе не подпускала. Со всеми шутила, со многими гуляла, с некоторыми обнималась да целовалась, а дальше — ни-ни. А уж если совсем невтерпёж становилось, то ехала на выходные в город. Там с её-то внешностью охотников весело ночь провести полным-полно находилось.

Вот только внешность-то, похоже, постепенно подводит её начинала. После последнего, техникумовского ещё, аборта, Римма малость располнела. Видимо, организм, набравший энергии на долгую беременность и этой беременностью лишённый, взял да и отложил эту энергию в жирок на талии и бёдрах. Однако и в таком виде была она ещё деваха хоть куда. Завидная невеста, как о ней тогда говорили.

Да ещё и небедная, кстати, невеста-то.

Они тогда вдвоём с матерью побольше десятка свиней постоянно держали. А чего было и не держать, если мужики за бутылку по паре-тройке мешков ворованного комбикорма с ферм приволакивали, к тому же Римма свела знакомство с такой же, как она сама, шустрой и оборотистой бабёнкой — завхозом недалёкого пионерского лагеря. Эта завхозша частенько к Римме с матерью навдывалась и, как правило, не одна, а с очередным ухажёром из работников лагеря. Приезжала затем, чтоб в баньке от души попариться, да ещё, как она сама говорила, развеяться, то есть попить водочки да всласть повлюбляться подальше от любопытных глаз юных пионеров и бдительно-строного лагерного начальства. А приезжая привозила с собой огромные баки отходов с кухни — от пионеров столько всего оставалось, что эти отходы девать просто некуда было.

А свиньи росли на этих отходах как на дрожжах.

Росли почитай что на дармовой кормёжке, а мясо в ту пору в дефиците было и на рынке ого-го сколько стоило. Хотя Римма на рынке не особенно когда и торговала — чаще просто сдавала свинину целыми тушами в какой-нибудь ресторан по договорённости.

Но как бы то ни было, а деньги у Риммы с матерью водились по тем временам немалые.

А в двадцать четыре Римму угораздило влюбиться.

Прямо-таки до безумия влюбиться.

До этого она привыкла сама головы мужикам кружить да на поводке их водить, а тут вдруг свой собственный рассудок потеряла.

Приехал тогда в их школу новый учитель физики — молодой широкоплечий блондин — вот в его-то серых с голубизной глазах и утонула Римма.

С головой ухнула. До чего ведь дошло — ночей из-за него не спала, днём себе места не находила. Казалось — помани он пальцем — и пойдёт за ним Римма и в ад, и в рай, и на край света. Шевельни он бровью — и отдаст ему всё, что имеет, да ещё и себя в придачу. И от одной только мысли о нём такой пожар в телесах разгорался, что хоть беги да в прорубь окунайся.

У Риммы-то разгорался, да вот у него что-то не очень. Как только Римма ни исхитрялась, какие только глазки ни строила, какими только словами ни пыталась учителя этого хоть ненадолго к себе заполучить — ему хоть бы хны. Не обращал он на Римму ровным счётом никакого внимания, а запал почему-то на заезжую фельдшерицу, что полгода как в деревенском медпункте работала. И ладно бы была эта фельдшерица какой-нибудь красавицей писаной, так ведь нет! Простецкая была девка — таких на каждую сотню девяносто девять приходится. Ни кожи у неё, как говорится, ни рожи, ни фигуры особенной — ничего нет. Одно слово — мышь серая. Римма про себя ещё бледной немочью её называла.

И чего такого хорошего красавец-учитель в ней нашёл — непонятно.

Римма маялась-маялась, да и решила в конце концов с фельдшерицей этой по-своему разобраться. В один день подкараулила её после работы около медпункта и сначала словами попробовала эту приезжую цацу от учителя отвадить, а потом и кулаки в ход пошли. Здорово тогда фельдшерице досталось.

А на следующий день подошёл к Римме на улице любимый её учитель физики и такого наговорил, да так всё это сказал, что, ей богу, лучше бы бил смертным боем. И ведь даже матом не ругался, и голоса не повышал, а всё равно словами будто бы наизнанку вывернул. Даже и сейчас, если вспомнить, уши со стыда гореть начинают.

Где-то через месяц после того самого разговора учитель с фельдшерицей свадьбу сыграли, а у Риммы после этой самой свадьбы поселился вдруг под сердцем злой и беспокойный червяк, и начал этот червяк душу её терзать да беспокойством мучить.

«Ах так!» — думала тогда Римма, — любовь у вас?! Так и у меня любовь будет! Пусть хоть не я, так зато меня любить будут до безумия! И семья у меня будет, и любовь, и дом — полная чаша, не чета вашей казённой квартирёнке! И денег у меня будет столько, что вашей зарплатой я подтираться за один раз смогу! Позавидуете мне ещё!»

И подошла она тогда к бывшему своему однокласснику — тихому и неприметному мужичку Ваське Кужелёву, безнадежно и безответно влюблённому в неё аж, наверное, с седьмого класса.

— Ну что, — спросила, — Васенька, нравлюсь я тебе?

Васька тогда только глазами хлопнул.

— А коли нравлюсь — так и бери меня замуж.

Так что ещё через месяц и у неё свадьба была.

Время тогда в стране интересное наступало — перестройка, коммерцию разрешили, и Римма сразу смекнула что к чему. Из колхоза уволилась и — неслыханное по тем временам дело — купила грузовик. Ваську тоже заставила с работы уйти и за руль посадила.

И пошло-поехало.

Чем только не занималась она тогда, чем только не торговала — сахаром, сигаретами, вином разливным, шмотками всякими... Благо кое-какие связи среди коммерсантов в городе уже были, а потом и новые появились. Свиной держать вскоре перестала — не выгодно. На торговле куда как проще и больше заработать можно.

И зарабатывала.

Хорошо зарабатывала.

А при случае старалась одеться поярче да подождать и попасться при этом на глаза любви своей несостоявшейся — учителю школьному. Покрасоваться перед ним: вот, дескать, смотри, дурак, что упустил-то! Гляди-ка, какая я! Не то что мымра твоя зачуханная, которая третий год в одном и том же пальтишке бегаешь!

Тогда она даже лес для строительства закупила, чтоб новый дом поставить. Да не просто дом, а такой терем срубить, чтоб вся деревня ахнула...

Дом так и не поставила — сначала всё как-то некогда было за строительство взяться — торговля не давала, а потом и вовсе не до строительства стало.

В стране инфляция грянула.

Тут уж пришлось крутиться волчком, чтоб ничей-то не остаться. И Римма крутилась. Скупала в деревне за бесценок картошку, морковку, капусту, да и вообще всё, что хоть с какой-то выгодой продать можно было и везла всё это в город. Из города везла в деревню табак да левую водку, жвачки-конфетки, сникерсы разные и прочую дребедень. Рубли, чтоб они в инфляционном костерке не сгорели, на доллары меняла да в кубышку прикладывала, а сама при этом с каким-то неуёмным злорадством всё на учителя с фельдшерницей оглядывалась — как-то там они живут-поживают? С какого хлеба на какую воду перебиваются при своей нищенской зарплате, которую ещё по полгода дожидаться надо?

А те и впрямь плохо жили. До того плохо и бедно, что в конце концов не выдержали — снялись с места и поехали куда-то в дальние края лучшей доли искать.

А Римма уже остановиться не могла — всё крутилась и крутилась. Всё не давал ей покоя беспокойный червяк под сердцем, всё ворочался да подталкивал: здесь урви, там ухвати... Хотя если спросить у неё сейчас, чего это ради она за каждый грамм спирта с деревенскими мужиками до хрипоты торгуется, для чего и для кого прячет по тайникам зелёные долларовые бумажки — вряд ли ответит. И даже вряд ли задумается над ответом, потому что самой страшно будет узнать, что ответа-то никакого нет...

Похоже, что один только этот червяк в жизни у неё теперь и остался. Детишек Господь не дал — сказало, видимо, бурно проведённое в техникуме времечко. Красота тоже ушла — за коммерческими своими заботами Римма и сама не заметила, как расплылась, оплыла, как лицо будто бы выцвело, вылиняло и глаза какими-то водянистыми стали... Даже и Васька теперь уж влюблёнными глазами на неё не смотрит, а всё больше молчком делает что-нибудь и взгляда не поднимает. Да и сам-то Васька совсем уж какой-то невзрачный да зачуханный стал. И раньше-то был Васька-Тютя не красавец писанный, а сейчас и вовсе мешок мешком... И из коммерции один только спирт остался. Всё другое

сейчас в магазине купить можно, а самой ей магазинчик в деревне открывать резону никакого нет. Хлопот много, а выгоды — чуть. Деревенская нищета много не купит, а те, кто побогаче, за покупками в райцентр на собственных машинах катаются.

А вот пить в деревне не перестанут. Долго ещё не перестанут, потому что у этого пьянства ноги не из весёлого разгула, а из глухой безысходности растут. Значит, и Римминой коммерции ничего пока не грозит.

Да вот ещё умные люди присоветовали в спирт немного димедрола добавлять — дескать, к такому спирту мужики привыкают быстрее — из алкоголиков наполовину наркоманами становятся и без «мутной» выпивки не могут уже...

* * *

...В дверь постучали. Потом выждали немного и постучали снова.

— Кто там? — крикнула вполголоса, не поднимаясь с кровати, Римма, и этот крик отозвался глухим толчком боли в спине.

— Кто-кто? А то сама не знаешь кто, — заворочался на диване Васька. — Хроник какой-нибудь за добавкой припёрся. Не прохватило.

— Дак поди и налей, — зло зашипела Римма, — видишь ведь — сама-то подняться не могу.

Васька с обиженным пыхтением сел на диване, напарил ногами тапочки, потом прошлёпал на кухню и включил там свет.

— Во, блин, время четвёртый час ночи, а они колотятся. Ни сна, ни покою. И когда, блин, напьются-то, в конце концов? Захлебнулись бы, что ли, все они разом спиртягой этой...

Бурча и чертыхаясь, Васька пошёл открывать дверь, а Римма крепко зажмурилась, потому что луч света из приоткрытой кухонной двери неприятно резанул по глазам. И то ли от этого света, то ли от непрерывной ноющей боли в спине, то ли ещё от чего из-под плотно зажмуренных век выкатилась вдруг одинокая слеза, скользнула тёплой змейкой по виску и упала на подушку.

И там, на подушке, вскорости высохла.

с. Холмогоры

Елена Васильевна Никитина родилась в городе Мирном Архангельской области в семье военнослужащего. Окончила Мурманский государственный педагогический институт (историко-филологический факультет). Работает учителем русского языка и литературы в средней школе № 1 города Мирного. Ранее не публиковалась.

Елена НИКИТИНА

ДОРОГА К ХРАМУ

РАССКАЗЫ

К БАБУШКЕ

Сколько себя помню, каждое лето один и тот же маршрут — к бабушке. Сначала дорога была просёлочная, тряская, потом её заасфальтировали, потом расширили, а автобус всё тот же — старенький пазик.

Возраст наложил свой отпечаток на расписание его движения. Утром надо звонить в сельпо и спрашивать, завёлся ли. Если да — пора ехать на автовокзал, если нет — звони через каждые полчаса, пока не заведётся.

Сегодня завёлся. С двумя поломками, но всё же добрался до города и после небольшого ремонта мог отправиться в обратный путь по графику.

Еле успела к положенному времени: продавщица долго возилась с упаковкой. С огромным облегчением поднимаюсь в салон. Новое испытание. Автобус забит до отказа. Пассажиры, изнывая от жары, парятся внутри. Все с коробками, ведрами, сумками — вылезать себе дороже. Свободное место только сзади, пробираюсь с трудом: мой огромный свёрток, ярко-канареечного цвета и формой напоминающий сплюснутую новогоднюю ёлку на длинной ножке, не вписывается в узкий проход автобуса, задевает то за сиденья, то за поручни. Перешагивая через эмалированное ведро, поранила о дужку ногу. Но это уже не важно. Добралась. Теперь пристроить свой багаж вплотную к испокон века закрытой задней двери салона и сесть.

Тут-то и начались мои настоящие трудности. Только я установила свою ношу в более-менее устойчивом положении, автобус заволновался:

— Не ставь здесь. Раиска, продавщица из скобяного, звонила по сотовому шофёру: задерживается на рынке, сейчас уже бежит. Она здесь сумки всегда ставит.

— Ну ничего, поставит в другом месте, — как можно миролюбивее отвечаю я.

— Нет, она всегда здесь ставит.

— А сегодня поставит в другом месте.

Ответило мне гробовое молчание. В атмосфере салона сгустилась враждебность.

Минут через пять, почихав, мотор загудел — в поле зрения появилась Раиска. Я помню её с детства, она не меняется! Та же хна, те же золотые коронки на четырёх передних зубах, тот же шиньон, правда, он давно уже вышел из моды и свалаялся, поэтому выглядит, мягко говоря, нелепо.

Автобус встретил её радостно и оживлённо. Ожидали схватки. Но ей не до того. Сумки были тяжёлые, и тащить их в конец салона ей не хотелось. Бросила у дверей и стала вглядываться, ища свободное место.

Пассажиры автобуса этот исход не устраивал.

— Что сумки-то под ноги бросила?

— Ну их, пусть стоят.

— А твоё место заняли!

— Кто это осмелел? — скорее шутливо, чем угрожающе, спрашивает.

Я молчу.

Раиска, не найдя свободного места, направляется в конец салона, к нашему «диванчику». Идёт прямо ко мне (я было обрадовалась: будет с кем поговорить, да она меня не узнала) и с выдохом «Посторонись» вклинивается между мной и стеной, сдвигая всех своим телом. Поёрзав, все кое-как уместились.

Долгое петляние по городу с остановками (по закону невезения) у каждого светофора, приправленное крепким словом шофёра (нервничает, вдруг заглохнет мотор) и незамысловатыми шутками пассажиров, сменяется монотонной дорогой.

Пассажиры притихли.

Только Раиска явно чем-то взвинчена. Ей, как и всем нам на заднем сиденье, тесно, да ещё не даёт покоя мой жёлтый пакет. То она ворчала, мол, тащат тут мешками невесть чего, то пыталась обмять его, чтобы не закрывал обзор, то норовила содрать упаковку, потому что её раздражает шуршание, — и всё это, несмотря на мои протесты и просьбы оставить мои вещи в покое. Причём все пассажиры с интересом следили за её действиями. Даже подзадоривали: так ему, Раиска! И, наконец, она просто отпихнула мой багаж ногой. Он, потеряв устойчивость, ударившись о бесполезный поручень, произнёс «шчкварк» (керамика о металл!!!), подскочил и снова ударился верхушкой, уже о ведро. Я вскочила, бросилась к нему. Сквозь канареечную упаковку старалась ощупать, всё ли цело, не оббилась ли (автобус покотился со смеху). Вроде цел. Но обратно я его уже не поставлю.

После того как я встала, сесть уже не представлялось возможным. Соседи «расправились», а втискиваться, как Раиска, я не умею. Обхватив свой многотрадальный груз, я стою посередине задней площадки. До поручня не дотянуться. Ни шагу ни влево ни вправо — всюду коробки и сумки.

Автобус качает несильно. Но я никогда не отличалась устойчивостью. А сейчас надо держаться. Пальцами ног сквозь туфли я пыталась схватиться за пол, срастись с ним. Конечно, у нас с пакетом есть ещё и штырь, предусмотрительно замотанный толстым слоем бумаги, но ухватиться-то за него нельзя: и так уже пострадал. Нет, опираться на свою ношу я не буду.

Стою и тихонько плачу: почему она со мной так? Я её с детства помню, она мне всегда говорила, что я не городская девка, а их, деревенская. Любила,

когда я к ней в магазин приходила. Детские ведёрочки давала разглядывать, а в одно конфетку прятала: ей нравилось, как я удивлялась и наивно, по-детски рассуждала, как же в ведёрки попадают конфеты, и то, как я всегда честно возвращала конфету ей: в магазине ничего бесплатного не бывает.

Чтобы не видели слёз, надеваю чёрные очки и подставляю лицо под воздушную струю из окна.

Минут через сорок моего стояния Раиска подала голос:

— Да поставь ты его, что у тебя там?

Я молчу.

— Поставь, говорю! Устала ведь, небось!

Устала. Но теперь уже чего ставить? Два поворота — и на месте.

Автобус затормозил. Молодой парень вышел у развилки, освободив место рядом с деревенским врачом.

— Иди садись, — машет он мне.

— Спасибо, Андрей Петрович. Уже почти приехали.

Услышав из моих уст имя врача, все как по команде повернулись ко мне, идентифицируя.

Первая признала меня всё та же Раиска:

— Лен, да это ты, что ли? Ой, не узнала. К бабушке? — и осеклась.

— К бабушке, — отвечаю я. — Слава богу, приехали. Остановите на этом перекрёстке.

Автобус покорно останавливается. Пассажирский салон заливают горячая волна раскалянья и сочувствия. Пока я тащу свой многострадальный багаж к выходу, все стараются помочь: расчищают дорогу, отодвигают ведра и коробки, поддерживают. Я им благодарна за такую, пусть и запоздалую, заботу. Выхожу у развилки, ведущей на кладбище. В пакете у меня последний подарок бабушке. Её любимые красные розы, вплетённые в еловые лапы, образуют сердечко, обрамляющее чёрную металлическую табличку с золотыми буквами: «Любимой бабушке от Лены». А сверху скорбящий фарфоровый ангел с глубоким шрамом-царапиной. Не убегла.

ДОРОГА К ХРАМУ

Дорога к храму расчищена перед праздником. Идётся легко и хрустко. Морозец. Чудесно! До службы ещё есть время: вышла пораньше, пройдушь. Свет фонарей добавляет чуда: под ногами не снег, а россыпи алмазов. Сколько лет хожу этой дорогой, а всё не перестаю удивляться красоте.

Вспомнилось, как когда-то давно мы, подружки-студентки, решили сходить в церковь. Нельзя было — комсомолки. Да и не то чтобы очень верили. Просто был порыв — сходить в церковь перед Рождеством. А в доме напротив храма на лестничной площадке с биноклем в руках лежали в засаде бушующие атеисты (именно бушующие, потому что научный атеизм в институте преподавала мадам Бушуева), комсомольцы — ОКОДовцы. Я уже и не помню точно, что эта аббревиатура обозначала. Что-то типа «отряд комсомольского оперативного действия», юные барабанщики.

Мы слышали об этом, но как-то не очень верили. Кому надо нас ловить? Но к церкви шли на всякий случай дворами, да и закутались в платки, наивно полагая, что нас в таком виде матери родные не узнают.

А вот ОКОДовцы узнали! Мы и были-то в церкви минут двадцать — неприятностей же хватило на семестр. Отделались строгими выговорами в учётные карточки, радовались безумно: баптистов вообще выгнали.

С тех пор много воды утекло.

— Привет!

Меня догнал человек из моего прошлого. Он тоже идёт в храм.

— Привет, Андрей!

Он сильно изменился внешне. А вот внутренне остался прежним. Раньше с жаром клеймил позором комсомольцев, посещающих церкви, теперь с не меньшим жаром ругает городское начальство за недостаточную помощь местной христианской общине в восстановлении храма.

Я не сержусь на него, обиды же и тогда не было. А сейчас я просто рада, что мы вместе идём в храм и никто не глядит на нас в бинокль через грязное окошко пятого этажа.

ПОЭТ

По деревенской улице впереди меня идёт человек. Мужчина средних лет, высокий, худощавый. В чёрном парадном костюме с наглаженными стрелками на брюках и, несмотря на жару, в чёрном развевающемся на ветру плаще и шляпе, неизвестно как держащейся на затылке. Всё бы ничего, только босые ноги в разношенных тапочках как-то настораживают. Похоже, мужчина пьян: идёт как-то нетвёрдо.

На перекрёстке он останавливается у огромного серо-жёлтого камня, торжественно снимает шляпу, кланяется в пространство, опускается на одно колено и звучным красивым баритоном произносит:

— О камень! Ты пролежал тут тысячу лет! Ты умывался кровавой росой Куликова поля, тебя посыпала пыль гробницы Тамерлана, ветер принес тебе запах славы Александра Великого, холодные лучи розового солнца ласкали тебя, пророча бедствия людям! И вот теперь ты лежишь здесь, равнодушно взирая на жалких людишек, проходящих мимо по своим делам, и усмехаешься: люди уйдут в мир иной, не останется и следа от их городов, а ты так же величественно будешь лежать, ведя разговоры с солнцем, ветром, росой, пылью... Но берегись дождя, мой надменный собеседник! Вода камень точит!

Тут мужчина поднимается с колен, надевает шляпу, кланяется камню и продолжает шествие по улице.

— Кто это? — спросила я у местной девчушки.

— Витька-поэт, здешний пьяница. Как запьёт — всё «стихи» ходит рассказывает. То камню, то Ньюкиному поросёнку, то старому забору. А спросится — ничего не помнит. Да он вообще-то мужик хороший, руки золотые, по трезвянке всё молчит, а вот пьяного его прорывает.

— А что это за камень?

— Дом покупают армяне. Уличную печку делать будут. Вот и приволокли. Витька и привёз вчера.

— О яблоня! — слышится издали. — Ты была до того одинока, что хватала своими ветвями пролетающих в небе птиц...

Эдуард ФЕДОРЕНКО

Стансы к Татьяне

10 лет назад в рамках альманаха «Белый пароход» вышел сборник Эдуарда Федоренко «Черты дождя». Мы с Людмилой Жуковой отобрали самое лучшее и, наверное, самое главное, что характерно для поэзии Эдуарда. Начинается сборничек посвящением О.Е. Раменскому, нашему с Эдиком в разные годы школьному учителю. А в середине идут стихи из цикла «К Татьяне».

*Нет уже ни Олега Евгеньевича, ни Татьяны...
Одиноко на юру душе-сиротине.*

А поэтической и вовсе...

Сколько их нынче по Руси, таких неприкаянных душ — отверженных, отвергнутых или не принявших лжедемократии, демонстративно ушедших от крохоборско-буржуазной потребилочки и свысока — да-да! именно свысока при всей низости с обывательской точки зрения их положения — взирающих на вселенское торжище, где, кажется, продаётся всё и вся, где ушлые людишки впаривают соотечественникам западные обноски, уценённые от перепроизводства, а заодно — образчики тамошней поп-культурки, в которой бал правят педерасты, педофилы и лесбиянки. «Хлеба и зрелищ!» — рычала в пароксизмах похоти и сладострастия Римская империя перед своим бесславным концом, закатывая лукулловы пиры и купая взгляд в свежей крови гладиаторов. И нагляделась, и нажралась. Пока не пала под стопой варвара...

Михаил Попов

* * *

И выпал первый снег
На день сороковой.
Однако что ни след —
То с траурной каймой.
И память, чёрный плат
С каймою повязав,
Отводит тёмный взгляд.

...Пятнадцать лет назад
Я заболел тобой,
И раж и неуклюж —
Я памяти отбой
Сыграл, как будто туш,
Твоей походке встреч,
Дыханью твоему.
Кончалась жизни треть,
И оседала муть
В пропащей голове.
Любви девятый вал
Свистал, как соловей,
Как Витас, распевал
Пускай анахронизм! —
Не летопись пишу.
Спасись и сохранись!
А я к тебе спешу
Не Сивкой-Буркой вскачь,
Не телеграммой «Жди!».
В программе передач —
Опять одни дожди.
И я среди них кривой —
Дурак из дураков —
И в день сороковой,
И в сорок сороков.
Да что там! И в набат!
Каюк тебе, душа,
Никто не виноват.
Мне по понятиям — ша!
Господь — не адвокат.
Судьба — сплошная боль.

...А помнишь, было как?
Подвинулась бы, что ль...

* * *

Нынче — пора совершенных глаголов.
Мир сотворён. (Да и чай остывает.)
Рать полегла, и дописано Слово.
(Во — замутил я! Чего не бывает?)
Сгинул за окнами день-неврастеник,
Резко пахнуло домашней пегуньей.
Мышь прошуршала на шабаш растений.
Стрелки сошлись. Тишина. Полнолуние.
Палевым отблеском свечки дешёвой
Вызван фантом незабвенной подруги.
«Что тебе, милый?» — «Да так, на два слова.
Как там, в безвременье? Что — демиурги?
Чем нас порадует год Поросёнка?» —
«Радости хочешь? Хлеpci без закуски!
Свидимся скоро!» —

«Господь с тобой, жёнка!

Аль натюрморт этот мой не по-русски
Стопкой звенит у твоих фотографий?
Треснувшим зеркалом бдит за округой?
Я — в закулисном аду эпитафий —
Тщетно твою сочиняю, подруга!»
С дрожью голодного дикого зверя
Память хватает ошмётки былого
И от облавы уходит в то время,
Где к расставанью не сыщется повод.
Как ни стараются добрые люди —
Не расколоть нас на два полушарья!
(Можно стократ перемешивать студень —
Закусь одна! Мы — в одном перегае!)
Не потому ли я утренний сумрак
Предпочитаю и ночи, и полдню?
Всё оттого, что в последнее утро...
«Нету здесь крайних, мой милый! Я помню!»

* * *

Над нами — вечный листопад,
 Над нами — осень.
 Следят за играми лосят
 Седые лоси.
 Летят высоко гусаки
 Куда — не знаю.
 (Кижы под ними, Соловки)
 Вернутся к маю.
 А в мой горящий монастырь
 Царевну-Лебедь
 Не пустят ангелов посты
 В закатном небе.
 Ей заповедною — одной
 Кружить над миром,
 Над самой северной Двиной,
 Над пьяным милым.
 «Очнись!» — смеётся ли вдали
 Иль рядом стонет:
 «Ещё мгновение удели
 Своих бессонниц».
 И снова свой по всей строфе.
 Шалишь, ведунья!
 По всем заброшенным кафе
 Тебя ищу я.
 У привокзальных тополей
 Ищу тебя я.
 Теплей. Теплей. Ещё теплей!
 Где ты — не знаю.
 Хоть в чёрт-те что, но воплотись!
 Явись придурку!
 И снится пара белых птиц,
 И сон сей — в руку!
 Когда «семёркой» постучат
 Глухою ночью...
 Я сплю. Мне некого встречать,
 Все дружбы — в ключья!
 Перезаложены давно
 Сердца и руки.
 В ломбард? В бордель?
 Не всё ль равно?
 Склероз от скуки.
 Идёт мыслительный процесс,
 Как после свадьбы.
 Видали всяких мы принцесс —
 Гуртом! Ансамблем!
 Но всё тревожней, всё сильнее
 Звучит стоккато.
 Иль это сердце ропщет мне,
 Что старовато?..

* * *

Вот и сумерки этому году.
 Страх подумать, что я, нелюдим,
 Кем-то выдуманную свободу
 Триста дней пропиваю один.
 И не думаю о покаянье
 (До зачатья зачёты сданы!).
 Только сны лишь — мои могикане
 Мне верны, лишь кошмарные сны.
 Там удача со мной корешила
 И всех благ мне желал Зодиак.
 Ну а то, что ругаюсь красиво, —
 Не могу я иначе никак!
 Ведь не зря проходимою пешкой
 (Проходною — кому невдомёк)
 Жизнь куда-то несётся с усмешкой.
 Чем же манит её эпилог?

Крест нательный и крест на могиле,
 Наконец, как на Эльбе, сошлись.
 То ли водка — рекой, то ль — мартини,
 То ли просто судачат за «жись».
 А она, как степная цыганка,
 Уж другого ведёт за курган —
 «Вот тебе с Божьим светом свиданка!
 Будешь помнить ты взгляды цыган!»
 Тут же в сердце нахлынут загадки.
 Век откладывай — нету конца.
 Нет названья такой лихорадке,
 Что ломает железный характер
 Мановением слегонца,
 Проявляя преступную склонность
 К перекрёстной рифмовке, но — тпру!!!
 Неужели таким я запомнюсь
 Исчезающему декабрю?
 Да и с месяцем этим — неясно,
 В лужах — рябь от рекламных огней,
 Слово выдан весною — авансом! —
 Лист больничный на несколько дней.
 Значит, всюду в природе — поломка.
 Всё — ништяк, всё фигня — по уму!
 Здесь и мне остаётся негромко
 «С Новым годом!» сказать. Но кому?

Конец 2006 года

г. Северодвинск

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО

ПОСЛЕДНИЙ ФРОНТОВИК

Когда верстался номер, пришла весть, что скончался
 Алексей Степанович Коткин.

А. С. Коткин родился 25 февраля 1925 года в заполярном селе Коткино.

Его военная служба началась в неполные семнадцать лет. С декабря 1941 г. по август 1942 г. он командир вооружённого комсомольского заслона на почтовом тракте Нарьян-Мар—Архангельск. С августа 1942 г. — служба на Северном морском флоте. С февраля 1943 г. — Маркс-Штадтская авиадесантная школа и затем — фронт.

Первое боевое крещение Алексей Коткин получил в сентябре 1943 г. на Правобережной Украине. Выполняя спецзадания, совершил 42 прыж-

ка с парашютом, в том числе четырёхжды побывал в тылу врага. Трижды ранен. Его ратный путь отмечен орденами Отечественной войны I степени, Славы III степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Больше четверти века Алексей Степанович состоял в Союзе писателей России. Он — автор повести «Егор Ванюта», романов «Красная ласточка», «Печорская история», «Синегорье», «Заполярные страдания».

А. С. Коткин был последним фронтовиком из нашей писательской организации. Как и многие ветераны, он ушёл из жизни с горечью в сердце, не смирившись с потерей поправных идеалов. Мы не забудем об этом.

Редакция и редколлегия «Двины»

Россия

в зеркале

Соловков

ЭХО
XO ВЕКА:СОБЫТИЯ
И СУДЬБЫ

В. А. БУРОВ

Боль

Соловецкая

Туристы и паломники, приезжающие на Соловки, как правило, на короткий срок, сразу попадают под очарование необыкновенно яркой северной природы и великого русского средневековья — соловецкого зодчества, славной истории монастыря. Однако за такой визит многое не разглядишь и Соловки воспримешь исключительно в розовом свете.

Здания в строительных лесах — значит, идёт полным ходом реставрация. Копают траншеи — прокладывают столь необходимые для цивилизованной жизни коммуникации.

В храмах идёт служба, сияют позолотой новые иконостасы — возрождается духовная жизнь. Археологи ведут раскопки — наглядное свидетельство заботы о сохранении культурного наследия древней обители. Открылись новые экспозиции — музей-заповедник активно функционирует, пропагандирует и охраняет великое культурное наследие и т. д. Кто-то спросит: «А разве не так?». Ответу: «Всё так, конечно, так! Но... только отчасти».

Предлагаю посмотреть на Соловки глазами человека, проработавшего здесь на реставрации в 1975—1978 годах и ежегодно приезжающего в археологическую экспедицию на всё лето, начиная с 1996 года.

Первый тревожный симптом неблагополучного положения дел на Соловках я ощутил года четыре назад. Впервые меня оставило здесь душевное спокойствие, которое спасало даже в самые чудовищные 90-е годы. Ныне, куда ни брошу взгляд, всюду наблюдаю набирающий силу процесс уничтожения Соловков под бравурные фразы о созидании. Строительство дикого капитализма взяло на абордаж и этот благословенный остров. Сюда проникли совсем иные идеи, пришли совсем иные люди, совсем иная экономика. Но начну по порядку.

Глаза прораба П. Е. Ляпина горели, когда он делал пальцами обеих рук характерные жесты, будто пересчитывал деньги, и, причмокивая, говорил: «Бабки! Бабки надо зарабатывать!» Это было в конце июня 2004 г. — всего несколько месяцев спустя после того, как неизвестное ранее и ни в чём не зарекомендовавшее себя общество с ограниченной ответственностью «Институт проектирования и реставрации» — ИПИР (г. Архангельск), выиграло тендер на генеральный подряд. Слово «выиграло» следовало бы взять в кавычки, ибо всё было устроено таким образом, что ни бывшая Союзреставрация (ныне ЦНРПМ, г. Москва), ни кооператив соловецких реставраторов «Палата», имевшие огромный опыт восстановления памятников архитектуры Соловецкого монастыря, не смогли даже подать документы на «конкурс». Права на реставрацию всего Соловецкого комплекса были отданы целиком на откуп специально созданной фирме. И это при том, что в архиве ЦНРПМ хранятся тысячи наработанных десятилетиями объёмных чертежей, справок, исследований и прочей документации, а в самой организации были специалисты своего дела. Чем же он себя так зарекомендовал неожиданно возникший на горизонте Институт проектирования и реставрации, чтобы заполучить памятники мировой культуры, чтобы именно ему доверили ни много ни мало — сложнейшие объекты для НАУЧНОЙ реставрации?! НИЧЕМ! В его активе была всего лишь маленькая деревянная церквушка. Вручить реставрировать выдающийся архитектурный комплекс Соловецкого монастыря ИПИРу, в моём восприятии, это всё равно, что шофёра посадить за штурвал самолёта. Я не преувеличиваю. Главный «реставратор» ИПИР инженер Д. А. Агапов, ВПЕРВЫЕ в своей жизни посетивший летом 2004 г. Соловки и увидевший восстановленные ещё в 1970-е годы деревянные кровли трапезной, изумился: «Что же на Соловках так бедно живут?! Крыши деревянные. Если железа не хватает, так толем крыши бы покрыли!» Типичное рассуждение шофёра, оказавшегося в кабине воздушного лайнера и удивившегося каким-то странным панелям с лампочками.

В июле—сентябре 2004 г. состоялся первый контакт нашей Соловецкой (средневековой) археологической экспедиции, которую я возглавляю, с ИПИР. Последний осуществлял проект прокладки кабелей электросети на территории монастыря. По предварительной договорённости предполагалось, что наша экспедиция будет вести раскопки и на-

ДВОЕВЛАСТИЕ... МЕЖВЛАСТИЕ... БЕЗВЛАСТИЕ

блюдения по трассе траншеи с просеиванием культурного слоя. Как показали многолетние раскопки, земля здесь таит многочисленные предметы монастырского быта. Территория монастыря — памятник археологии, любые земляные работы должны предварять археологические раскопки. Это прописная истина.

Трасса траншеи должна была пройти под бойницей подошвенного боя крепости у Сушила, а далее по мельничному двору с выходом на внутренний двор монастыря — по его периметру. При ознакомлении с проектом электросетей, начертанным на гладкой бумаге в тиши кабинета (и за немалые деньги), выяснилась его полная несостоятельность и непригодность. ИПИР на месте обнаружил вдруг для себя удивительные вещи: а) под бойницей к западу от Сушила уже проложена ливневая канализация, не совместимая с электрическими кабелями высокого напряжения; б) на мельничном дворе имелось три яруса булыжного и валунного мощения; в) прохождение трассы по внутреннему двору монастыря с мощным культурным слоем должно в обязательном порядке сопровождаться полноценными раскопками, а это удорожало сами работы. В итоге весь проект был на ходу кардинально пересмотрен, значительная часть сети была вынесена за пределы крепости.

Оказалось также, что разработчики проекта, исполнители работ и руководство ИПИР не имели даже малейшего представления о сложности и специфике объекта — Соловецкого монастыря как памятника великого культурного наследия. Показательно, что когда трасса траншеи неожиданно вышла на свод мельничного канала, то собравшиеся руководители ИПИР стали обсуждать его преодоление. Привожу дословно, поскольку находился рядом: «Пробиваем свод канала с двух сторон и протягиваем кабель». На мои слова о том, что это памятник архитектуры и истории, услышал в ответ от «реставраторов»: «У вас здесь везде памятники!» Это у НАС — памятники, а не у НИХ. Для них, т. е. ИПИРа, — это просто рядовой объект, где зарабатывают деньги.

Или другой пример. Обсуждаем вынесение трассы за крепостную стену. На представленном новом плане вижу линию, пересекающую гранитное крыльцо у Святых ворот. На моё недоумённое восклицание, что здесь же крыльцо XVIII века, прораб П. Е. Ляпин мгновенно находит решение: «Пригоняем кран, поднимаем плиты, копаем траншею, протягиваем кабель, затем восстанавливаем крыльцо». Конечно, это же пустячное дело — разобрать крыльцо XVIII в. Только при всём при том, археологические исследования показали наличие под плитами ещё мощной валунной подушки. И здесь пришлось сделать корректировку с обходом крыльца.

С самого начала я просил не трогать бойницу подошвенного боя крепости, поскольку там необходимо провести полноценные раскопки на предмет изучения остатков деревянных настилов под пушки. В итоге без всякого уведомления траншея в бойнице была всё же прокопана, и тем самым оказались уничтожены не только остатки деревянного настила, но и комплекс развала стекла и скопления слюдяных вставок в оконницы XVII — начала XIX в.

В первые часы работы, как только команда землекопов оказалась на территории монастыря и как

только я стал объяснять методику раскопок с просмотром земли, прораб, накануне не возражавший против раскопок, в нарушение договорённостей, вдруг при мне дал совершенно иное указание рабочим: «Археолога не слушать, копать траншею!» (вот оно великое и современное: «Бабки! Бабки надо зарабатывать!»). Пришлось срочно обратиться в музей за поддержкой, телеграфировать в Архангельск в органы охраны культурного наследия, звонить руководству ИПИР, чтобы приостановить этот произвол. Половина дня была упущена. После соответствующих разъяснений о нарушении закона началось просеивание земли на наиболее важных участках. В дальнейшем просеивание неоднократно срывалось, оспаривалось. Пришлось составить план участков, на которых просеивание слоя должно было осуществляться при засыпке траншей.

Одновременно ИПИР заказал другой организации исследование фундаментов Прачечного, Новобратского корпусов, Филипповской церкви. С этой целью без согласования с археологом, по сути, пиратски, были открыты инженерные шурфы. Их отрыли и... забросили на месяц. Вопреки всем инструкциям фундаменты простояли обнажёнными и незакрытыми столь длительный срок, провоцируя аварийную ситуацию. И только после того, как мною был поставлен вопрос о предписании, шурфы засыпали. Можно ли говорить в таком случае об ответственности ИПИР за судьбу объектов археологии и архитектуры?

После первого опыта взаимодействия с ИПИР, стоившего мне сильнейшей нервотрёпки, я отказался от дальнейшей работы с этой организацией.

В 2005 г. ИПИР заключил договор с Институтом археологии РАН на проведение археологических раскопок и надзора по трассе прокладки канализации, водопровода на территории Соловецкого монастыря. На Соловки была направлена археолог М. Е. Ворожейкина. Она сразу столкнулась с неорганизованностью работ. Выделялось малое количество рабочих или их не давали вообще, или длительное время просто не размечались участки траншей под предлогом «а мы не знаем, где они проходят» (и это при наличии чертежа с утверждённой трассой!). Была предпринята попытка столкнуться рабочих с археологом, когда рабочим сказали, что зарплату им должна платить М. Е. Ворожейкина, хотя по договору её выплачивал ИПИР. Были случаи и другой откровенной лжи. В какой-то период работы не велись, потому что не было экскаватора (на участке у Северного сухого рва было разрешено его применение). На запрос из Института археологии (Москва), почему работы приостановлены, руководство ИПИР ответило, что Ворожейкиной просто нет на месте, она ушла в лес, а экскаватор работает. Когда же ИПИР напомнили, что опустевшее место работ можно увидеть через Интернет по видеокамере, установленной на Петербургской гостинице, в ответ последовало молчание, затем «обрыв» связи. Покраснел ли кто-нибудь в ИПИРе от откровенного вранья?

Показателен случай с белокаменным надгробием соловецкого архимандрита начала XVIII в., выявленным по трассе одной из траншей под крепостной стеной. После отказа со стороны ИПИР вынуть уникальную плиту с надписью-вязью мы вынужде-

ны были обратиться с письмом в музей-заповедник и в органы охраны памятников культуры Архангельской области. Только после этого плиту изъяли. Но в нарушение договоренностей археолога не позволили для наблюдений, а саму плиту при неумелом вытаскивании раскололи на две части, так как не догадались подставить брёвна. Кто-то из остроумных студентов охарактеризовал данную ситуацию как «ИПИРОВА победа». Я бы эту фразу сделал эпиграфом ко всей деятельности ИПИР на Соловках. Безразличие ИПИР к памятникам Соловецкого монастыря стало совершенно очевидным.

К концу сезона 2005 г., осенью, из-за отсутствия техники было достигнуто соглашение, что археологические наблюдения в траншее, проходящей по южной части посёлка, будут перенесены на следующий, 2006 г. Но ИПИР не был бы ИПИРом, если бы сдержал слово и не обманул бы. После отъезда М. Е. Ворожейкиной эта часть трассы была самовольно прокопана, и в неё уложена труба. Археолог вынужден был срочно прилететь на Соловки, чтобы составить акт. Я настаивал на передаче дела в прокуратуру, поскольку произошёл вопиющий случай нарушения культурного слоя. Это была последняя капля терпения. Видимо, только угроза судебного разбирательства заставила ИПИР пересмотреть свою позицию в отношении археологии.

В 2006 г. произошли ощутимые положительные сдвиги в политике ИПИР к археологическому наследию Соловецкого монастыря. Археолог получил возможность проводить необходимые наблюдения и исследования. Я это объясняю просто: на третий год (!) «шофёры» под страхом судебного разбирательства соизволили наконец-то приоткрыть инструкцию по вождению самолёта! Благодаря этому М. Е. Ворожейкиной были получены интереснейшие материалы. Найдены многочисленные предметы вооружения, включая многочисленные стрелы, стволы пищалей, ядра, осколки средневековых гранат, бердыши. Обнаружены также предметы монастырского быта: инструмент, обувь, глиняная посуда и прочее и прочее. Но, пожалуй, наиболее важной находкой, на мой взгляд, были сгнившие деревянные санки с уложенным на них валуном. Теперь стало ясно, как доставляли камни на строительство крепости!

Но и тот год не прошёл гладко. Снова сказались пренебрежение проектировщиков к предварительному археологическому обследованию трассы. В итоге возле Успенской башни только в ходе непосредственного рытья траншеи неожиданно (как всегда) обнаружилась мощная многоярусная засыпка из валунов, укреплявшая основание башни от сползания её в море. Это потребовало в очередной раз пересмотра на ходу самого проекта и глубины заложения труб. По-прежнему удручала и допотопность применявшихся технологий. Даже не специалисту было ясно, что прокладка траншеи глубиной 2 метра в крайне узком проходе между кельями и крепостью постоянно создавала аварийную ситуацию для стен зданий.

Не зарекомендовал себя ИПИР и при реставрации зданий монастыря. Реставрация требует особых знаний, большой практики, наконец, любви к самому предмету. Но откуда взяться знаниям у строителей, впервые увидевших Соловки через три месяца после полученного тендера? **НАУЧНАЯ реставрация (а другой просто не бывает, иначе это не реставрация) сопоставима с хирургической операцией. Представляю, что будет с большими, если в хирургии будет введена практика тендеров для всех без разбору организаций, подавших заявки. А в реставрации такое оказалось возможно.**

На Соловках в незнании вопроса ИПИР проявил себя практически сразу. Для находившейся в аварийном состоянии колокольни XVIII века инженером Агаповым были проведены расчёты и поставлен диагноз, вызвавший у новоявленных реставраторов шок: колокольня по всем параметрам уже мертва, она давно должна была упасть, не понятно, почему она вообще стоит. Конечно, если исходить из качества современного кирпича, не учитывать старые конструкции и прочую специфику, известную профессиональным реставраторам, то мрачный прогноз неизбежен.

Колокольня — первоочередный объект, переданный на реставрацию ИПИР на заклятие: она стала первой их жертвой. Сначала всё шло хорошо. Колокольню закрыли со всех сторон первоклассные (действительно очень хорошие) строительные леса. А затем в музее появился лист огромных размеров, вывешенный на всю высоту стены помещения с проектом реставрации колокольни. В нижнем правом углу, как и положено, указан автор проекта — ИПИР. Скорости создания этого проекта можно было бы позавидовать, если бы это не оказалось практически полной копией проекта, ранее разработанного московскими реставрационными мастерскими — ЦНРПМ. На листе остались без изменения даже ошибки, ранее допущенные и неисправленные. Как видим, ИПИР сходу освоил метод переклеивания штампов и присвоения авторства. Интересно, заплатило ли государство ещё раз за эту бумагу?

Из наблюдений о работе ИПИР. Чтобы понять качество «реставрации», достаточно подняться на галерею крепостной стены и посмотреть на то, как сделана её кровля, к северу и югу от Успенской башни. В северной части, где в 1980-х годах работала Союзреставрация (ныне ЦНРПМ), воссозданы старые конструктивные элементы кровли, передающие дух эпохи. Здесь всё дышит прошлым. **А к югу от Успенской башни — откровенная халтура: прибитые, хотя и коваными гвоздями, плохо отпиленные сикось-накось доски, без использования старых конструктивных элементов. Так строят коворники и сараи.**

Возникает вопрос: а куда смотрит заказчик? Почему он молчит? В ответ трудно поверить. Но буквально до недавнего времени в нарушение всех мыслимых норм заказчиком являлся... сам ИПИР. Что хочу — то и ворочу. С 2006 года права заказчика отошли к музею-заповеднику. Изменилось ли что-то в лучшую сторону? Не думаю. Отдел проектиро-

вания и реставрации музея возглавляет А. Ф. Горбачёв, ранее работавший в том же ИПИРе. Он — студент-заочник Политехнического института, т. е. ещё только будущий специалист, строитель. А о его отношении к памятникам Соловецкого монастыря можно судить по тому, что он предлагал не выправить, а разобрать (уничтожить, по сути) сильно накрёпленный каменный столб сеней XVII века у Святых ворот. Им же поднимался вопрос о полной разборке булыжной мостовой, которая проходит вдоль монастыря со стороны моря. Аргументация — ходить неудобно. Знакомый ИПИРовский подход. При этом **выгчинка булыжного мощения времени ГУЛАГа, ставшего частью историко-культурного ландшафта, и полный запрет проезда транспорта, сотрясающего стены монастыря, тогда даже не рассматривались.**

В 2006 году Соловецкий музей-заповедник всё же решил выставить один из объектов, подлежащих реставрации, — крепость Соловецкого монастыря — на очередной конкурс. К этому времени стало ясно, что ИПИР сорвал все сроки сдачи не только колокольни, но и Прачечного корпуса. Конкурс проводил А. Ф. Горбачёв. Победу одержала Творческая мастерская реставрации и декора (г. Архангельск). На мой вопрос, сколько было участников конкурса, я получил вполне ожидаемый ответ — всего один участник, он же победитель. Представляете! **Единственная в России уникальная валунная каменная крепость, высшее достижение фортификации эпохи позднего русского средневековья, памятник европейской и мировой культуры, вверена мастерской, ранее занимавшейся реставрацией деревянной архитектуры (первоначальное название ГИПРОДРЕВ).** Ныне, если не ошибаюсь, эта мастерская подрабатывает установкой оградок могил, которые скромно именуются «декором».

Задаю другой вопрос: *«Какой же это конкурс, если в нём был всего один участник?»* В качестве сравнения сразу пришла на память знаменитая история 1850-х годов с конкурсом на памятник Тысячелетию России. Тогда прошёл не один, а несколько конкурсов, шло обсуждение в прессе, много спорили, прежде чем такой важный объект доверили скульптору Микешину. А сейчас — чисто формальная процедура, и памятник ЮНЕСКО передан на реставрацию странной организации.

Но... Оказывается, юридически всё соответствует положению о конкурсах, разработанному министерством. Конкурс считается состоявшимся, если в нём приняла участие даже одна организация. *«А эта организация может давать подряд и субподряд другой организации»*, — заверил меня А. Ф. Горбачёв. Вот, значит, в чём дело. Основные деньги получает тот, кто заполучил объект, а оставшиеся крохи можно раздать приглашённым, знающим своё ремесло профессиональным реставраторам. **Да это же феодальная система! Она позволяет жировать неумехам, которые погубят в конечном итоге реставрацию.**

Я поинтересовался, почему на конкурс не подал заявку Научно-исследовательский и производственный кооператив соловецких реставраторов «Палата». Руководит «Палатой» В. В. Сошин, работающий и живущий на Соловках с 1974 года — человек, за плечами которого 32 года реставрационной практики. Он сказал, что всё настолько забюрократизирова-

но, что на оформление и сбор требуемых кип бумаг с печатями и согласованиями на разных уровнях уйдёт полгода и что всё это просто нереально.

Что же касается выигравшего конкурс ГИПРОДРЕВа, то это уже вторая его победа. Первый объект, ему переданный, — музеефикация каменных руин келий конца XVII века, которые откапывает наша археологическая экспедиция. Я наблюдал работу гипродревцев по составлению проекта. Приехали из Архангельска всего на несколько дней (на большее нет времени) двое молодых людей и впервые увидели непонятное хитросплетение самых разнообразных и разновременных конструкций. Кончилось всё тем, что послали за В. В. Сошиным. Тот «из любви к искусству» стал разъяснять им: это — позднее окно, а вот это — след первоначального оконного проёма, здесь была дверь и т. д. и т. п. Более того, он даже стал давать конкретные заметки проекта. Спрашивается, что делают эти люди на Соловках? И нужны ли здесь такие специалисты? Не проще ли отдать музеефицировать кельи тому же В. В. Сошину, «Палате»? Я вынужден был написать докладную записку в дирекцию музея-заповедника. И, кажется, вопрос удалось решить положительно — будет СУБПОДРЯД.

Однако проблема-то остаётся. Минувшие два года показали, что ИПИР, общество с ограниченной ответственностью, как и бывший ГИПРОДРЕВ, не располагают необходимыми кадрами для реставрации памятников, стоящих на охране ЮНЕСКО. У этих организаций нет даже мало-мальского грамотного архитектора-реставратора, способного вести столь сложные объекты мировой культуры. Необходимо привлечь организации, располагающие квалифицированными кадрами реставраторов — ЦНРПМ и «Палату». ИПИРу же — отдать второстепенные объекты, а саму его деятельность поставить под жёсткий контроль.

Может быть, поддержку в вопросах научной реставрации и охраны памятников культурного наследия следует искать у действующего Спасо-Преображенского ставропигиального мужского монастыря? Может быть, монахи (их около 30 человек), как предъявляющие свои права на полное владение всем комплексом монастыря и стоящие за вывод из монастырских стен действующего музея-заповедника, более всего заинтересованы в этом? Оказалось, нет. Дело монаха — спасение души. Всё остальное суета сует. И такая позиция объясняет многое. Главное для монастыря — чтобы всё было **ЧИСТЕНЬКО И КРАСИВО.**

В 2003 году вопреки всем проектам реставрации Спасо-Преображенского собора XVI века — главной святыни Соловецкого монастыря, в нём был установлен новый благолепный иконостас. Правда, **наместник монастыря немного поколебался, но не смог всё же отказать богатому спонсору, решившему таким образом замолить свои грехи.** И музей, между прочим, дал добро такой инициативе, отступая тем самым от первоначального проекта реконструировать на основе исторических данных древний тябловый иконостас эпохи Филиппа Колычева. От древнего иконостаса, как было установлено, на восточной стене храма сохранялись все подлинные железные конструкции. **Но все «железки» спилили при установке новодела в 2003 году. Тогда же под крепления основы иконостаса долбили стены — подлинную кладку XVI века, а под низ**

центральных стоек на солее рабочие сыпали впропых мокрый морской песок, взятый прямо на берегу залива (за сухим далеко бегать). Пол в алтаре всегда был белокаменным, но современным монахам захотелось иметь более тёплый, деревянный. Доски предстояло постелить на брёвна, которыми стала мешать песчаная подсыпка, прикрывавшая своды. В итоге без какого-либо уведомления эту подсыпку выбросили на свалку, а с ней, как оказалось, — и фрагменты плиток от цветного поливного пола. Двое сотрудников нашей археологической экспедиции потом ползали по кучам островной свалки, выбирая эти фрагменты. Но собрать удалось далеко не всё. В декабре 2006 г. эти фрагменты были представлены на выставке «Наследие Соловецкого монастыря», состоявшейся в Архангельске. Жаль, что в каталоге выставки не было указано их истинное происхождение: **найденны на соловецкой свалке**. Какая уж тут научная реставрация и бережение духа эпохи! Притом, что речь идёт о соборе — детище игумена Филиппа, затем митрополита Московского, в каждый камень которого он вложил свою душу.

В монастыре, хозяйством которого ведаёт отец Герасим, победил утилитарный подход. На северном дворике стоит Портная одностолпная палата 1645 года — постройка времени игумена Маркелла, ещё одного соловецкого святого. Как вы думаете, подо что её может использовать монастырь? Оказывается, в палате очень хорошо хранить картошку! На моё искреннее изумление о. Герасим

также искренне изумился: «А где её ещё хранить-то?» Почин замечательный. Его можно распространить и далее, скажем, на Грановитую палату Московского кремля. Как будто нет вообще иных помещений. А ведь буквально за год до этого монахи сломали старый каменный погреб на северном дворике буквально в нескольких метрах от той же Портной палаты.

А что же государственный музей-заповедник? А он не реагирует на нефункциональное использование монастырём помещений, хотя обязан. Почему? Наверное, потому, что это будет в очередной раз расценено монахами как посягательство на деятельность монастыря, вмешательство в их дела. И в очередной раз это будет преподнесено общественности и патриархии как конфликт между монастырём и музеем. Положа руку на сердце могу засвидетельствовать часто встречаемую среди паломников озлобленность к одному только слову «музей». **Все устали от этого ненужного и разрушительного для душ противостояния.** К сожалению, у монастыря есть и веские контраргументы для противостояния музею-заповеднику. Неоднократно монахи выговаривали музею за состояние Трапезной палаты — шедевра древнерусской архитектуры XVI века, стены которой год от года продолжают покрываться коркой жёлтой плесени. Претят монастырю (и вполне обоснованно) планы музея-заповедника превратить Соловки в крупнейший международный туристический центр с многочисленными отелями, ресторанами и прочими несовместимыми с монастырём объектами. А по мне, и существующие частные пивные ларьки на Соловках неуместны, не говоря о круглосуточной торговле водкой.

Благодаря спонсорской поддержке монастырь приступил к ремонту фасадов корпусов северного дворика. Работы ведёт реставрационный кооператив «Палата». Казалось бы, почему не воспользоваться удачной ситуацией и не восстановить южный фасад старинной Рухлядной палаты. Здесь сохранились прежние арочные оконные проёмы, которые в XIX веке просто заложили кирпичом, пробив рядом казённые прямоугольные окон. Используя обмерные чертежи П. Д. Барановского 20-х годов и материалы обследования О. Д. Савицкой 70-х годов, вполне можно было бы воссоздать и уничтоженный столп на втором этаже. На Соловках стало бы на одну одностолпную палату больше. Но монастырский келарь не поддался на уговоры: «*Мы здесь живём! Будет темно в помещении*». В итоге всё оставлено на своих местах, **внутри палаты сделан евроремонт. А электрический свет всё равно горит внутри постоянно, освещая монастырскую лавку, там расположившуюся.**

А что касается археологии, то у келаря Герасима к ней особое отношение. Она, по его рассуждениям, вообще не нужна. Все эти железки, черепки... Поэтому у нас неоднократно возникали споры, когда он отдавал распоряжение трудникам срезать грунт без археологического надзора. Довод один: **какой это культурный слой? Это же помойка.**

В начале октября 2006 г. по его приказу на северный дворик был пригнан экскаватор, который ковшом стал вычерпывать землю из бойницы подопленного боя крепости. Чтобы прекратить это безобразие, мне пришлось залезть на руку ковша перед кабиной. А стоящий рядом монашествующий брат Герасим, плавно помахивая ручкой, под мой ор спокойно продолжал отдавать указания экскаваторщику: «Копай! Копай!» Едва удалось выгнать технику, как Герасим дал указание трудникам снимать землю рядом с другой бойницей на месте знаменитой Никольской тюрьмы XVI—XVIII вв. И только мои слова о том, что я сейчас вызываю милицию, составляю протокол о нарушении 63-й статьи Закона об охране культурного наследия и завожу лично на него (а не на монастырь) уголовное дело, наконец-то возымели воздействие.

Я неоднократно задавал келарю Герасиму вопрос: «Зачем Вам Соловки? Взяли бы какой-либо другой монастырь и уродовали бы себе на здоровье, если только позволят! Вы не понимаете, какой великий памятник вам достался! В Западной Европе вам бы и гвоздя не дали вбить в стену без разрешения органов охраны культурного наследия. А здесь вы что хотите, то и творите!» В ответ же — искреннее, именно искреннее, недоумение. Что это — невежество, беспросветное бескультурье? Но тогда размеры их поражают, тем более сам Герасим человек интеллигентный — бывший студент-философ. А может быть, дело в том, что **монахи пришлые, большинство из Молдавии, Украины, российских глубин, и им дела нет до всяких историко-культурных памятников Русского Севера?** Всё сложнее. Пожалуй, все точки над «i» расставил представитель монастыря в своём выступлении на круглом столе, состоявшемся в Санкт-Петербурге в ноябре 2004 г. Был чётко обозначен водораздел в понимании Соловков светской и духовной властью. «Главное для монастыря, — заявил он, — это *духовность, а для музея — мёртвые бездушные памятники*». Вот оно — **«бездушный памятник»!** При этом **напрочь забыто**, что слова «**памятник**» и «**память**» **однокоренные. Память о прошлом не может быть бездушно-бездуховным понятием.** Похоже, современные соловецкие монахи, заботящиеся в основном о внешней чистоте и ремонте зданий, монополизировали права на духовность: духовность может быть только религиозной. Душу, душу спасать надо! — твердят монахи. Согласен, надо! Но для этого следует творить благие дела во всём, хотя бы элементарно не нарушая действующий закон, и не забывать, что **намоленные за многие века Соловки пронизаны духом великого прошлого. И памятники культуры, как свидетельство этого прошлого, надо беречь и сохранять для себя и потомков.**

В декабре 2006 года мне довелось посетить Антониево-Сийский монастырь. Его настоятель сам пригласил местного археолога, чтобы по материалам раскопок воссоздать разрушенный корпус XVII в. Сколько любви к восстановленной церкви-колокольне звучало в устах местного экскурсовода! Или взять остров Анзер, где совершенно иное отношение ко всем объектам культурного наследия, где отчётливо присутствует и воплощается в жизнь (не без трудностей, конечно) реальное стремление воссоздать как можно достоверно все утраченные святыни.

Между тем соловецкие монахи уже открыто заявили свои претензии на все постройки монастыря и все Соловки: «*Верните нам всё, что у нас забрала безбожная советская власть!*» Но, во-первых, закона о реституции не существует. А, во-вторых, XX век внёс такие глобальные изменения в общественное сознание, столько нового было открыто и заново осмыслено в истории Соловков и Соловецком зодчестве, что Соловецкий монастырь стал объектом всемирного наследия. Он не может принадлежать конкретной монашеской общине (численность её 30 человек), сотрудникам музея-заповедника (200 человек), Иванову или Петрову. Соловки неделимы! И это давно пора понять. «Так исторически сложилось! Нельзя также из истории Соловков вычеркнуть ГУЛАГ. Кто будет охранять, изучать его памятники, напоминающие о величайшей трагедии народов России XX века? (Попутно замечу, что музею-заповеднику необходимо срочно отказаться от скороспелых планов разобрать пристройку к зданию монастырской электростанции эпохи ГУЛАГа.) Кроме того, Соловецкий архипелаг — это природный заповедник, бережение которого и изучение природы не является уделом монахов.

Если всё же передача, как на Валааме, состоится, то на научной и ненужной монахам реставрации Соловков можно будет окончательно поставить крест, как и на археологии, и на науке в целом. А дело к тому явно идёт не без согласования на самом высшем уровне. Первый признак вывода музея (пока только с территории монастыря) уже налицо: в 2006 году музею передали огромное трёхэтажное руинированное здание Преображенской гостиницы. Она стоит вне монастырских стен на берегу морской бухты. Отдельной строкой в бюджете на её реставрацию выделены немалые средства. Полагаю, вывод с территории монастыря самого музея теперь вопрос времени. И это будет огромная ошибка.

В стремлении монастыря вытеснить музей-заповедник заметна экономическая составляющая: музей — конкурент, он перехватывает большие потоки туристов. При этом монастырь упрекает музей в коммерческой деятельности, хотя сам зарабатывает немалые деньги на паломниках. За одну только поездку на монастырских катерах на Анзер взимается плата в размере 700 рублей.

Братия настаивает на передаче отдельных зданий на территории монастыря. И музей постепенно уступает, что не всегда оправданно. На баланс монастыря в ближайшее время должно отойти здание бывшего монастырского гончарного завода. Очень жаль, потому что в нём можно было бы развернуть уникальную экспозицию, нужную и паломникам, и туристам, о гончарном производстве Соловецкого монастыря XIX—начала XX века. Но здание будет отремонтировано и приспособлено под жильё.

Другая боль соловецкая — **набирающая темпы урбанизация Соловков.** Соловки начинают активно терять своё очарование и дух, ранее пропитанный стариной и северным колоритом. Нет уже неповторимых гулких деревянных тротуаров. Их заменили дорожки из бетонных плит или, как в лучших городах Европы, аккуратно уложенные каменные плитки, никоим образом не сочетающиеся с древней архитектурой. Этими плит-

ками музей и монастырь замостили не только дорожку вдоль западной стены средневековой крепости, но и часть северного дворика, а также дорожку перед кельями.

Для маленького острова слишком много стало машин, прежде всего личного транспорта. Проезжая по посёлку, они обдают прохожих шлейфом пыли. Шутки шутками, но не удивлюсь, если вскоре на Большом Соловецком острове поставят светофор.

Где на острове гладкие живописные дороги, некогда любовно вымощенные монахами? От них уже ничего не осталось. Дороги или замостили бетонными плитами, как у посёлка, или они просто брошены на произвол судьбы и разбиты до стадии глубоких канав современными грузовыми машинами. Добивают их размякшиеся легковые машины. Ямы при этом засыпают всяким мусором — битым кирпичом, опилками — кто во что горазд. Поразительно, но никого не смущает, что всё это находится на традиционных пешеходных маршрутах — в сторону Муксалмы, в Филипповскую пустынь. Летом 2006 года трактора «покорили» одну из самых живописных дорог — в Берёзовую тону. А по дороге на Реболду ямы вообще не засыпаются за безнадёжностью. Поездка на микроавтобусе в сторону Глубокой губы, к пристани, превращается в немалое испытание, сопоставимое лишь, наверное, с поездкой на марсоходе по дикой планете.

Ещё одна проблема — аэродром. Он был на Соловках уже в 70-х годах. Услугами самолётов мы пользовались неоднократно. Было удобно за час преодолеть 300-километровое расстояние от Архангельска до архипелага. Но тогда аэродром был маленький, предназначался он для обслуживания местной авиалинии. Иное дело теперь. Желание чиновников прогнать через Соловки как можно больше туристов, прежде всего иностранных, и заработать на этом деньги, привело к идее строительства на Соловках большого аэродрома для крупных самолётов, которые могли бы преодолевать расстояние в тысячу километров без промежуточных посадок. Взлётную полосу расширили и удлиннили. Итог: дальние самолёты летают крайне редко, зато уничтожены остатки ботанического сада, нарушена экология острова. Теперь без содрогания нельзя смотреть на то, что сотворили с миниатюрным некогда живописным озерком близ Филипповской пустыни. Берега его со стороны аэродрома подсыпаны землёй, которую бульдозер сгребал на самый край водного пространства для максимального удлинения полосы — непосредственно в воду. На противоположной стороне прямо в озеро воткнуты железные стойки с сигнальными фонарями, между которыми провисает электрический кабель. Унылое зрелище мёртвой зоны. А далее к востоку, на продолжении взлётно-посадочной полосы, широченная просека — всё, что осталось от росшего здесь леса. Это место постепенно превращается в несанкционированную поселковую свалку, располагающуюся под крылом самолёта. Не знал святой Филипп, рачительный правитель Со-

ловецкого монастыря, что сотворят с природой вблизи места его пустынножительства.

С неконтролируемым, нарастающим год от года наплывом посетителей всё острее и острее заявляет о себе проблема возрастающего количества мусора на Соловках, особенно вдоль традиционных пешеходных и водных маршрутов. Валяются бутылки, бумажки, пакетики. Музей вынужден устраивать постоянные экологические рейды для наведения чистоты. Даже на берегу Святого озера, где специально установлен контейнер для отходов, желания его заполнить у нашего дикого туриста, да и у местных жителей, устраивающих здесь пикники, особенно не наблюдается. Разрастается поселковая свалка. И как ей не увеличиваться в размерах, если со временем вся упаковка, в которой доставляются на Соловки продукты, использованные вещи, окажутся в конечном итоге здесь. Это в основном плёнка, негниющая пластмасса. Но свалками довольны вороны, чайки, животные. Мне постоянно приходилось видеть разбросанные пакеты из-под йогурта, майонеза в лесных чащобах. Сначала я ругал туристов, пока кто-то не подсказал, что этот мусор разносят со свалок птицы. С водой вся дрянь со свалок попадает в землю, загрязняя её, и расплзается пятном вокруг. Но вопрос о переработке мусора даже и не стоит.

Старая, исчерпавшая ещё в XX веке свои ресурсы электростанция, продолжает дарить посёлку свет и тепло, столь необходимые для нормальной жизни человека. Но XXI век не может не предъявить к ней новые требования. Тишина, к которой стремится душа городского человека на Соловках, не находит покоя. Шум, постоянный гул над водами Святого озера. Это тарыхтение преследует днём и ночью. От него некуда деться. Он завис над Соловками. Работает электростанция на солярке не одно десятилетие. Все выбросы идут в чистейшую атмосферу, а затем все загрязнения, включая тяжёлые металлы, выпадают в болота, озёра, огородную почву. Может ли кто-нибудь ответить на вопрос, сколько гадости вобрали Соловки от дыхания этого «бронтозавра» и долго ли это будет ещё продолжаться? Думается, долго, ибо денег для её замены на ветряные установки в местной казне нет. К тому же с ликвидацией Соловецкого района и после приписки Соловков к Приморскому району и без того скромный бюджет Соловецкого посёлка существенно урезан.

Потери несёт природа, что особенно ощутимо вблизи посёлка. Под представительство администрации Архангельской области (грехи, что ли, замалчивать?) в Школьной губе на берегу моря вырубил сотню берёзок. Однако после протеста общественности, сопровождавшегося митингами и сбором подписей под письмом о незаконном землеотводе, стройку перенесли на северный берег Святого озера. Теперь уже там вырублен лесок. Прежний губернатор стал возводить огромные хоромы, но после переизбрания новый губернатор приостановил строительство за ненужностью самого представительства. Чреват бедами план расширения Соловецкого посёлка. Новая застройка станет методич-

но разрушать сложившийся поселковый исторический ландшафт. На священном Анзере в Троицкой губе планируется даже строительство коттеджей... Словом, Соловки ждут ещё большие перемены, и не в лучшую сторону. Узел проблем лишь затягивается, а их разрешение в ближайшие годы не предвидится.

А внешне при беглом взгляде всё в порядке. Здания в строительных лесах — значит, идёт полным ходом реставрация. Копают траншеи, прокладывают столь необходимые коммуникации — наконец-то приходит цивилизация. В храмах идёт служба, сияют позолотой новые иконостасы — возрождается духовная жизнь. Открылись новые экспозиции — музей-заповедник активно функционирует, пропагандирует и охраняет великое наследие... Кто-то спросит: «А разве не так?»

Комментарий «Двины»

«ИПИРОВА ПОБЕДА»

Владимир Андронович Буров честно и своевременно рассказал о своём видении современной ситуации на Соловецких островах. На обнародование личного мнения автор имеет особое право. Он много лет посвятил изучению прошлого, будучи высококвалифицированным археологом и специалистом по средневековой истории.

В его статье сосуществуют несколько взаимосвязанных сюжетов. Дана оценка деятельности ИПИРа; высказано опасение, что монастырская братия недооценивает значения Соловецкого наследия; политика государства в области охраны памятников способствует восстановлению зданий, но не благоприятствует научной реставрации. С этими утверждениями трудно не согласиться, но уныние — большой грех и прежде, чем предаться ему в полной мере, хотелось бы присесть с друзьями на берегу моря и побеседовать на заданную тему.

Мы разрушаем Соловки, Россию и самих себя. Воинствующее невежество торжествует, но не знает, что делать с победой и призывает поверженных специалистов совет держать. Возможно ли государство без идеологии? В головы соотечественников исподволь закрадывается мысль о том, что

идеалы нельзя придумать — их можно выстрадать, а выстрадав, — вспомнить. Боль, в том числе «соловецкая», — это последняя и единственная возможность понять, кто мы и для чего пришли в сей мир. Далее остаётся подумать о душе, традиционных духовных основаниях и об артефактах — символах и образах утраченных ценностей.

Соловки — Святыня. Монашеская братия более чем кто-либо открыта к принятию данного утверждения. Конечно, не всеми отцами и не сразу. Земная церковь отделена от государства, но не настолько, чтобы социальные болезни совершенно её не касались. С теми, кто не понимает, где живёт и реализует свои материальные интересы, необходимо работать: убеждать, звать к совести, грозить судом земным и небесным. Толк будет.

Владимир Андронович упоминает о том, что на острове Анзер восстановительные работы ведутся качественно. Необходимые требования соблюдаются. Доподлинно не знаю, но с радостью готов в это поверить. Тем более, что Свято-Троицкий и Голгофо-Распятский скиты находятся в ведении Церкви.

Перспектива передачи «монастыря» Монастырю, с точки зрения Владимира Андроновича, бесперспективна для сохранения Наследия. На наш взгляд, эта мысль уязвима по причине отсутствия в ней логики. Любому хозяйству нужен Хозяин. Что означают слова «охраняется государством», всем хорошо известно. Каждый видел эту сакральную надпись на доживающих век деревянных храмах. Всё лучшее, что сделано самоотверженными музейными работниками и реставраторами до «перестройки» и во время оной, происходило не «благодаря», а «вопреки». «Светская» власть — это советская власть, хромающая на одну букву — букву Закона. **Нет альтернативы Православному Монастырю ни у Соловков, ни у России, ни у всех нас.** За всю отечественную историю мы так и не выработали, не придумали никакого другого идеала, кроме того, ради которого философы, подобно отцу Герасиму, уходят в монахи. И если не можем принять этот идеал, остаётся запереться в «монастыре» собственного духа.

Василий МАТОНИН,
чл. Союза писателей России

Фото Юрия Бродского

- Почтовый адрес редакции:
163069, г. Архангельск, ул. Выучейского, 18-508
- Тел. 65-00-38
- E-mail: dvinalit@atnet.ru
- Http: <http://writers.aonb.ru/>

Журнал зарегистрирован в федеральном государственном учреждении «Северо-Западное окружное межрегиональное территориальное управление Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций» ПИ № 3-5260.

При перепечатке ссылка на журнал «Двина» обязательна.

Рукописи внимательно рассматриваются, но заключения или рецензии авторам не выдаются. О возвращении рукописи автор заботится сам.

Сдано в набор 15.08.07.
Подписано в печать 01.10.07.
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 6,51. Тираж 1000.
Заказ 3400.

Компьютерное обеспечение:
Л.Е. Авдеева, Н.А. Ермакова,
Р.В. Федосов, Н.Г. Устюжанина,
Г.Е. Владимирова,
Т.И. Некрасова, Е.И. Малышева.

Корректоры: А.С. Дерябина,
С.В. Калинина, Ю.С. Кузнецова,
Н.А. Низовцева.

Журнал набран, сверстан и отпечатан в ОАО «ИПП «Правда Севера», Архангельск, пр. Новгородский, 32